

Иван Любименко Как выжить в Пасти Быка. Тайны телешоу «Последний герой»

Последний герой – 1

«Как выжить в Пасти Быка. Тайны телешоу «Последний герой»»: Вагриус; 2002

Аннотация

Что такое телеигра «Последний герой», которая сорок дней держала в напряжении полстраны: занимательное развлечение, срежессированное талантливым постановщиком, или вынесенная на публику человеческая драма? Версия Ивана Любименко — одного из участников-финалистов — рассказывает о том, что осталось за кадром популярного шоу, отвечает на вопрос: как добиться успеха в игре, которая называется жизнь?..

Иван Любименко

Как выжить в Пасти Быка. Тайны телешоу «Последний герой»

Благодарю моих родителей и близких за поддержку, терпение и помощь при создании этой книги. Без частных споров и обсуждения смысла Игры я бы не смог сформулировать то, что вынес. А моего папу вообще по праву можно назвать соавтором...

Человек странно устроен. Когда его манит какая-то цель, он утверждает: «Главное — работать не покладая рук, чтобы достичь эту звезду». Когда же он достигает ее, то часто говорит: «Просто надо оказаться в нужное время в нужном месте». Наверное, это как раз тот самый случай. Думаю, никто из шестнадцати первых Последних героев не является каким-то особенным, экстраординарным. Их выбрали из огромного числа таких же веселых, грустных, громких, тихих, трудолюбивых, ленивых, умных, сильных и слабых...

Например, я. Совершенно обычный молодой человек, которому... повезло? А как можно

достичь этого? Наверное, можно. Первый автограф я дал после острова вахтерше пансионата под Москвой: «Терпенья и чуточку удачи и вы — герой...» Готов подписаться под этими словами сейчас. Тогда я не знал, что написать на клочке бумаги, чтобы человек улыбнулся от удовольствия, спрятав напутствие и пожелания «героя». Однако написанное верно.

Я уверился в том, что главное идти, несмотря ни на что, в направлении, которое вызывает в вас уверенность и постоянно манит. Нет, я не мечтал попасть на необитаемый остров, где много телекамер, чтобы потом оказаться на ТВ. Я уже очень долго искал возможность доказать людям, что я есть и что в человеке всегда имеются некие незаменимые качества, которые никогда не будут удостоверены дипломом. Представляю: «Диплом честности» или «Сертификат доброты». Эти качества столько раз подвергались все новым испытаниям, что я уже начал сомневаться в том, что можно навсегда остаться таким, каким ты себя в общем-то видел ранее.

Нам очень повезло. И, думаю, формулировка — «оказаться в нужное время в нужном месте» здесь отчасти верна. Это та самая «удача», которую получает как вознаграждение за «терпение» человек. Главное, что повезло нам всем. Замечу, что не главное — остаться до объединения Племен на острове. Не главное — остаться до конца и быть Последним. Даже те, кто ушел в самом начале Игры, — являются по праву героями. Когда мы все смотрели первую серию в ресторане, сразу по возвращении из Панамы, то с нелепым удивлением обнаружили, что в конце серии кого-то «съели». Это была Лена Кравченко. В зале воцарилась гробовая тишина, когда Лена на экране говорила Лене в зале и всем остальным: «...Первой быть страшно и обидно, но я сильная, и поэтому это я...» Речь Лены завершилась аплодисментами всех. Мы подбегали к ней, чтобы восхититься ее силой. Она достойно покинула остров. Вместо нее мог бы быть некто, который уходя сказал бы оставшимся гадости. Лена не сделала этого и потому она не меньший герой, чем все остальные.

Среди шестнадцати человек, которые были поставлены в столь тяжелые условия, осталось много друзей. И правы были бы те, кто сказал, что эта дружба наиграна, если бы через несколько месяцев после Острова герои перестали бы общаться. Но скептики были не правы. И я очень этому рад. Мы встречаемся в Москве нашей последней пятеркой вновь и вновь, обсуждая общие планы, наслаждаясь обществом друг друга, микшируя островные темы с обыденными. Поэтому я бы хотел обратиться к читателю: «Человек, экс-зритель или будущий читатель „Последнего героя“, не создай себе кумира. Среди нас нет ни одного самого хорошего. Среди шестнадцати героев множество достойных!»

Поймите правильно, «Последний герой» для меня — это не передача с очень высоким рейтингом. Это едва ли не самый насыщенный кусок жизни, который смело можно назвать самой «жизнью». Попав на остров, мы заново родились. Переродились. Увидев свои достоинства и недостатки, я стал учиться быть сдержанным и вежливым, трезвомыслящим и честным. Когда эта маленькая жизнь закончилась, стало очень грустно от того, что выживать здесь теперь для меня сложнее, чем раньше. Странно, но факт...

По возвращении в Москву, а затем и в Волгоград я испытывал, боюсь, неповторимые ощущения. Связано ли это с недостатком витаминов в организме или с изменением климата — не знаю. Но стоило лишь на минуту остановиться, перестать двигаться, и я чувствовал странный приятный зуд по всему телу. Такое ощущение (не подумайте, что я испытывал его раньше), что меня пересадили в другое тело. Это не мешало мне жить. Просто я как никогда чувствовал, ощущал свое тело.

Было смешно и как-то страшновато одновременно. Смотришь на свою руку и по-новому осознаешь, что она есть. Это ощущение нового тела вскоре прошло. Одна моя знакомая, которая сорок лет уже в яхтенном спорте (она, как выяснилось, и вокруг Бокаса ходила на яхте), утверждает, что это из-за того, что мы постоянно и долго находились в море. Ритм движений и жизни нашего тела изменился. Поэтому, вновь вернувшись на землю, мы все должны испытывать нечто подобное.

Поверьте, возвращаться на землю с небес архипелага Бокас-дель-Торо было очень жалко. Почему-то никто из нас не переживал так, когда мы улетали из России, находясь в полном неведении относительно места назначения, тонкостей Игры, на которую обрекаем себя на сорок дней. Так давайте же и здесь выживать по-честному, без интриг и подковерной борьбы в

кровожадном племени. Может быть, тогда, уезжая отсюда, я буду чувствовать такую же тоску по Родине и обществу, по трудностям этой жизни и радостям побед.

Герой... Последний?

ПРОЛОГ

Волгоград. Москва. Полигон МЧС в Ногинске.

— Вы не могли бы завтра приехать в Москву? — в одиннадцать часов вечера этот вопрос звучит несколько неожиданно. Конечно, анкету из «Комсомольской правды» на участие в проекте «Последний герой» заполнял, в Москву отправлял, но в суете как-то забыл об этом.

Требуемых справок: не псих, не наркоман, на учете в тубдиспансере не состою — и других бумажек у меня, естественно, нет.

— Приеду в воскресенье.

Для меня эта поездка — способ уйти от монотонности происходящего в Волгограде. Не верю, что конечным результатом какого-то кастинга может стать поездка на необитаемый остров близ Панама. Чушь какая-то... Бокас-дель-Торо!!! Звучит слишком красиво, чтобы быть реальностью.

Денек выдался насыщенным. Поскольку все справки требовались в срочном порядке, приходилось всякий раз объяснять: суперпроект ОРТ, необитаемый остров, выживание, ядовитые твари... Тетенки в белых халатах довольно быстро соглашались выдать необходимые промокашки с синими разводами и печатями. Мой рассказ о проекте звучит для них достаточно убедительно, хотя я сам плохо представляю суть этого самого выживания.

У всех на устах вопрос: а родители не против? Не каждый врач правильно понимал их отношение к происходящему, тогда я объяснял, что газету с проектом положила на мой стол мама. А вот папа стоит за дверью, прикрывает тылы: вдруг врач не поверит, что они сами сплавляют сына на съедение крокодилам и злобным соплеменникам. В Средней Азии мои родители занимались экологическим туризмом, ходили по горам Памира и Тянь-Шаня. А в тринадцать лет мне разрешили самостоятельно пойти с группой в горы Киргизии на десять дней. Но об этом рассказывать не приходится, бумаги нужные к обеду собраны. Собираю рюкзак.

Ни друзья, ни моя девушка не верят в успех предприятия. Только родители воодушевлены и полны оптимизма. Даже странно: чего они так радуются моему отъезду?

На поезд до Москвы билетов нет, на самолет — нет, на автобус — НЕТ!

Такой осады никак не ожидал. Автобус, последний вариант, считался абсолютно надежным. Увы, конец лета, все спешат в столицу. Водитель автобуса немногим старше меня, и это помогает установить контакт. Меня берут с перспективой, что кто-нибудь выйдет до Москвы, и я сяду на его место. В глазах, «правильных» пассажиров с билетами внятно читается либо сочувствие (до чего же бедными стали наши студенты!), либо осуждение (совсем обнаглел парень: уже и здесь зайцем норовит проехать!)

Долго на ступеньках автобуса не сидел. Преодолев определенные комплексы и дождавшись, пока выключат свет в салоне, вытягиваюсь в проходе во всю свою длину: завтра с утра беседа с продюсером и надо отдохнуть. Только бы не наступил кто ненароком.

К путешествиям в спартанских условиях мне не привыкать. В 1992-м в Таджикистане, где мы тогда жили, началась война. Даже во двор выходить было опасно. А когда однажды в час ночи пешком вернулся домой из школы в центре города, — транспорт не работал, — родители решили отправить меня от греха подальше к бабушке во Фролово, в Волгоградскую область. Билет на поезд с огромным трудом достали, но хлопоты оказались напрасными — на моей полке сидели трое. Забрался на багажную полку и около трех суток старался без нужды не спускаться.

...Ночь. Под Рязанью кто-то выходит, сидячее место освобождается, хотя мне и мое «лежачее» успело понравиться. Даже поспал, хотя дует понизу изрядно. Усевшись в кресло, пытаюсь честно ответить сам себе на вопрос: зачем все-таки еду в Москву?

Как ни банально, не из-за денег. Во-первых, слишком заоблачна эта цифра. Во-вторых, не

очень представляю, как вообще можно выиграть такую большую сумму денег. После фильтрации вариантов в сонных мозгах остается лишь светлое, доброе и пушистое. Хочется испытать себя, не взрывая селитру во дворе и не бегая по льдинам в двадцатиградусный мороз по Волге, а вот так — на острове... Что опасней — большой вопрос, но в тропиках интереснее. И это несмотря на то, что суть процесса этого выживания представляю очень слабо. От мысли о возможном участии в проекте бегут мурашки по коже, а в голове рождаются самые невероятные сценарии развития событий. Схватки с крокодилами, битвы с оцелотами... Но до этого далеко, а забегать вперед, рассчитывая на то, чего еще нет, не люблю.

Вместе с тем к предстоящей беседе отношусь со здоровой опаской человека, уже имеющего неприятный опыт общения с королями «лохотронов» и императорами сетевого маркетинга. Настрой можно сравнить с мандражом перед собеседованием о принятии на работу...

Офис проекта «Последний герой» отыскал быстро. Вместе со мной это удалось еще одиннадцати искателям приключений, которых обнаружил в помещении. Все уже либо что-то писали, либо застыли в ожидании. Прохожу в глубь небольшого «вольера» для соискателей, сажусь на свободное место. Неизвестность заставляет нервничать. Людей рассматривать неловко, но замечаю, что я явно моложе всех. А проекту наверняка зубры многоопытные нужны. Энтузиазм несколько спадает, но с заполнением первого теста отвлекающие мысли улетучиваются. Тест каверзный, можно отвечать только «ДА» или «НЕТ». Как бы вам, например, понравился вопрос типа: «Как часто вам приходят в голову мысли, которыми вы не хотели бы делиться с остальными?» Иногда такое приходит в голову. Не то что делиться, самому вспоминать противно. Кстати, прочитал этот вопрос и такая мысль относительно составителей анкеты в голову пришла, что тоже лучше ни с кем не делиться.

Подходят другие новички. Как и я час назад, пряча глаза и волнуясь, быстро заполняют анкету № 1. Заполнившие анкету ждут бесед с продюсером, психологом, врачом... Кого нам, интересно, судьба еще уготовила? Часа через два беседуем с психологом. Похоже, мои туристские и иные подвиги мало кого интересуют. Им важнее понять, что я собой представляю.

Все приехавшие чувствуют себя невероятно уставшими. Некоторые прибыли сюда прямо с поезда с сумками и рюкзаками, но уверяют, что не огорчатся, если не пройдут в следующий круг. Особого напряжения нет, поскольку слишком все кажется нереальным. Мутно и подозрительно. Каждая трещинка помещения в мельчайших подробностях изучена нашей компанией из 12 человек, томящейся по воле режиссеров около 8 часов в одной из голостенных комнаток. Неужели путь на загадочный архипелаг Бокас-дель-Торо может начинаться в стенах недостроенного офиса с этим странным подвесным потолком?

Шесть часов вечера. Извинения продюсера Татьяны в связи с нашим долгим ожиданием увенчались главным — сообщением о результатах собеседования. Выбрали троих, и я в их числе. Особой эйфории на лицах удачливой троицы нет, скорее радость от не зря прожитого дня. Как, впрочем, и нет печали на лицах аутсайдеров. Мы прощаемся.

После первой встречи с организаторами стало ясно, что они будут стараться организовать столько всего всякого, чтобы отобрать из нас самых-самых, что скучать не придется. А еще после знакомства с тем, что организаторы организовали, стало понятно, что их организация оставляет желать лучшей организации.

В первый день пребывания в собственном номере гостиницы, чего со мной доселе не случалось, хотелось просто лечь в мягкую теплую кровать, тупо уставиться в экран, переключать монотонно каналы. Хотелось делать это, а точнее, ничего не делать до того момента, когда глаза плавно закроются сами собой. Но этой затее сильно мешал телефон. Незнакомые девушки с мелодичным голосом беспокоились о часах досуга отдыхающих. Сначала отвечал вежливо, с виноватым оттенком, но потом уже не стеснялся в выражениях.

Вообще-то кандидатам в герои не рекомендовалось общаться друг с другом. Но скоро выяснилось, что в нашей гостинице едва ли не вся Россия собралась: Новосибирск, Саратов, Уфа, Йошкар-Ола, а позже еще и одесситы, киевляне... Появление украинцев сразу внесло особый колорит в наши будни. Прежде всего, они были убеждены, что все русские, окружающие их, это москвичи и мечтают они только об одном — как бы обидеть ни в чем не повинных украинцев. Сплоченность представителей дружественного нам народа особенно ярко

выражалась в «участии» в очередях. Стоило одному из них затесаться среди нас, как тут же и его земляки оказывались впереди смиренных россиян.

«Та спроси Миколу, мы все тут булы!!»

Стояние в очередях надолго стало нашим «любимым занятием». Трудно сказать, как планировали организаторы проекта проведение многочисленных медосмотров, но несколько побочных целей было, безусловно, достигнуто. В очередях мы перезнакомились, перессорились, помирились... Хотя, может, и это входило в одно из занятий психологов — наблюдать за нашим поведением в самых разных ситуациях. Народ подобрался морально крепкий, трудности нас только закаляли. Сегодня немного повздорил с одной теткой. Кажется, ее зовут Надя Семенова. Она медработник и поэтому пытается везде пройти без очереди. Призвал ее к порядку, конфликт утих.

Первую приятную новость сообщил стоматолог: «У вас природная санация». Такого научного выражения прежде, честно говоря, не слышал. Тем, у кого не было «природной санации», пришлось лечить зубы, что потребовало немало затрат нервных и финансовых.

Раздали по видеокассете с информацией о специфике выживания в тропиках. Увиденное и услышанное впечатляло. Заместитель начальника отряда «Центроспас» МЧС России Владимир Легошин рассказал, что можно есть в условиях, которые нам уготованы.

Лег поздно, угнетенный тяжкими раздумьями о предстоящих, возможно, приключениях. Пытался определиться в выборе твари, которую стал бы ловить, окажись на острове. Выбор непрост: трудноуловимые птицы, хищные рыбы, которые сами съедят кого угодно, крокодилы, змеи, мыши, осы, стрекозы, черепахи...

Сегодня впервые явственно ощущаю желание пройти отбор. Уже нет сомнений в том, что это действительно отбор на передачу, которую будут снимать где-то в Карибском море. Вот только в голове все пока не укладывается. Фантазия рисует, например, такую сцену: обросший, грязный, в рваной одежде, я набрасываюсь на беззащитную черепаху, пытаюсь расколоть ее панцирь камнем... Или: заметив, что кому-то угрожает опасность, бегу сломя голову, чтобы спасти товарища по выживанию от какого-то хищника.

Через секунду смеюсь над собой, какие там черепахи и хищники?! До всего этого мне далеко, как до Луны!!! Но желание добыть путевку до этой самой «луны» становится все сильнее.

С московским приятелем сходил поиграть в баскетбол. Знакомство с населением Москвы всегда для меня интересно, особенно когда речь идет о сверстниках. Новые знакомства вызвали немало улыбок и типичных ощущений от крутости москвичей, их манеры общаться о невероятных, на их взгляд, для провинциала вещах. Вы представляете, оказывается, в Москве водителям частных авто и их пассажирам не обязательно пристегиваться ремнем безопасности! Ну надо же, какой разгул демократии.

Играть отправились в зал ЦСКА. В тот самый, где будут принимать Евролигу, где постоянно проходят чемпионаты и который показывают по телевизору. Удовольствие это платное: берут по 60 — 80 рублей с каждого желающего здесь поиграть, но это когда народу много. Нас всего четверо, однако баскетболисты по разуму все же настаивали на игре. В момент оплаты выяснилось, что деньги есть только у двоих. Так у меня стало на 350 рублей меньше.

Позвонили из офиса: нужно подъехать, чтобы получить направление на прививку от желтой лихорадки, а также и договор между кандидатом и проектом, который следует прочитать и подписать.

Ощущение от укола под лопатку не из приятных. Старенькая врач бескомпромиссно заявила, что спиртного нельзя употреблять семь дней, и отпустила с миром.

Ночью пытался прочесть вышеозначенный сборник пунктов, указаний, правил и директив, но хватило меня ненадолго. Усталость от очередной пробежки по Измайловскому парку плюс выпитая бутылка пива тянули к подушке, как камень на шее в воду.

Допивая пиво, вспомнил слова врача насчет спиртного, но было поздно.

Сегодня подписывали Соглашение с участником телеигры «Последний герой». Какой-то дотошный юрист с Украины (позже узнал, что это был не юрист, а слесарь Целованьский Александр) часа два спорил с консультантом проекта, но потом все же договор подписал. Через

пару дней прошел слух, что кто-то отказался подписать договор и был исключен. А еще двоих якобы вычеркнули из списка по состоянию здоровья. Достоверность информации проверить не удалось.

Вообще об «утках» стоит сказать подробнее. Усердно раздувалась, к примеру, байка, что в наших номерах установлены подслушивающие и подсматривающие устройства или что преимущество будет отдано претендентам с артистическим опытом. Слухи возникали, как грибы после дождя, и, что отрадно, некоторые из них сбывались. Другие «убивались» более свежими фантастическими новостями либо наступлением того самого события, о котором ты недавно что-то слышал.

Вечером болела голова и чувствовалось некоторое повышение температуры. Как выяснилось, подобное испытывали все получившие прививку, но о ее побочных эффектах почему-то никого не предупредили.

Отсев идет непрерывно, но по каким критериям он происходит, никто определить не может. Замечаю лишь иногда, что какое-то знакомое лицо исчезло. То и дело принудительно милые психологи вызывают по нескольку человек. С интервалом минут в двадцать эти люди по одному возвращаются в толпу вечноожидающих и иногда, ничего не сообщая, просто уходят. Бывало, после ухода некоторых из них возникала неловкая пауза. Но через минуту, как правило, печаль улетучивалась, и перманентный шум небольшой толпы продолжался. Каждый понимал, что следующим может оказаться он сам.

В понедельник требовалось подъехать в офис, чтобы забрать подобранные для полигона МЧС одежду и обувь. Ждать пришлось долго. Толпа шутила, рождала новые слухи, томилась от безделья. Все ждали хоть какой-то информации. И она поступила...

Именно в этот ясный, не предвещавший ничего плохого день организаторы решили сократить состав. Эта участь постигла семерых. Их приглашали в офис по одному и там сообщали эту скорбную весть. Одни встречали ее чуть ли не со слезами на глазах, другие вели себя стойко. На глазах у всех, пугая собравшихся, злобный факс выдал полный список фамилий участников, покидающих проект. Третьим был Дима Малахов — один из новых хороших знакомых. Мы обменялись с ним адресами, Дима выкурил пару сигарет и пошел к главному редактору за деньгами на обратный билет. И вот сюрприз — главный редактор удивился его появлению и сказал, что это недоразумение. На его месте должен оказаться другой человек. Дима встретил известие с хладнокровной радостью и выкурил еще пару сигарет.

Получили спецодежду для тестов на полигоне МЧС. Куртки и плащ-палатки подошли по размеру практически всем, но камуфляж — это что-то такое несуразное и непропорциональное, что не знаешь, как с ним быть. Бурю восторгов вызвали у всех ботинки. Каждый весом с килограмм-полтора, негнувшийся ни в одном направлении. Лучшее применение для этой обуви — роль холодного оружия или утюга, а нам в ней бегать. Ладно бы по дну реки или моря — водолазы бы точно не отказались от таких гирь, но бегать-то в этих пуле-водо-огне-морозоустойчивых башмаках нам предстоит по суше.

Ранним утром толпа в камуфляже с шутками и прибаутками отправляется в Ногинск. Нас сопровождает очень приличная толпа нормально одетых людей — продюсеры, операторы, журналисты, администраторы. Близится час роковой.

Первым испытанием стал уже знакомый нам тест на терпение. Ужасно хотелось ползти по огромному полигону и испытать свои силы, но нас никуда не пускали. Макеты взорванных домов, самолеты, вертолеты, какие-то полуразрушенные здания, изувеченный поезд... Все виды человеческих несчастий были представлены в полном ассортименте для того, чтобы спасатели МЧС могли здесь отрабатывать свои действия в экстремальных ситуациях.

Наши режиссеры ведут себя точно в плохом фильме. Они недовольны нами и нашей бестолковостью, погодой, днем недели... Мы им, похоже, нравимся меньше всего. Наконец первое испытание.

Напялив каску, вслед за профессиональным спасателем лезем по веревке на крышу дома, потом на скалу. Особых проблем нам эти испытания не доставили. По возвращении на равнину меня постигло телеинтервью. Таня Семкив — красивая девушка с безумно красивыми глазами и порой с противоречивыми процессами в голове — спрашивала об ощущениях.

Вообще-то раньше у меня проблем при общении с журналистами и психологами не

возникало, тем более что говорить приходилось на самую простую тему — о себе. Но сейчас улыбка дергается, не могу продумать речь на два слова вперед. Это объясняется тем, что говорить надо в камеру и попутно что-то делать. Никогда не думал, что это так сложно. К счастью, пора идти на следующее испытание, стремительно удаляюсь.

С некоторым опозданием замечаю, что, оказывается, не так важно быстро залезть или пролезть куда-нибудь. Главное — насколько ярко и красочно ты это делаешь. Надо, чтобы это хорошо смотрелось, чтобы тебя заметили режиссеры. Группа товарищей явно не провинциального вида, которых, кстати, прежде в очередях видеть не приходилось, ведет себя абсолютно раскованно. Особенно выделяется Наташа Тэн, от которой режиссеры просто в восторге. С некоторой завистью наблюдаю, как они уверены в себе, громко смеются. И продюсеры держатся с ними по-свойски. Уверен, что сделал бы все не хуже их, имей хоть какую-то практику работы перед камерой. Не успел по-настоящему расстроиться, как позвали к одному из самых интересных и безбашенных испытаний — «трубе».

Суть в следующем: в герметичную трубу диаметром 0,5 — 1 метр, куда не проникает ни лучика света, один за другим влезает участники. Метров через десять труба начинает петлять. Причем не только влево вправо, но и вверх-вниз. Обычной ситуацией внутри является следующая: человек, пробирающийся внутри на ощупь, упирается руками в холодную железную стену, нащупывает поворот налево, но тут же понимает, что теперь надо изогнуться на другие девяносто градусов, на этот раз вниз. Это не просто. С моими метр девяносто я пару раз даже застревал, но клаустрофобии при этом не испытывал. Некоторая паника, когда застревал, все же была, и тогда суматошно орал ползущему сзади: «Стой! Не приближайся, подожди, пока я проползу!» Что уж говорить о других участниках отбора, чьи антропометрические данные куда круче моих. Именно здесь, кстати, окончательно помирился с Надей Семеновой, когда помог ей выбраться из трубы.

Когда вылез на свет, эмоции меня, как и других прошедших это испытание, захлестывали. Первым под руку попался оператор, встречавший с камерой. Все понимали, что он ни при чем, но на этом этапе молчащих было мало.

Кросс на пять километров должен был, по моей задумке, ясно показать товарищам продюсерам, кто в доме хозяин. В школе и институте на длинные дистанции я всегда неплохо бегал. К тому же не зря ведь я тут по Измайловскому километры накручивал. Точно идя по размеченной трассе, обогнал всех и гордо примчался к финишу первым, набрав по дороге цветов для Тани. Каково же было мое изумление, когда увидел еще троих участников кросса, спокойно прохаживающихся вдаль. Я ведь точно знал, что меня никто на трассе не обгонял. Где же они срезали путь? Интересно, что стыда никто из них не испытывал.

Все озираются в поисках полевой кухни, но режиссеры потеряли руками и придумали новую «черную полосу препятствия» — вместо обеда предложили поиграть в поиск клада. Пользуясь картой, мы нашли его на удивление быстро. Содержимое заветного «сундучка» оказалось, к счастью, подходящим к ситуации. Бутерброды и сок (естественно, это был «Джей севен») уничтожили в рекордный срок.

На этом наш рабочий день не закончился. На автобусе перебросили к водоему, через который следовало перебираться с помощью веревки. Как именно — зависит от твоего воображения. Продюсеров мало беспокоит наше равноправие. Поскольку батареек для камер осталось мало, сказали, что водное испытание пройдут не все. Температура воздуха плюс пятнадцать, температура воды соответственно ниже. Нужно видеть, как местное население, наблюдая за нами со стороны, получает удовольствие от зрелища: толпа придурков с горящими глазами пытается установить очередность на купание в холодной воде.

Пока счастливики принимали ванну, был разведен костер. Во-первых, для того, чтобы отогреть промокших и замерзших, а во-вторых, для подготовки заключительного этапа этого дня испытаний. Усевшись вокруг огня, мы должны по очереди представиться и получить за это плюсики или минусики в тетрадке продюсера. Хотя многие из присутствующих уже хорошо знакомы, все равно узнал много дополнительного о своих оппонентах. Один основал всемирную филантропическую академию, другой написал несколько книг, третий может по памяти пересказать «Монте-Кристо», четвертый — без пяти минут доктор наук...

В гостиницу вернулись только в 23.00, но, так как раньше уже договорился с друзьями,

собрались в номере у одного из них. Выпили, поорали песни, поговорили за жизнь. В общем, отдохнули мужики. Дежурная по этажу была от нас, конечно, не в восторге, но куда ей против героев. Но если совсем честно, гулянка была довольно слабенькая, очень хотелось спать.

День опять свободный. Продюсеры и редакторы решают нашу судьбу, а мы предоставлены самим себе. Москва каждое утро встречает все более холодным воздухом, а чувства накалены до предела неопределенностью; ждать порой просто невыносимо. Ожидание результатов кастинга достало буквально всех.

Побродил по ВДНХ, но морозящий дождь быстро загнал в гостиницу, где решил устроить сиесту. Неожиданно позвонил знакомый журналист Стас Соловкин, с которым не раз беседовали в ходе отбора, даже довелось однажды посидеть с ним в хорошем баре. Неделю назад я дал ему дискету со своими рассказами, чтобы узнать мнение профессионала. Стас извинился за долгое молчание, но выразил мнение, что у нас наверняка еще будет время встретиться. Уточнить, что он имеет в виду, не решился, но сон как рукой сняло. Голова заработала, как двигатель, после команды «Полный вперед!».

Человек, получивший надежду на успех, испытывает естественную радость, но сейчас к этому одновременно примешивается тоска — по Волгограду и друзьям, по дому и теплу. Чувствуя, что все равно не усну, пошел гулять по Измайловскому парку и вернулся только часам к восьми вечера. Поспал часа три, потом съел все, что было в холодильнике, перестирал все вещи, посмотрел баскет по «ящику» и до утра упорно пытался уснуть.

Нас собрали в Останкино, чтобы подвести итоги очередного этапа. Те, кто остаются, должны пройти мимо милицейского поста в фойе, остальные должны уехать домой. Милицейскому посту предстоит на этот раз разделить удачу и неудачу. И вот раздача слонов. Слон под номером семнадцать достается мне, я остаюсь в числе избранных. К моему огромному сожалению, никого из тех, с кем сдружился, в заветном списке нет. Как, впрочем, и многих других, с кем бы с удовольствием оказался в одной компании. И напротив: среди тех, кто теперь стоит рядом, масса людей, которых я в числе двадцати четырех никак не представлял.

Нам категорически запрещают общаться друг с другом. Чувствуем, что на этот раз все серьезно и нарушение инструкции может повлечь нежелательные последствия. Сказали также, что домой в Волгоград смогу съездить на один день, причем только через неделю, и не один, а вместе с небольшой съемочной группой. С грустью подумал об институте: жизнь там проходит без меня. Обидно немного, как ни странно. Почему нельзя быть в двух местах одновременно?

Представил, как с оператором иду по родному политеху, встречаю друзей, знакомых, захожу в деканат. Очень-очень хочется получить от декана добро на столь длительное отсутствие на учебном посту.

Вечером в гостинице состоялся прощальный ужин с ребятами, которые не прошли в финал. Ни одному из моих друзей не повезло. Ни Диме Малахову, ни Олегу, ни Сергею... Зато повезло тому, кого они любили меньше всех — Целованьскому. Ближе к ночи решили разыграть его: начали названивать, предлагая «спецслужбы». Правильный, дотошный до мозга костей Целованьский задает массу уточняющих вопросов, беседы затягиваются, мы катаемся на полу от смеха.

Привычное посещение офиса ради наживы (суточные) отличается от предыдущих отсутствием всякой очереди. Как оказалось — я последний герой. В том смысле, что в гостинице остался один, остальные уехали домой. Этим фактом я немного расстроен, тем более что хотя очереди и нет, а ждать все равно пришлось.

Наконец заветная дверь распахнулась, деньги получил. И опять почувствовал, что относиться ко мне в последнее время стали как к младшему научному сотруднику. Часто спрашивают о проведении свободного времени, интересуются настроением, не страшно ли ехать на остров.

Люди не могут понять: восемнадцатилетний человек совершает подобные авантюры без особой опаски. А ответ на вопрос о возможном беспокойстве родителей их просто шокировал. Это они и подвигли меня на участие в игре.

На Арбате приходилось бывать и раньше, но сейчас все по-другому. Хочется улыбаться и общаться, нравится чувствовать себя скромным, но все-таки участником этого праздничного

безделья. Наверное, это оттого, что я один, не нужно подстраиваться под чей-то ритм, спешить. Правда, Арбат, возможно, мной не очень доволен. Я не поддаюсь на его соблазны. Ничего не покупаю, а только на халяву наслаждаюсь его пестротой, рисунками, работой гадалок и художников, пением музыкантов. Только перед культовой забегаловкой — Макдональдсом — не устоял: отвел душу на чизбургерах и картошке фри. Еда быстро закончилась, но уходить не хочется. Почитал словарь, купленный в книжном на Новом Арбате, съел не спеша яблоко, послушал плеер. Охранник и служащие явно начали моей персоной интересоваться. «Эти глаза напротив...» Пришлось уйти.

С некоторых пор телефон стал выполнять у меня преимущественно роль будильника. Но на сей раз поступила информация, что могу получить фото, сделанные на полигоне в Ногинске. В тот же день узнал дату отъезда в Волгоград. Журналист Таня, оператор Костя и я послезавтра выезжаем в Волгоград, где меня будут снимать дома и в универе. Радость огромна.

Волгоград. Костя и Таня работают с фантастической скоростью. Успели снять все, что намечали. Во многом это получилось благодаря друзьям, которые специально приехали, чтобы повидаться со мной. Они так же, как и я когда-то, относятся к камере с опаской, а к идее ехать выживать на необитаемый и несуществующий остров — скептически.

В университете у входа случайно встретил ректора. Иван Александрович плавно выходил из дверей вуза в окружении свиты. Получается такая забавная «ромашка»: ректор в белой рубашке в окружении людей в черных пиджаках. Но сначала мне было не до смеха, поскольку я, говоря что-то в незаметный радиомикрофон, собирался войти в универ, при этом Костя издали снимал меня. Далее моя речь студента-возвращенца прерывается: «Ойййй ёёёё... Блин. Это мой ректор». Костя (он слышит мою речь в наушниках) тут же прячет камеру.

Но главной была, конечно, короткая беседа с деканом. Юрий Ильич Осадший отнесся к моей удаче с пониманием, и у меня гора с плеч свалилась. Теперь можно сосредоточиться на цели № 1.

Мало, слишком мало времени, чтобы насладиться в полной мере обществом родных и друзей. Каждая секунда пребывания в родной среде доставила огромную радость. Постарался увидеть всех, кого хотел и кого надо было. Увы, время пронеслось, словно разноцветный состав, летящий по встречному. Невыспавшийся и голодный, погрузился в поезд. Одолевают тоска по дому и предчувствие досады, если все же отбор не пройду. Это еще возможно, хотя в последнее время я склонен оценивать свои шансы выше средних. Почему-то появляется небольшая уверенность, что могу попасть на остров.

Вновь в Москву. Радоваться этому в полной мере мешает один вопрос: попаду ли я в заветное число 16? В 9.20 я уже в офисе, но в отличие от ситуации перед отъездом оказался не последним, а первым героем. Суровый охранник встретил в штывы, когда я прямо с поезда ворвался в помещение офиса с двумя огромными баулами: «Еще нет никого, сбор в 10.00».

Вскоре народ начал прибывать. Пришла какая-то тетя с ноутбуком и датчиками, которые она по очереди навешивала на каждого из нас, чтобы считать с тела некую информацию по какому-то «вариабельному методу» (это все, что я понял из ее профессионального монолога, который гулко и противно, но проникал в сонный мозг).

Дошла очередь и до меня, но когда улегся на кушетку, сразу же задремал, что, очевидно, никак не предусмотрено сценарием. Ни тетя-психолог, ни умная машина такой подлости от испытуемого не ожидали. Тетя долго бродила вокруг, как Пятачок вокруг дерева с Винни-Пухом, и я слышал сквозь полудрему отдельные слова — «ничего не понимаю, что-то я не так подключила, ах какая я рассеянная...». Наконец тетя догадалась меня разбудить, заставила принять вертикальное положение, и все сразу получилось.

В гостинице встретил одну из участниц (Ольгу Карчевскую), которая сказала, что ей назначили встречу в Останкино, но просили пока никому ничего не говорить. Не нравится мне все это.

Останкино. Я вошел в число шестнадцати счастливчиков! К моей радости, из двадцати четырех, ранее отобранных, продюсеры сделали, на мой взгляд, неплохой выбор. В конференц-зале, куда пригласили на чай-кофе, неожиданно появляются известнейшие люди — Александр Любимов, Константин Эрнст, Сергей Кушнерев, наблюдавший за нами на полигоне в Ногинске... Удивительно, но они, оказывается, нас хорошо знают. Нам рассказывают об

организационных планах, напутствуют.

Среди всех отобранных, которых рассматривать как-то неудобно, я сразу отмечаю для себя: Наташу Тэн (ее трудно не заметить); Инну Гомес (таинственная грустная красивая и недоступная незнакомка с часто звонящим мобильником); Игорь Перфильев (он единственный пришел туда с контрактом, который стал тут же обсуждать, и задавал вопросы, по ним можно было быстро определить наличие навыков по выживанию).

Атмосферу торжественности постепенно сменяет эйфория, которую продюсер проекта Сергей Кушнерев тут же приземляет конкретным обращением:

— Ребята, я вас прошу во время перелета рассчитывать свои силы, чтобы прибыть к месту старта бодрыми и свежими. Особенно вы, парни, не увлекайтесь, чтобы в дороге не потеряться. Короче, не нажирайтесь.

Мы обещаем не увлекаться и не теряться.

Записки из «Пасти Быка»

Действующие лица:

Черепahi

Ящерицы

Игорь Перфильев

Елена Кравченко

Надежда Семенова

Александр Морозов

Ольга Карчевская

Александр Целованьский

Борис Иванов

Ирина Фурман

Анна Модестова

Сергей Одинцов

Наталья Тэн

Сергей Сакин

Иван Любименко

Снежана Князева

Сергей Терещенко

Инна Гомес

Представитель высших сил, он же изъяснитель воли «богов», он же ведущий Сергей Боров

Часть первая ЧЕРЕПАХИ ПРОТИВ ЯЩЕРИЦ

Глава 1

Деревня по-панамски. Нужны ли спички на острове? Нас делят на Черепax и Ящериц. Двести метров и два километра. Рядовые и командир.

Двадцатичасовое (!) перемещение по маршруту Москва — Амстердам — Кюрасао — Гуаякиль — Коста-Рика — остров, и мы достигаем наконец точки назначения. Пилоту удастся маленькое чудо: он умудрится отыскать полоску асфальта в этой экзотической деревушке и безупречно посадить наш игрушечный самолетик. Вожденная надпись на крыше международного аэропорта — VOCAS DEL TORO! Восторг и удивление, стремительное осознание реальности и одновременно сказочности происходящего с нами! «Ну, надо же, — мелькает смешная мысль, — архипелаг Бокас-дель-Торо действительно существует! Не обманули!» — где-то в жаркой стране Панама с невероятной влажностью и неопикуемой красоты видами моря.

Впрочем, сказочное настроение быстро испаряется. Сразу после высадки стадо будущих героев гонят дальше. Мы утрамбовываемся в маленький, как, видимо, все в этой части света,

грузовичок. Оператор — на крышу кабины, рюкзаки — в центр кузова, сами — по бокам. Проезжаем самый большой из островов архипелага Бокас-дель-Торо. (В переводе с испанского — Пасть Быка.) Повсюду абсолютно черные люди, которые, кажется, приветствуют нас. Мы-то их точно приветствуем: машем руками, кричим что-то международно-дружественное. «Мир. Дружба. СССР» — или: «Янки, гоу хоум!» — шутит Сергей Сакин. Маленькие одноэтажные дома, никакого асфальта... Чем не деревня в российской глубинке с сильно загоревшим населением? Только вот крыши на некоторых домах из пальмовых листьев, а по разбитым дорогам аборигены предпочитают ездить на американских машинах. Хотя невероятно, но факт, мы точно видели одну нашу «копейку» умилительно-желтого цвета. Конечной точкой непродолжительной поездки стал паром.

На пароме чувствуется творческая атмосфера съемочной площадки и милицейского участка одновременно. Всех делят по половому признаку и проводят настоящий мини-обыск: проверяют наличие спичек, ножей, еды и прочего. Попросту говоря, изымают все, что, по мнению организаторов, ну никак не может пригодиться на необитаемом острове! Начинаются разборки по поводу контракта: что можно брать с собой, а что нет.

Рюкзаки с крупным логотипом «жидкого спонсора» упакованы, делать, к сожалению, больше нечего, наступает томительная пауза. Все заряжены на какое-то действие, а тут — снова ждать. Каждый думает о том, что ждет его час спустя. Попытки разрядить атмосферу шутками хоть и имеют скромный успех, не могут перебить напряженного ожидания, слегка замешанного на философском настрое. Усевшись на краю верхней палубы, мужики задумчиво смотрят на стремительно отодвигающуюся пристань. На их лицах легко читается широкий спектр вопросов и настроений. От задумчивого «что ищем мы в краю далеком?» до чисто конкретного «и куда это меня, идиота, занесло?».

Пауза, впрочем, наступила только для нас. На первой палубе народ пашет, чтобы подготовить высадку. Люди с большими животами и вспотевшими от волнения лбами покрикивают на менее ответственных людей, изредка используя для доходчивости ненормативную лексику. После темпераментных объяснений российских режиссеров с аргентинскими коллегами нам разрешают спуститься на первую палубу.

Нас делят на два племени и объясняют, кому куда плыть. Впервые для нас звучит странная формулировка деления. Теперь мы племена. Звучит воинствующе, и это вселяет туманное чувство кровожадности. Как-то из книг в детстве мне передалось то, что в племя, как правило, сбиваются людоеды или жестокие индейцы.

Паром тронулся, мосты для отступления сожжены. Более разношерстную компанию трудно представить — организаторы постарались на славу. Пытаюсь определить свое отношение к каждому, кто оказался в нашем племени, но понимаю, что делать это рано. Неожиданно становится тоскливо, что в конечном счете ты все же один, а команду выбрал не ты и не команда выбрала тебя. Появились соперники. Конечно, после разделения мы не стали друг для друга противниками, ребята на прощание обнимаются... Аня Модестова оказалась в нашем племени — Тортугас. Без всяких объяснений приближающегося Сереги Сакина (Лагартос) обещаю ему заботиться о ней. Как и большинство участников проекта, я знаю об их романе. Не представляю, что было бы, если бы я оказался сейчас в разных командах со своей девушкой. Боюсь, я бы просто отказался от участия в игре. И скорее это не благородство или еще что-то такое. Это страх. Сакин с Модестовой явно не собираются отступать. Они долго прощаются вопреки убедительным просьбам режиссера встать на места.

Чувствую возрастающее с каждой секундой напряжение, словно предстоит участвовать в суперважном соревновании. Так оно, собственно, и есть, и, думаю, каждый испытывает нечто схожее. Нас расставляют вокруг сундуков и плотов, снова томительное ожидание. Паром замедляет ход, гасит обороты, и мотор затихает. Все, как один, оглядываются в поисках островов. Подозрения вызывают лишь два. Ну да... Еще бы — других вблизи нет. Но до берега этих кусочков земли с торчащими пальмами не менее двух километров. В воздухе висит немой вопрос: «А где же обещанные контрактом двести-триста метров?» Но, как все уже успели понять, бузить по такому плевому поводу бесполезно. Создалось стойкое ощущение, что контракт каждая из сторон читала очень выборочно.

Проходит еще минут двадцать прожаривания участников на солнце, которое, к слову

сказать, не жалеет усилий. И это совсем не знойная погодка курорта юга России. Это раза в три жарче и ярче. Крем от загара смешно растекается по лицам, делая всех похожими на индейцев с боевой раскраской.

Наконец происходит некоторое шевеление. Бодров, проходя мимо сундуков, бубнит что-то в микрофон. Мы догадываемся: это последнее, что будет перед высадкой. Тут же звучит команда: «СТАРТ!» — все бегут к спасжилетам, хватают весла, выбрасывают сундуки своей команды. Атмосфера ночной кухни с тараканами, как если бы вдруг хозяин встал ночью попить и включил свет. Остается перерубить канат, удерживающий плот, и... ВПЕРЕД! Бухаемся с обоих бортов с нашими причиндалами в воду. Неизвестности стало на каплю меньше. Перед прыжком в воду я успеваю повернуться лицом к ошарашенным от такого экшэна людям, как бы выражая: «Чего ж вы ожидали? Никто из нас и не сомневался, что готов сорваться с места по команде, чтобы попасть к цели...»

Почему мы так резко сорвались с мест? Ведь не раз было сказано, что это не соревнование на скорость. Так хотелось прыгнуть наконец в море, быстрее проплыть эти километры до берега, сделать еще что-то «героическое», что терпеть не было мочи. Хотелось подтвердить свое звание героя как можно быстрее и убедительнее. Это вряд ли можно классифицировать как показуху или выпендрей. Просто небольшое сумасшествие.

В распоряжении пока еще плавучего племени Тортугас четыре весла. Мужчин тоже четверо, но сто двадцать килограммов Сереги Терещенко серьезно нарушают равновесие нашего плота, тем более что на другом крае болтаются мои скромные шестьдесят кило с тапочками. Таким образом, Сережа плывет, а гребцами поочередно становятся девушки. Желающих поработать веслами хватает до самой береговой черты. Может, из-за того, что вода чрезвычайно соленая и режет пловцам глаза?

После краткого разбора ситуации и подсчета неутонувших вещей начинается ненавязчивая ругань со стороны Сергея. Какой-то «волк позорный» взял его вещи. Поскольку прыгал Сергей последним, пришлось ему прихватить единственный из оставшихся на палубе рюкзаков. Его терзают сомнения, что это не его рюкзак. Однако соблазн открыть и посмотреть тут же улетучивается, когда команда пытается поймать сундуки и рюкзаки, тонущие неподалеку...

Самый громкий и уверенный в собственных действиях — подводник Игорь. Он четко и ясно, словно по уставу, чеканит предложения, больше похожие на команды рядовым. «Рядовые», узнав о своей участи, не очень обрадовались, но возражений нет. Не та, в общем-то, ситуация, чтоб раскачивать лодку. А «лодка» тем временем сама по себе неплохо раскачивается, сундуки так и норовят уплыть с погрузившегося в воду сантиметров на двадцать плота. Подшучиваем над Сережей, так как он одной рукой держится за край нестабильного плота. До этого этот большой и сильный человек честно предупреждал, что плавать практически не умеет. В его глазах если не паника, то некоторое смятение. В них словно читается: «Ну ты, Серега, залез в ... по самые уши».

Плот продолжает играть в «перетягивание каната» с гребцами. Остров виден, цель ясна, но перспективы ее достижения туманны. После получаса достаточно слаженных действий восьми соплеменников паром остается слева от нас, вместо того чтоб оказаться далеко позади. Это наводит на неприятную мысль о неслабом течении, которое медленно, но очень верно уносит небольшой квадратик с людьми прочь от острова. Он, конечно, необитаемый, но попасть на него очень хочется. Там, кажется, сухо и, может, даже есть что пожевать.

Тяжесть сундуков не оставляет в глубине души (или желудка) места для сомнений в их приятном содержимом. Проблема номер два заключается в том, что эти самые коробки и сундуки, как, впрочем, и личные вещи героев, то и дело выпадающие из рюкзаков, норовят уплыть от своих владельцев. Чьи-то носки, втихую покидающие пределы нашей видимости, вовремя обнаружены. Это рюкзак Бориса решил выдавать порциями не тщательно упакованные вещи.

Часов, разумеется, ни у кого нет, их отобрали, но все сходятся на цифре «2». Два часа плавания без особо видимых результатов действуют удручающе. Люди то и дело сменяют друг друга у «штурвала». Практически бессменным остается лишь Игорь. Подводник предпочитает оставаться над водой, а остальные не хотят разворачивать дискуссию и устраивать на

квадратно-мокром плоту круглый стол по этому поводу.

Вечереет. Блеск в глазах не угасает, но остров в размерах все не увеличивается, смещаясь при этом по-прежнему, влево. Главный стимул продолжать грести в выбранном направлении — кто-то якобы видел, как Лагартос причаливали к берегу.

Глава 2

Аврал в потемках. А луна здесь больше! «Пойдем, Вань, щас начнется!» Первое совещание. Ночная охота на кокосы.

Проходит еще часа два до момента, когда возделенный берег становится наконец достаточно близким, чтобы начать переброску вещей. Солнце неумолимо быстро скрывается за неопишуемой красоты горизонтом. Первым делом замерзающие соплеменники бросают все вещи в кучу. Берег, да и все вокруг, просто поражает воображение. Такое можно представить, только читая самый захватывающий приключенческий роман. Жаль, что на этот девственно чистый песок, на прибрежную невероятного цвета полосу, на пальмы, на все растительное великолепие просто нет времени смотреть. Люди перемещаются исключительно бегом, покрикивая друг на друга.

Холодает. Вообще, ощущения странные. Вроде бы все настраивались на невероятную жару, которая, собственно, была на пароме, но сейчас нежарко, мягко говоря. У меня где-то есть две рубашки с длинным рукавом, но взял я их совершенно случайно, так как оставалось место в рюкзаке. Про голод никто не вспоминает: в воздухе витает негласная договоренность быстрее все расставить по местам, чтобы было время осмотреться. Остров, несмотря на наличие «немного» оператора (общаться с любым членом съемочной группы нам категорически запрещено), кажется действительно необитаемым.

Пока мужики подтаскивают плот к предполагаемому месту лагеря, женщины разбираются с одеждой. Наташа Тэн потрошит один из рюкзаков «Джей севен» в поисках чего-то своего, близкого и родного, но натывается на мои вещи. Чтобы определить это, ей пришлось вскрыть все полиэтиленовые пакеты. Разумеется, упаковывать заново ей не хочется: так начали теряться вещи на острове. К слову, свои джинсы я нашел лишь на следующий день, бродя по пустынному берегу.

Холод и нетерпение делают свое дело. Часть сундуков и коробок Игорь вскрывает еще на берегу. Тяжелой корягой он лупит по крышке сундука, пока тот не ломается. Но вскоре благоразумие берет верх: относим вещи на место, где должен быть временный лагерь. К этому времени солнце говорит всем «Спокойной ночи» и уходит от нас отдохнуть. Я бы сказал, не просто уходит, а прям-таки резко поворачивается спиной к обезумевшим от нелепой суеты и нагрузки людям. Последнее, что успеваем сделать, — вынести плот на берег, причем участвуют в этом все. Вес плота просто заставил нас сплотиться. Поскольку вещи побросали в кучу, что позже было классифицировано как невероятная глупость, в темноте все еще долго роются, пытаюсь отыскать свою одежду и перекапывая по ходу чужие рюкзаки. При этом «ненужное», то есть чужие вещи, медленно, но верно расплзается по территории лагеря. Постепенно куча вещей превращается в поле разорванных пакетов и раскиданных одежд.

В одном из ящичков обнаружили спальники. Абсолютно мокрые куски двухслойной ткани можно использовать лишь как матрац-подстилку ввиду отсутствия собачек на молниях. Очень хочется посмотреть в глаза человеку, выбиравшему для нас эти спальники. С другой стороны, могли бы и этого не дать.

Вот краткий перечень того, что найдено еще: два мачете, сильно смахивающие на большие кухонные ножи, топор, точильный камень, сковорода, казан, котелок. Несколько позже извлекаем также восемь москитных сеток, три куса полиэтилена, компас, саперную лопатку, несколько видов веревки, один гвоздь в соседстве с пакетом презервативов и восемь фляжек с пресной водой. Вода востребована всеми. Проведя около трех с половиной часов в морской, хочется пресной.

Еще до наступления сумерек, пока различаются тела соплеменников, интересно наблюдать за их поведением. Например, Игорь побил все рекорды по привлечению внимания.

Его командный тон и явно пренебрежительное отношение к остальным, будто они зависят от него, достали всех и сразу. Этого человека больше всего. Самое интересное то, что выглядит это некрасиво, понятно всем, кроме Игоря. Позже он оправдывался: «Вы думаете, я рисовался?! Нет! Просто считал, что в этот момент кто-то должен взять бразды правления в свои руки, чтоб мы успели хоть как-то обустроиться до наступления темноты». Не знаю, как отнеслись к словам Игоря остальные, но я точно не совсем им поверил. Но нужно отдать должное: уже к полуночи тон его высказываний существенно изменился. В этом заметна роль Сергея. Вскоре после высадки он подошел к нашему разгоряченному командиру и доступно объяснил, что не хочет быть Сергеем-рядовым. Успешность его объяснения не оставляла сомнений.

Сам же Сергей первое время после высадки несколько демонстративно отлеживался в прибрежной полосе. Было забавно наблюдать этого «слоника», сидящего по грудь в воде. Глубоко погружившись в мысли о происходящем, он ошеломленно смотрел на океанские волны, на закат. Человек из России, ни разу не бывавший на море, оказался на необитаемом острове в Карибском море! Трудно представить, что переживал Сергей в эти минуты.

Основная масса островитян в это время продолжает мельтешить вблизи оператора, дабы привлечь его внимание. Увы, и я грешу поначалу тем же. К счастью, это проходит достаточно быстро. Мы действительно в стрессовой ситуации, хотя поначалу не осознавали этого. Надо успеть сделать кучу дел, чтобы организовать сносную ночевку, а вместо этого ведем себя, как начинающие актеры на кинопробах, любой ценой стремясь привлечь внимание режиссера.

Часа через полтора после высадки стемнело. Луна еще не успела выглянуть, а звезды не так ярки. Сколько всяких умных книжек о тропиках прочитал каждый из нас! Все они рассказывали о многочисленных представителях ядовитой флоры и фауны, которые просто обязаны лезть из всех щелей на бедных робинзонов. Поскольку опыта общения с джунглями и тропиками ни у кого нет, мы, признаться, в различной степени напуганы своими книжными знаниями.

Редкие перемещения по лагерю сопровождаются частыми односложными репликами. Скорее, это не обмен информацией, а проверка наличия соплеменников. В воздухе то и дело вспыхивают огоньки, которые перемещаются в пространстве с такой частотой и яркостью, что все сначала пугаются, а затем, поняв, что это некое подобие наших светлячков, просто завороченно наблюдают.

Благо, что высадка произошла в ночь полнолуния. Луна через какие-то полчаса взбежала на небо и закрепилась на нем основательно. Ее размер поражает. Это не тот маленький кружочек в России, который вызывает столько романтических мыслей и настроений. Над нами огромный светящийся каравай, который пробуждает такое невероятное количество эмоций, что осознать их невозможно.

Осмелев немного при свете луны, передвигаемся в сторону берега. Переносим оставшиеся вещи, складываем в центре лагеря сундуки и ящики. Кто-то предложил положить плот на ящики, чтобы приподнять его над землей. Это все наши книжные знания рвутся наружу. Возвысившийся плот сразу придал некоторую оформленность лагерю.

Решаем спать. Как и спальники, вся одежда, извлеченная из рюкзаков, безнадежно мокра, но желание сна и накопившаяся усталость заставляют пренебречь этими мелкими неприятностями. Страшно подумать — мы уже третьи сутки плохо спим! В самолете не очень-то выспишься.

Спать в мокром спальнике мне уже приходилось. Это была одна из самых тягостных ночей в моей жизни, поскольку я находился тогда в палатке на высоте 3000 метров. Случилось это в горах Киргизии, когда мне было 13 лет. Спальник промочили во время дневного перехода, к тому же всю ночь дул невероятной силы ветер. Ни той ночевки, ни всего десятидневного похода я, конечно, не забыл. Как никогда не забуду и нашу первую ночь на острове.

Сначала все пытаются устроиться на плоту — в тесноте, да не в обиде, а главное, теплее. Единственное «но»: стебли бамбука, из которых сделан плот, каждый диаметром сантиметров двадцать. Никто из нас йогом не был, поэтому все испытывают естественный дискомфорт. С непривычки заснуть никому не удастся, разговорчики в строю после отбоя кажутся бесконечными. Все шутят, делают порой совершенно бессмысленные замечания, желая просто поучаствовать в беседе. Чувство юмора наличествует в разной степени у всех, кроме Игоря. Он

воспринимает все очень серьезно. Так что каждая шутка, уперевшись в стальное понимание проблемы Игоря, имеет свое логическое продолжение. Никто не выказывает слабости, не жалуется на сырость, голод, холод, неудобства и прочие лишения. Лежа на спине, можно наблюдать невероятной красоты и неземной сказочности картину. Море звезд на небе, в центре которого выделяется Млечный Путь. И луна... Огромная, добрая и теплая, светящая, словно мощный прожектор, — ЛУНА...

Борис предложил пойти спать на берег — песок ведь мягче земли. Я соглашаюсь, потому что знаю — в скоплении людей не смогу уснуть, если кто-то рядом не спит. Игорь раскритиковал нашу затею, но, устроившись на песке, я через мгновение заснул, забыв про мокрую одежду на теле, про опасных насекомых и жгучее желание исследовать при свете луны территорию вокруг лагеря. Тем временем какие-то твари ползают вокруг... Это совершенно определено. Уже раза три раздавались крики девушек, недавно отправившихся на покорение близлежащего пространства в стремлении переодеться без свидетелей. Что это такое ползает на земле — никто не знает, хотя Игорь выдает различные предположения. Начиная от змей и заканчивая гигантскими муравьями. Как выясняется, это и есть тонкий юмор Игоря.

Сон был настолько крепким, что трудно сказать, сколько он длился. Следующий отрезок сознания начинается с того, что кто-то теребит за плечо. Открыв глаза, вижу, что пользы от этого никакой — кромешная тьма повсюду. Потребовалось не меньше минуты, чтобы сообразить, где нахожусь. Момент высадки память просто выкинула из головы, перепутав его, видимо, со сном. С трудом осознаю реальность происходящего и переживаю шок по этому поводу. Луна почему-то скрылась с места преступления, зато откуда-то появился ветер.

Оказывается, это Игорь будит меня, приговаривая что-то вроде: «Ваня, пойдем, щас начнется...» Я встаю, надеюсь понять, что же «щас начнется», и иду на голос Игоря. Вскоре глаза привыкают к темноте, и я вижу соплеменников, суматошно бегающих по лагерю, будто мы вновь куда-то переезжаем. В памяти вдруг появляется осознание того, куда мы все попали. Наконец окончательно просыпаюсь: чувствую капли дождя на теле и страшный ветер. В лагере паника: к такой подлости погоды мы не были готовы.

В срочном порядке ищем защиту от дождя, одновременно пытаюсь спасти разложенные недавно для просушки вещи, которые, конечно, ничуть не высохли, но никому не хочется, чтоб они намочили заново, на этот раз в пресной воде. В ход идут полиэтиленовые пакеты, которыми накрываем всю кучу вещей. Сами прячемся где придется. Большинство решает уйти под плот, но сквозь щели льются потоки воды. Из редких капель и сильного ветра рождается сильнейший ливень. Таких в России, думаю, практически не бывает. Одежда на нас мокрая, но не хочется стоять под дождем, поэтому Терещенко, Ольга, Анька и я прячемся под последним куском полиэтилена. «Крышу» держим руками, являя собой монумент «Сдающиеся в плен фашисты». Ливень неумолим: целые потоки воды обрушиваются на нас. Остальные, прижавшись друг к другу, стойко лежат под плотом. Через полчаса стихия дает небольшую передышку — дождь переходит на шепот. Мы тут же проводим «летучку».

В обсуждении ситуации участвуют все, но активнее всех Боря, Игорь и я. Часто встречаются Надежда и Наталья. Они тоже хотят внести посильную лепту в суперскоростное строительство дома. Надя всякий раз выдает с небольшими паузами с десятков альтернативных вариантов. Каждый из них для нее хорош, пока не поступит от нее же следующее предложение. Наташа очень громко поддерживает почти каждое предложение, настаивая, что теперь-то все решено и всем надо дружно взяться за дело. Как правило, выступления Наташи не остаются без внимания: лавина критики обрушивается как на содержание высказывания, так и на их автора.

Главных спорщиков остается в итоге двое — Игорь и Борис. Первый предлагает ничего не строить, потому что ничего все равно не видно, а с утра начать сооружение «серьезного дома», а не «глупо построенного навеса». При этом Игорь заботится прежде всего об экономии стройматериала, наличие и количество которого вообще неизвестно. Борис утверждает, что в любом случае надо сооружать временный вариант, используя для этого плот, сундуки, полиэтилен. Большинство голосов (семь против одного) решено строить хоть что-то, потому что кожа на пальцах от вечной сырости скукожилась, с волос постоянно капает, а одежда неприятно липнет к телу.

С легкой руки Бориса поднимаем плот на попу под углом сорок пять градусов, а под его

край ставим сундук. Тем временем дождь наполняет свои легкие воздухом и с шепота снова переходит на вой. Все пытаются забраться под чахлую конструкцию, предложенную Борисом, но она явно не рассчитана на восьмерых.

Дождь сбавляет обороты, решаю сделать небольшую пристройку к нашему временному убежищу. Ни бревен, ни другого стройматериала поблизости нет, а идти за ними неизвестно куда в глубь зарослей, где все шевелится и дышит, — желания нет. Анька предлагает свою помощь по расширению жилплощади, потому что уместиться всем табором без меня под плотом почти так же трудно, как и со мной.

Помощь принимаю на «ура». Решаем натянуть последний кусок полиэтилена возле плота с тем, чтобы в сидячем положении оставаться в той степени промокнутости, которая уже достигнута. Но тут дождь вновь делает паузу, и, поскольку желание спать после этих веселых стартов пропало, решаю все же пройтись по острову.

Игорь тоже не может унять стремления быть первооткрывателем, и мы, схватив ножи (с ними чувствуешь себя увереннее даже в таких условиях), бредем по пляжу. На полоске песка растет невысокая кокосовая пальма, плоды которой видны даже сейчас. В голову приходит мысль набрать кокосов. Наша реакция на эти плоды, наверное, такая же, как ее показывают во всех пародийных фильмах про Робинзона. Что-то вроде: «О, сказочно вкусный вожаделенный плод, который утолит мою жажду вкусным молочком и мой голод — кокосовой мякотью...». Игорь снимает ремень, и мы нападаем на незащищенную пальму. Хорошо, что этого никто не видит. Игорь, обдираясь, молча, лезет по наклонному стволу, используя ремень как хомут. Минут через десять он достигает первых кокосов. Я передаю нож, Игорь начинает нещадно рубить. То и дело на землю с характерным глухим звуком падают тяжелые «мячи» диаметром около тридцати сантиметров. Когда у подножия пальмы образовалась приличная кучка, перетаскиваем добычу в лагерь. Обитатели плота в восторге от самого факта первой удачи, но вкусовые ощущения восторга не вызывают — жидкое содержимое особенно сладким не назовешь, а после пресной мякоти кокоса сразу хочется пить. А вот воды в нашем распоряжении немного.

На этом ночные передвижения в лагере заканчиваются. Довольные тем, что на утро есть еда, тем более столь экзотичная, расходимся по выбранным для ночлега местам. Мы с Аней усаживаемся на спасжилет, растягиваем в четыре руки над головой последний кусок полиэтилена и еще с час продолжаем болтать. Мы так и заснули, держа в руках эту прозрачную пленку, и, лишь проснувшись, обнаружили, что сидим в глубокой луже.

Глава 3

Строительство шалаша. Восемь человек на сундук со жратвой. Искры и дым без огня бывают, к сожалению. Кто есть кто? 30 граммов мира.

Первое утро на острове. Отчетливо слышно шипение волн, шум прибоя. Этот голос океана все время сопровождает нас, где бы мы ни находились. Это словно звук бьющегося сердца, которое никто не замечает, потому что оно просто есть.

Все разбрелись, чтобы осмотреться, а нас с Игорем (хотя для остальных это факт радостный) ждет крупное разочарование. В радиусе трех метров от кучки добытых нами ночью с таким трудом свежих, вкусных кокосов действительно голая земля. Зато дальше, куда ни кинь глаз, валяются огромные коричневые шары, добровольно свалившиеся с насиженных мест задолго до нашей высадки.

Первой общей заботой стало, естественно, жилище. Ночная жизнь под плотом не устроила никого. Вновь разгоревшаяся дискуссия по поводу места и способа постройки привела к неожиданному решению. Вместо строительства основательного жилища большинство соплеменников (кроме активно возражавшего Игоря и тех, кто предпочитает слушать) решает просто модернизировать уже имеющееся. В чем причина — не знаю. Может, лень человеческая тому виной, а может, мы и вправду готовы к таким неудобствам.

Короче говоря, функции были распределены, работа закипела. Ветки пальм решено пустить на крышу, а бревна, найденные в чаще неподалеку, на скелет ее конструкции. Работа

над обустройством нашего шалаша с крышей прерывается оповещением о приходе почты. Таковым послужил удар по сковороде чем-то железным. Первым определяю цивилизованный характер происхождения звука и сразу срываюсь с места. Остальные, заметив мою пролетающую тень, желают счастливого пути. Почтовый ящик заметил сразу, хотя обустроен он весьма оригинально — это своеобразный колчан из бамбука, в котором лежит лист папируса, адресованный нам. Хватаю письмо — и бегом к своим, с нетерпением ждущим новостей.

Как только узнали, что нам предлагают найти клад, интерес к строительству дома пропал. Из послания ясно, что путь наш пройдет, вероятнее всего, через болото, а потому экипируемся по полной программе. Создаем две группы поисковиков и отправляемся разными путями к приблизительно намеченной цели.

Мы с Надей идем по болоту. Кроссовки хлюпают, руки расцарапаны. Работать мачете приходится непрерывно, но заросли слишком серьезные, нам с ними не совладать. Обходим их по прибрежной полосе и неожиданно замечаем на песке следы соплеменников из первой поисковой группы — ура! Крики «АУУУ» тонут в шуме океана, вода, словно абсорбент, впитывает все инородные звуки. Продолжаем брести по берегу в неуверенности на успех. Потеряться уже на второй день совершенно не хочется. Тем более, что где-то лежит клад, а в нем что-то есть... Может, даже съестное.

Довольно быстро находим наших более удачливых соплеменников, которые борются с трясинной за сундук и увесистую баклажку, наполненную, очевидно, водой. Но что же в сундуке?! Притащив добычу в лагерь, тут же сбиваем топором замок. О чудо — ЕДА! Мешочки различной тяжести быстро расходятся по рукам. Все пытаются определить содержимое. Немного муки, рис, несколько консервов...

Выживать становится явно веселей, мы дружно решаем экономить и... Не открываем ничего. Слюнки текут, но благоразумие пока берет верх: чтобы приготовить еду, нет огня.

Только в таких условиях — на острове, в горах, в тайге — понимаешь его ценность. Руку на отсечение взамен на огонь пока никто отдать не готов, но тепла и еды хочется нестерпимо. В возможности добыть огонь, высекая искру из точильного камня, сомневаются все, кроме меня — дед перед отъездом напутствовал. Еще в первую ночь я пытался сделать это, используя точильный камень и стальной нож, но кремь мокрее мокрой тряпки, и я сдался. Теперь же, поскольку вариант с линзами от бинокля не проходит, солнца нет, продолжаю смешить публику. Через час чирканий по бруску откалывается острый кусочек ножа, а поверхность камня вся в порезах. За дело берется Борис. У него получается лучше: то и дело высекается миниатюрная искорка, гаснущая через доли секунды. Пытаемся найти хоть что-нибудь сухое. Трут из пеньковой веревки и кокосовая труха выглядят таковыми, но результат прежний. Бросаем это бессмысленное занятие, чтобы не испортить нож окончательно. Остаток дня проходит преимущественно в попытках создать уют в шалаше, но ближе к вечеру солнце, словно насмехаясь над нами, иногда выглядывает из-за туч. Повинуясь его прихоти, выкручиваем линзы из бинокля Игоря и каждый раз, когда есть хотя бы пятиминутный шанс, пытаемся сфокусировать лучи и запалить кусок бумажки. Функции «добытчиков огня» выглядят так: Игорь лежит и наблюдает сквозь лупу разные типы якобы горящих материалов, которые я притаскиваю; Серега Терещенко лежит напротив Игоря, скептически наблюдая за многочисленными безуспешными попытками. Бумажка только тлеет, огня нет.

Уже к концу первого полноценного островного дня пытаюсь определить для себя характер людей, с которыми оказался в одном племени, и роли, выбранные ими. Борис и Сергей уверяют, что знают очень мало, поэтому первый лишь предлагает варианты, а второй вообще не вмешивается в процесс принятия решений. Самая незаметная Ольга — ее почти нет. Она то на пляже, то издали наблюдает за активными действиями Игоря или моими передвижениями. Девушка, похоже, решила не проявлять себя до поры до времени. Никто за это ее не ругает, даже в мыслях. Народу много, мнений и предложений более чем достаточно. Еще одна «активная жизненная позиция» может привести только к еще большему мельтешению и суете. И вообще, это личное дело каждого: как вести себя в племени.

Самая активная, скажем, Наташа Тэн. Этот сгусток энергии буквально повсюду. Стоит начать делать что-то — она тут как тут: хочет помочь. Активные советы Натальи, которые я

пытаюсь отместить сомнениями в их правильности и критическими замечаниями, в итоге завершаются обычно так: Наташа делает то, чем я только что собирался заняться сам. Связываться не хочется. Тем более, что в разных ситуациях с ее участием мой взгляд пересекается с взглядом Игоря, и мы понимаем, что наше отношение к ней одинаково. Пару раз, улыбаясь, мы просто отходим в сторону, чтобы не отреагировать излишне бурно на ее безумные идеи. Всем уже ясно: как только деятельности Наташи перестанут уделять внимание, она — эта самая деятельность — сразу прекратится. Главное, не забыть вернуться к тому, с чего начал. Аня и Надя искренне предлагают посильную помощь, иногда выдвигая предложения и обосновывая свою точку зрения. Более мягко и логично это делает Аня. Надя выдает сразу несколько возможных вариантов, причем каждый новый перекрывает предыдущий. Выглядит это, как пулеметная очередь холостыми патронами.

И все же, несмотря на все, мы чувствуем сплоченность. Странно, но все готовы кричать, что мы — КОМАНДА, что на соревновании должны быть одним целым, а рука помощи будет подана каждому. Наплевать, что мы такие разные, что у всех свои недостатки. Все хотят верить в плечо, что окажется рядом в нужный момент, никому не хочется быть в одиночестве, в опале.

Яркость солнечных лучей нас не обманывает. Чувствуя приближение темноты, быстро взламываем огромными ножами две банки консервов. Такого наслаждения от еды я никогда прежде не испытывал. Другие, думаю, тоже. Каждый грамм, словно пылинка золота. Упади хоть малейший кусочек на землю, подниму и съем без зазрения совести в мгновение ока. Плевать на хорошие манеры и санитарные нормы. Мы хотим кушать! «Не повалешь — не поешь» — становится обязательной присказкой любой трапезы на острове.

Увлечшись праздником живота, забыли поставить ловушку на рыб и лангустов, чтобы позаботиться о завтрашнем дне. Я такие штучки в фильмах про море видел. Лезть вечером в холодную воду очень не хочется, но надо. Рыбаками становимся мы с Игорем. Отплываем от берега на существенное расстояние, но глубина не очень-то увеличивается. Под ногами ужасно острые кораллы — наш остров кораллового происхождения, — к тому же мы знаем о такой гадости, как морские ежи. От их шипов могут быть большие неприятности, вплоть до заражения крови, но мы, назло всем предупреждениям, плывем босые. Очень хочется ходить по острову в сухой обуви. В качестве бугра используем спасжилет, а вот камень на роль якоря для ловушки пришлось искать довольно долго.

Быстро возвращаемся. Уже в темноте Черепахи начинают разбрасывать и укладывать свои тела в небольшом пространстве выстроенного шалаша. Заполняем шалаш в определенной последовательности: у каждого свое определенное место, и, если нарушить, как говорят шахматисты, порядок ходов, кто-то может не добраться до своего уголка. Я ложусь в пристройке, которую делал весь день. Если потечет, винить некого, кроме себя. В том, что скоро ливанет, никто почему-то не сомневается, и стихия не обманывает наших ожиданий.

Разумеется, крайние теснят «средних», а тем тоже не сладко: в аккурат на стыке полиэтилен протекает. Я умудряюсь найти ту самую позу «зю», находясь в которой получаешь минимальную порцию душа. Обувь все сняли у входа, вспомнив, видимо, о приличиях. Но там она сухой не останется, поэтому убираем все башмаки и часть одежды племени ко мне под бок, в мою автономную пристройку. Она, к моей гордости, кажется, лучше всего укрывает меня от постоянного ночного дождя.

По окончании дождя Черепахи выползают на вечерний моцион. Неожиданно вспыхивает искра между Игорем и Сергеем. Последнего вновь раздражают командирские манеры Игоря. Я пытаюсь успокоить ребят, апеллируя к тому, что трения и искры на острове сейчас допустимы только при добыче огня. Стороны согласны, инцидент исчерпывается окончательно, когда Игорь неведомо откуда достает какое-то лекарство на спирту. Бутылочка крохотная, с мизинец. Нам можно было провезти лекарства, которые необходимы в обычной жизни. Никто из досмотрщиков и не подумал заподозрить продуманного Игоря в провозе контрабанды. Распив тридцать граммов мира на восьмерых, ложимся спать.

Глава 4

Игуана проворнее человека. Первый конкурс — зажечь факел. Мы

добываем тотем и огонь. Племя у телевизора. Нашествие mosкитов. Игорь обещает баню.

Ночь в тропиках длится дольше, чем в средней полосе. Темнеет в 21.00, светает в шесть. Первый же луч солнца выгоняет всех из шалаша. Желудок злобно урчит, требуя своего, но никакой еды в зоне видимости не бегает. Осторожно углубляюсь в неизведанное, то бишь в чашу, и понимаю, что раки-отшельники, от которых мы вначале почему-то шарахались, абсолютно везде. Страх перед этими козявками с клешнями пока полностью не прошел, но привычка к ним уже появилась.

Вдруг боковое зрение и обострившийся слух ловят слева какое-то перемещение по земле. Застыв на секунду, замечаю огромную ящерицу. Игуана?! Не может быть — настоящая! Зеленое существо длиной с полметра с очень смешным хохолком на голове и длинными неуклюжими лапками. Представляю ее чувства! Она, как и я, застыла, чтобы разглядеть меня. Пялимся друг на друга с полминуты, но я-то знаю, кто из нас голодный, а кто пища. Тщательно готовлюсь к прыжку, поскольку игуана заподозрила неладное, и всякое движение с моей стороны воспринимается ею как попытка обмануть. Смышленная тварь! Делаю невероятный прыжок, луплю по месту, где только что сидела эта принцесса в короне, но ее там уже нет. Отныне и далее наше общение происходит лишь по этому сценарию. Поймать спринтера или его сородичей мне так и не удалось. Обескуражен неудачей: в России и Таджикистане ящериц ловил запросто, там они гораздо медлительней.

Углубляюсь в чашу и замечаю под пальмами небольшие желтые плоды. Решаю, что они должны быть ядовитыми, поскольку слишком яркие, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это все те же кокосы, но, очевидно, невызревшие из-за нехватки соков у дерева. Иногда попадаются странные, водянистого вида плоды. Решаюсь попробовать, но неприятный вкус отбивает всякую охоту грызть дальше.

Час блужданий вблизи лагеря завершается тем, что замечаю... провод. Просто обалдеваю от этого факта. В крошечной тишине необитаемого острова этот кусок неестественности просто орет во всю глотку о следах ненавистной (еще или уже) цивилизации. Иду за ним и в итоге натываюсь на лагерь для операторов, техников и журналистов. Вспоминаю предупреждение — не появляться рядом с этим кусочком цивилизации, поэтому отчаливаю в противоположном направлении.

Завтракаем двумя банками консервов и кокосами и, дождавшись полноценного солнца, возобновляем попытки добыть огонь с помощью линзы. Результат неизменен, стабильность — признак мастерства.

Ближе к обеду решаем с Игорем проверить содержимое ловушки. На этот раз солнце печет так, что лезть в морскую воду хочется даже без необходимости. Морская соль уже меньше режет глаза, но пытаться увидеть что-либо под водой — бесполезно. Вытаскиваем ловушку из воды и находим там огромных лангустов! Глаза округляются у обоих, я имею в виду себя и Игоря. У лангустов они всегда круглые и шевелятся. А еще у них усы, шипы и страшный вид. Но нам все равно! Главное, они съедобны и даже очень вкусны, а еще все знают, каких бешеных денег они стоят в московских ресторанах, но... Нет огня, а сырыми есть лангустов не хочется. Заботливо, словно свиней на откорм, помещаем наших родных лангустов в котелок, который пока что своего предназначения в нашем лагере не нашел.

Первый конкурс. Всем страшновато от неведения, никто не знает, что предстоит. Оказалось, на нейтральном острове, куда нас доставили, надо быстрее соперников зажечь чашу на финише дистанции, которая начинается в море.

И снова небольшой спор за минуту до испытания. Причина, на мой взгляд, в чрезмерно активном участии девушек в дискуссии. Мужики уже хорошо знают возможности и силы друг друга, чтобы определить, кому с какой стороны нести плот. Но Надя и особенно Наташа очень громко вносят свои предложения. Пожалуй, это был тот самый момент, когда терпение Игоря и Сергея иссякло, а эмоции начали переливаться через край. До ора друг на друга и размахивания руками не дошло, но некоторую неприязнь к Наталье мужики стали испытывать определенно.

Что касается самого конкурса, то выглядел он весьма красочно: надо было вынести плот из моря, поджигая все факелы на пути, донести его до статуи, олицетворяющей некое божество,

и зажечь огонь в самой главной, последней чаше. Когда Игорь упал, я подумал, что это конец. Наши соперники, к которым мы, кажется, только что — перед самым стартом — относились, как к братьям по несчастью, рванули вперед и стали нас существенно обгонять. И тут нам повезло: один из факелов, установленных на трассе Лагартоса, почему-то не загорается, и мы догоняем своих соперников. Когда же добираемся на финише до высоченного деревянного истукана, то понимаем, что даже моего роста не хватит, чтобы дотянуться до чаши. Без секунды промедления и объяснений вся команда бросается, чтобы поднять меня, и мы первыми зажигаем огонь.

Ликованию, казалось, не будет предела, но как только закончился конкурс и мне передали заветный тотем, я увидел лица Ящериц и тут же вернулся на землю. Наши собратья по выживанию снова стали не соперниками и конкурентами, а просто менее удачливыми сотоварищами. Они убиты поражением. Не представляю, как бы мы пережили неудачу. «Очень важно не проиграть первый матч», — неожиданно вспоминаю слова нашего тренера по баскетболу. И все же меня переполняет гордость за победу команды.

Когда вернулись на свой остров, уже темнело. Теперь с нами огонь, а значит, и часы наших «морских свинок», то есть лангустов, сочтены. В спичечном коробке из кусочков молодого бамбука пятнадцать охотничьих спичек. Ровно пятнадцать. Много это или мало? Думаю, никто не взялся бы ответить на этот вопрос в тот момент.

С первой же спички пламя медленно ползет вверх — есть ОГОНЬ! Есть то, чего нам так не хватало до этого вечера! Племя в сборе, состав неизменен, никого не надо вычеркивать, все безоблачно и классно. Спичек осталось ровно четырнадцать. Костер в ночи словно телевизор дома. Вся семья в сборе — смотрит интересный фильм. Съев по маленькому вкусному шматку лангуста, племя наслаждается зрелищем костра, изредка вспоминает конкурс, сочувствует ящерицам, огня не получившим. Семейная посиделка вокруг костра наполнена трогательным командным духом.

Мне хочется остаться костровым в эту первую ночь, когда у нас появилось что хранить и защищать. Защищать то, что нас объединяет и помогает выжить. Глядя на костер, понимаю, как соскучился по огню, пламени. Дома у меня коллекция свечей, каждая из которых что-то означает для меня. Зажигаю их в зависимости от настроения. А сейчас хочется просто сидеть у костра и думать о доме.

Никто против моего ночного дежурства не возражает, я остаюсь в одиночестве. Сняв с веревки спальник, вывешенный днем для просушки, укладываюсь на самый длинный ящик, который служит у нас столом, стулом, а также шкафом, где храним наши тарелки, ложки и сковородку. Шириной он не более сорока сантиметров, но выбора нет, не ложиться же на землю. Костер горит совершенно иначе, чем я привык. Здесь, где стопроцентная влажность, дрова никак не могут быть действительно сухими. Пламя с неохотой вырывается из очага. Рядом со мной охапка веток — днем постарались. Облаков нет, луна, превратившаяся в молодой месяц, все равно светит очень ярко, от костра идет жар. Я засыпаю, но ненадолго.

Просыпаюсь оттого, что меня что-то или кто-то злобно и часто кусает. Пытаюсь услышать звук полета этого неведомого зверя, но не получается. Тем временем все открытые участки тела подвергаются яростному, непрерывному, исступленному нападению. Укусы очень болезненны, расчесываю свежелокусанные места, но от этого становится лишь хуже. В шалаше ничуть не лучше — там разгорается нервная беседа на ту же тему. Так в нашей жизни появились ненавистные москиты.

Даже на ощупь чувствуется, что на руках и ногах живого места не осталось. «Все, спать мне не хочется!» — во весь внутренний голос громко заявляю я себе и иду ломать дрова для костра. Мне «повезло»: нет ни дождя, ни ветра. А когда нет ветра, жарко даже ночью, поэтому завернуться в спальник и укрыть полностью тело от злобных мошек нереально. Нет и дождя, который бы смыл эту летающую нечисть.

Хоть это и непросто, разглядели одну пленную мошку. Длинной она с миллиметр, а толщиной — просто смешно говорить. И все же эти звери донимают так, что люди не могут ни стоять, ни сидеть. Караул! Ближе к утру меня сменяет Игорь. Заплетающимися шагами добираюсь до своего места в шалаше, падаю и тут же засыпаю. Бедный Игорь. Через час начинается его неравная борьба с дождем за спасение костра. Мокрый насквозь, он входит в

шалаш поискать сухих дров, я встаю ему помочь.

Игорь отказывается, как и всегда, от предложенной помощи. Нам уже знакома эта черта его характера. Он не любит, когда ему помогают. Игорь — человек сам себе на уме. Он так и не высказал, к примеру, своих идей по обустройству лагеря и нашего быта, предпочитая действовать самостоятельно, не делаясь ни с кем задумками. Это вызывает некоторую неприязнь со стороны окружающих. Зачем скрывать то, что знаешь, если в одиночку ты просто физически не способен воплотить это в жизнь? Но Игорь непоколебим. «Если останусь до самого конца, то у нас и баня будет». Никто в племени так и не смог ее представить в наших условиях. Главный строитель же военных секретов не раскрывает, несмотря на все просьбы. Выглядит это, как скрытая реклама своего присутствия на острове в племени...

Тем временем дождь утихает, ставим на огонь котелок, чтобы защитить костер. Дождевая вода попадает в котелок, а пламя в это время разгорается. Кроме риса на завтрак у нас сегодня нечто неприятное на вид. Это те самые раки-отшельники, которых все перестали бояться настолько, что решили попробовать на вкус. Удовольствие сомнительное, но есть надо, поскольку, как подсказывают все те же книжные познания, там вроде бы есть белок, а нам его, по идее, не хватает. В качестве тарелок используем опустевшие консервные банки. Они же служат чашками, половником и т.д.

Глава 5

Боря +Наташа =? Игорь изобретает, изобретает, изобретает... Плита на плечах. Покушение на огонь. Рыбалка без рыбы.

Днем распогодилось. Игорь начинает воплощение одной из своих секретных идей. Он строит стол. Стол, по его задумке, должен получиться основательным. Сергей Терещенко пытается ему помочь, но Игорь с подозрением относится к его инициативе. Мне это уже знакомо. Приношу из леса пальмовые листья, чтобы сделать настил в шалаше мягче, а крышу надежней. Остальные собирают дрова и плетут гамак. Идея тоже принадлежит Игорю, но Наде удалось вытянуть из него рецепт, и теперь человек-загадка разрывается между плетением гамака и сооружением стола.

Наташа и Боря бесшумно удаляются: решили обследовать остров. Ольга, как всегда, где-то загорает. День проходит в описанных заботах. В обед порция риса быстро и незаметно уходит в желудки. Постоянно хочется кушать. После обеда возвращаются Боря с Наташей и рассказывают о красотах острова. Игорь, постоянно иронизируя, их перебивает, чтобы сбить лавры первооткрывателей.

С его слов, он еще в первую ночь исследовал остров. Командиру Игорю и здесь хочется быть первым. Хочется поддержать Наталью, но я смотрю на стол, который Игорь так и не доделал и к которому нельзя никому подходить, и все же сдерживаюсь. Вспоминаю при этом неприятный эпизод. Выйдя ночью подышать свежим воздухом, Игорь наткнулся на прогуливающегося Бориса. На следующее утро, стреляя глазами в сторону Бориса, он полушепотом рассказал мне об этой встрече, добавив следующее: «Чего он там гулял? Не нравится он мне. Странный какой-то. Зачем гулять возле лагеря журналистов? Сдается мне, что Боря не так прост». Многозначительность финала монолога просто убила меня. Не найдя ответа, я пожал плечами.

И все же я не вмешался в спор первооткрывателей, как и не рассказал никому о сомнениях Игоря. Зачем? Чтобы разгорелся еще один конфликт, чтобы обострились и без того непростые отношения? А главное, сама тема спора между Борисом и Натальей, с одной стороны, и Игорем — с другой, представляется мне настолько несерьезной.

Желание открытий берет верх: я тоже собираюсь совершить рейд по острову. Аня вызывается быть моей спутницей. Я совершенно не против. Мне приятно с ней общаться. Аня излучает спокойствие и рассудительность. Этих двух качеств мне начинает не хватать в нашем лагере, от которого мы медленно удаляемся. Команда Тортугас плавно превращается в племя.

Берег острова Тортугас выглядит, как в рекламе «Баунти». Болтая, идем краем моря. Мягкая волна то и дело ласково окутывает наши ноги. Естественно, обсуждаем ситуацию в

племени, причем наши точки зрения совпадают почти во всем. То и дело вспыхивающие споры по пустякам, намечающиеся противостояния давят нам на психику в равной степени.

Общение, как выясняется, может служить прекрасным лекарством от психологической усталости. Прежде это чувство мне было на острове незнакомо. Довольно странное ощущение, будто от каменной плиты на плечах, которую никто не видит, а чувствуешь только ты. Физическая усталость, недоедание, бытовые неурядицы, насекомые, незаживающие ссадины и порезы — все это, даже возведенное в некоторую степень, переносится легче. К этим испытаниям мы готовились.

По возвращении в лагерь Анька и Надя доплетают гамак, при этом пеньковая веревка натирает им руки и оставляет мелкие порезы. Игорь все же принимает помощь, и мы втроем (плюс Сергей) возводим каркас стола. Первая серия сериала под названием «Постройка стола» завершена. После окончания трудов праведных все племя расплывается на берегу. Только Боря и Наталья все где-то пропадают. Надя делает массаж Игорю, Ольга — Сергею, и это уже смахивает на массажный салон. Меня тоже пытаются вовлечь в это дело, но я не поддаюсь, развеивая все слухи о своем искусстве эротического массажа и снижая планку до спортивного и расслабляющего. Стоило приукрасить свои способности в общении с журналистом на отборе, и вот — весь остров полнится слухами.

После символического ужина Игорь изобретает новое блюдо — жареный кокос, по вкусу напоминающий чипсы и поп-корн. Изобретение патентуется и используется всеми по назначению с большой благодарностью. Ночь проходит без дождя. Племя впервые высыпается.

Под утро природа покусилась на святое — наш костер. Спасти его от дождя было непросто. Боря, поддерживая пламя, сжег все дрова, и победа осталась за ним, а значит, и за нами — огонь спасен.

После завтрака решаем испытать себя в качестве рыбаков. Идея пришлась всем явно по душе. Такой активности на нашем острове я давненько не наблюдал. Вновь выдвинуто несколько идей, компромисс между которыми решено не искать, поскольку «компромисс» в племени на постоянной основе как-то не уживается: так, в гости изредка заглядывает.

Игорь, я и Терещенко делаем сети из москитной сетки, которую мы не очень активно используем по назначению, слишком мало от нее проку. Аня, Надя, Наташа и Борис мастерят сачки. Удивительно, но им помогает даже Ольга. Увлечшись, не обращаем внимания на дождь.

После сооружения необходимых приспособлений небольшой толпой отправляемся на рыбалку. Я предлагаю подходящее место, которое мы с Анькой заметили накануне, прогуливаясь по солнечному берегу. Мальки там при нашем появлении прыгали от страха в разные стороны. Были замечены и более крупные рыбки. Советом решено воспользоваться, а я тем временем бегом отправляюсь в лагерь.

Дело в том, что в день высадки я заметил присыпанное землей старое костровище. Пришпориваемый интуицией, раскопал его и нашел кусок лески метра на полтора и крючок. Настоящий рыболовный крючок! Подарок богов? Меньше всего меня интересует его происхождение. Ржавый, грязный, но крючок! Сейчас он будет очень кстати, а роль поплавка выполнит кусок пенопласта, выброшенный морем на берег. Семимильными шагами догоняю соплеменников, которые бредут по берегу и пытаются поймать рыбу сетью или сачком. Увы, мальки слишком умны, чтобы попасться в запруду, которую мы делаем сетью; от использования сачков тоже толка нет — реакция рыбешек лучше, чем наша.

Остается надежда на закидушку, которую я сделал из найденных мною лески, крючка, пенопласта и легкой веревки. Для ловли большой рыбы ухажу дальше по берегу. Вместе со мной Наталья и Боря. По дороге рассуждаем о нетрадиционных способах ловли рыбы. Можно, например, схватить с поличным пеликана, пока он не проглотил свою добычу. Шутки несколько скрашивают огорчение от рыбацкой невезухи.

По дороге обследуем берег в поисках наживки, о которой я совершенно забыл. Огромную муху, пойманную нами пару дней назад (грешным делом мы увидели в ней сородича знаменитой мухи «цеце»), решаем пока оставить в резерве, обращаем внимание на раков-отшельников. Они, кстати, буквально повсюду, даже под бревнами на берегу живут. Других вариантов наживки нет, поэтому исследуем этих зверей поближе. Панцирь легко снимается, под хитином мягкое брюшко, которое я пробую на вкус. Ощущение поначалу не

очень приятное, потому что брюшко мягкое и склизкое, но, в принципе, вполне съедобно. Это подтверждают и Боря с Наташей, вслед за мной дегустирующие сырых отшельников. Солёным брюшкам раков суждено теперь стать новым вариантом не требующей приготовления еды, которая к тому же ползает в огромных количествах повсюду.

Закидушка не может оправдать свое название, поскольку веса консервной крышки не хватает, чтобы закинуть крючок на необходимое расстояние. Приходится заносить его подальше самому, но особых иллюзий, что кто-то позарится на бедного рака-отшельника, не испытываю. Любой рыбак долго смеялся бы, увидев такое. Парень бесцеремонно заходит по пояс в воду, нежно кладет в море крючок с наживкой и также медленно и печально покидает «рыбное место». С берега он еще долго сидит с леской в руках, всматриваясь в даль, пока не решается зайти снова в воду и понять, что наживки давно нет.

Ждать клева надоедает быстро. Главным образом потому, что не вижу смысла в рыбной ловле таким способом. А тут еще Наташа. Попытался ей объяснить, почему она порой раздражает соплеменников. Но Наташа, видимо, не любит советы такого рода. В какой-то момент оба начинаем изъясняться в повышенных тонах. Она срывается и говорит нечто не очень лестное в мой адрес, поминает и моих предков. Я в долгу не остаюсь, и полномасштабный конфликт налицо.

— К черту такую рыбалку, — решаю я, сматываю удочки и собираюсь уйти от греха и Наташи подальше. Но она меня опережает и уходит первой. Жду, пока «грех» с Наташей скроются за горизонтом, и тоже направляюсь в лагерь.

По дороге встречаю возбужденных Ольгу, Борю и Наташу. Последняя ведет себя так, словно забыла о нашей недавней перепалке. Оказывается, они нашли небольшую рыбешку на берегу и решили ее «поимку» присудить почему-то мне. Посопротивлявшись поначалу, я все же соглашаюсь. Мы идем в лагерь, изображая всем своим видом веселье и удачливость.

Бедная маленькая рыбка жестоко поделена на восемь частей. Поглощая кусочек сосредоточенно, можно даже ощутить, что это действительно рыба. Вкусно, но, понятное дело, мало! Как ни печально (особенно для Наташи), но о ней мы вспомнили, только облизывая пальцы. Все тут же сделали вид явно выражающий: «Да ну, нашла из-за чего расстраиваться. Невкусная она была... Ты немного потеряла, Наташка».

Глава 6

Сергей «входит в доверие». Мы строим настоящий дом. Трудовое ранение. Потеря огня.

В этот день (канун следующего конкурса на выбывание) отношения на острове несколько обострились. Мало кто верит, что мы победим второй раз подряд. Я никак не могу понять скепсис большинства соплеменников. Боря, Надя, Игорь и Сергей после первого конкурса утверждали, что все подстроено «богами». То есть организаторам игры была угодна наша победа. Я категорически не согласен, потому что верил и верю, что это была честная победа, хотя и случайная. Но означенные выше пораженцы полагают, что второй конкурс наше племя по законам жанра должно проиграть.

Еще больше мне не нравится приближение игры внутри племени, хотя избежать этого, конечно, невозможно. Племя, по идее, должно быть прежде всего командой, но в то же время, как это ни парадоксально, каждый из его членов стремится не столько спастись от голодной смерти или ядовитой гадости, сколько избежать участи быть съеденным своими же на очередном совете, а для этого надо съесть кого-то другого.

Первым проявил себя Сергей. Он выждал момент, когда мы остались наедине, и с заговорщицким видом стал полушепотом «входить в доверие». Это произвело неприятное впечатление, поскольку думать о возможном роковом совете не хотелось до самого факта проигрыша. Сергей предложил вычеркнуть Наталью. По словам Сергея (да это было видно и невооруженным взглядом), Ольга — его союзник, и, таким образом, из нас троих получилась бы неплохая сила. К тому же Сережа не прочь, по его словам, использовать в тех же целях и нашу дружбу с Аней. Это мне не понравилось совсем, но голосовать против Натальи я

собирался и сам, о чем сразу сообщил Сереге. Что касается Ани, влиять на ее настроение я не намерен, хотя в наших беседах мы, естественно, обсуждали все темы. Я предупредил также Сергея, что наш союз кратковременен, так как не могу и не хочу быть тупым исполнителем чужой воли. Удовлетворенный нашим разговором, Сергей оставил меня в покое, что и требовалось.

Разговоры об изгнании представляются мне тем более неуместными, что мы собрались строить дом. Настоящий дом, на чем Игорь настаивал с первого дня, а точнее — мокрой ночи. Дом, где, в отличие от нашего шалаша, не будет всякого рода ползучих гадов, где будет больше простора, меньше песка в постели и непротекающая крыша.

Решив строить дом, все признали, таким образом, хотя и с некоторым опозданием, правоту Игоря. Он доволен и раздосадован этим одновременно. Раздосадован потому, что полиэтилен уже крепко привязан к шалашу, а дырки, что мы наделали в нем, недвусмысленно обещают, что новая крыша будет течь не хуже старой. Кроме этого, стол, вкопанный рядом с шалашом, создает дополнительные трудности для реализации нашего плана. Решение приходит не сразу, но оно устраивает всех: опорой станут три пальмы, образующие равнобедренный треугольник, и сам стол. Работа закипела. Времени мало, надо сделать все за один день, так как для строительства нового мы разрушаем старое жилье.

Игорь вновь холодно встречает всякую помощь, но я и не пытаюсь его теперь убеждать, что в наших условиях его поведение неприемлемо. Просто беру лопату, топор и работаю рядом с ним. Какое-то время он молча присматривается ко мне, но затем словно признает за мной право на труд, и барьер наконец сломан. Пока Игорь возится с креплением основных опор для плота, отправляюсь в глубь острова в поисках недостающей длинной и крепкой перекладины. Топор при рубке намеченного дерева ломается. Он уже давно собирался это сделать, время от времени слетая с обуха, и я берусь за мачете. Ствол не очень толстый, диаметром сантиметров пятнадцать, но дерево досталось какой-то очень прочной породы, и рубка затягивается часа на два. То и дело меняю уставшую руку, а затем решаю для удобства снять веревки и обмотку с рукоятки. Все случилось в доли секунды — рука соскочила с мокрой от пота рукоятки, и большой палец проехался по лезвию ножа от его основания до острия. Порез глубокий, так как я прилагал некоторые усилия, чтобы снять эту чертову обмотку.

Крови я никогда не боялся, да и боль переносу нормально, но этот порез мне совсем не нравится. Я предчувствую, что он испортит мне жизнь на долгие дни. Как показала скромная практика, микрофлора тропиков для нашего организма не очень подходит. Все раны быстро начинают гноиться. А повышенная влажность особенно не способствует заживлению. Вернувшись в лагерь, делаю перевязку, используя нетрадиционным способом один из выданных нам презервативов.

Игорь и Надя хотят оградить меня от всякой работы, но недорубленное дерево с торчащим в нем окровавленным мачете — слишком сильное зрелище. Продолжаю рубить, кровь, естественно, продолжает течь, поэтому, когда я приношу бревно в лагерь, повязку надо срочно менять. Больно и неприятно завязывать многочисленные узлы, крепя тем самым опоры и перекладины для крыши, но надо успеть сделать все до темноты, и я терплю. Игорь продолжает настаивать на моем отлучении от строительства, а Надя издает протяжный «ах» всякий раз, когда видит очередной окровавленный презерватив, слетевший с пальца. Из-за этого территория стройплощадки вскоре становится похожа на съемочную площадку фильма о маньяках.

После очередного причитания по поводу моего пальца срываюсь второй раз за день. Темпераментно и достаточно громко рассказываю о своей самостоятельности и желании работать, о нелюбви к заботе и опеке со стороны кого бы то ни было, о времени, которого не хватает на постройку хижины, о том, что «нельзя хоронить человека из-за какого-то пореза!» и так далее по немаленькому списку. Вопрос с моим здоровьем тут же снят с повестки дня, а дом достроен к вечеру. Понятно, что крыша будет протекать, но в целом хижина выглядит достойно.

Всем хочется лечь спать в новой хижине, но места по-прежнему не хватает. К счастью, теперь есть еще сплетенный нашими девушками гамак, которым я решил воспользоваться, опередив Игоря.

Спать в нем достаточно сносно, но ночью вновь пошел дождь. Иду к дежурящему Сергею, который просил о помощи в случае дождя. Дождь усиливается на глазах, поэтому подкладываем несколько бревен и накрываем костер ящиком, оставшимся у нас с высадки. Но ливень настолько силен, что вокруг кострища постепенно образовывается озерцо. А так как мы устроили очаг в углублении, вода подтекает в его центр. Сделать что-либо не в наших силах, поэтому мы с Сергеем просто усаживаемся на край переполненного людьми плота и с грустью наблюдаем за процессом затопления территории лагеря.

Глубина водоема уже достигла сантиметров двадцати, когда ливень затих. Костер едва тлел. Опрокинув ящик, я обнаружил лишь один малюсенький уголек. Это очень слабый шанс, но я решил им воспользоваться. Уселся в лужу, чтобы быть ближе к угольку, подложил лучины и труху кокоса и стал дуть. Уголек разгорался все сильнее, но новый материал не загорался. Сергей и Игорь не верили в успех и, не вмешиваясь, стояли в стороне. Я же просто ополоумел от желания огня, тепла и горячего завтрака. Дул не переставая, а когда решил встать, чтобы найти нечто более сухое, чем то, что у меня было, то почувствовал, как подкашиваются ноги, а в глазах темнеет. Сознание не потерял, но ощущение не из приятных. Несмотря на это, продолжаю отчаянные попытки спасти огонь. Лишь когда второй раз едва не потерял сознание, решил наконец прекратить свои мучения.

Когда я, как заведенный, непрерывно и напрасно дул на уголек, еле пробивающийся сквозь темноту, память выдала нечто труднообъяснимое. Я словно смотрел фильм о своем детстве в Таджикистане. Как мы идем с бабушкой фотографироваться к красивейшему фонтану в центре Душанбе, как катаюсь на велике во дворе... Таких всплесков памяти, показавшей совершенно отвлеченные, не связанные друг с другом эпизоды, было несколько, и я поразился их четкости и реальности.

Я был так измучен и огорчен потерей огня, что решил вместе с Натальей и Борисом пойти в заброшенную индейскую хижину, обнаруженную ими накануне. Когда я впервые услышал о ней, решил для себя, что никуда не пойду, а буду жить и выживать вместе со всеми там, где наш лагерь, где будет дом, который мы сами построим. Но завтра нас ждет очередной конкурс, а сил не осталось совсем. Спальник, как и все, что на мне, был насквозь мокрым, усталость неимоверная. Мы с Борей в темноте добрались до хижины, я упал на пол и мгновенно заснул.

Глава 7

Конкурс № 2 — гусеницы беленькие и черненькие. У меня есть друг! Что наша жизнь — игра, а лучший игрок — Борис. Первый совет: Черепахи съедают Ольгу. Скорпионы. Доброй ночи, Ваня!

Проснулся с тревожной мыслью, не опоздал ли к завтраку? Но опоздавших в этот день не было вообще — без огня нет завтрака. Разводить огонь не имело смысла, так как его быстро зальет дождь. К тому же не было дров, а нам скоро на конкурс. Резким контрастом на общем фоне выглядит Ольга. Она излучает веселье и предлагает мне пробежаться. От неожиданности соглашаюсь, хотя не понимаю зачем. Бежать по песку не очень удобно, а когда обувь и штаны пропитаны водой, то бег получается с утяжелением. Пробегаем мимо хижины, и взору открывается «кокосовая аллея». Все, кто обследовал остров, больше всего восторгались именно ею. Пальмы здесь стоят в таком ровном ряду, что напоминают фонарные столбы.

Утреннее послание сообщает о ланче из деликатесов местного разлива, на который мы имеем несчастье быть приглашенными. Ничего хорошего от предстоящего угощения не ждем, решаем закусить сухим рисом. Не знаю, как остальные, но я никакого комплекса по этому поводу не испытываю. Плохо только, что нет горячего, хочется согреться.

Надо сказать, что наши «боги» предупредили: кроме килограмма риса раз в два дня, больше никакой продовольственной помощи от внешнего мира не будет. Выигрыш призов — дело другое, но пока до этого, похоже, далеко. Только разжевывая сухие зерна риса, понимаешь, как мала порция. Что такое для человека восемь граммов риса? Сразу и не представишь. Лишь когда у тебя на ладошке горстка, в которой около трехсот зерен риса,

многое становится понятно.

Итак, конкурс № 2. Нам и племени Лагартос, сидящему напротив, предстоит есть личинки. Мы не сомневались в способностях «богов» придумывать нечто совершенно неприятное для нас. Но такого, думаю, не ожидал никто. Личинки черные и личинки белые — хоть выбор есть. Первое, что приходит на ум, чтобы успокоить нервы, рассказ Легошина с видеокассеты, что давали нам в Москве. Там он спокойно рассуждал о свойствах личинок короеда, упомянув, что они напоминают по вкусу кедровые орешки. Самовнушение действует слабо. Решаю, что черных есть не стоит точно. По-моему, в книге, что я читал, да не дочитал перед отъездом, говорится о том, что у них много ножек, а таких есть опасно. Впрочем, наша еда, похоже, сама нас боится. Одна из черных гусениц уползает из чаши и спускается на землю по штанам Бодрова. Бодров, заметив бегство, хладнокровно снимает ползущую тварь и нежно кладет обратно в чан.

Нам раздают по личинке, вернее, мы сами выбираем ту, что «нам по вкусу» или «смотрит на нас». Тарелка с червячками идет по кругу. Ольге повезло: нас больше, чем Лагартос, ей участвовать в ланче не придется.

Дальше была сама трапеза, причем перед ее началом мы быстренько отрываем головы бедным червячкам. Не со зла, конечно, а чтобы в желудке не ползали. Они и не ползают, а вкусом при некоторой фантазии действительно напоминают кедровые орешки. Наступает момент истины. Надо определить у соперников едока для следующего тура. Инна из племени Лагартос запила первого червячка собственными слезами и водой, и выбери мы ее — победа гарантирована. К счастью, благородство побеждает. Мы тянем жребий, и остаются Сергей Одинцов с той стороны и Анька — с нашей. Исход битвы предрешен. Одинцов молниеносно съедает червяков, и нам приходится Аню успокаивать. Она плачет, предчувствуя, чем ее поражение обернется для одного из нас. Этот человек становится мне все симпатичнее.

Итак, нас ждет поход на первый совет. К сожалению, путь к нему начинается и на нашем острове. Все ходят серьезные, угрюмые. Лагартос съели Лену, никому не хочется первым испытать то же, что и она. Хотя о ее чувствах каждый размышляет по-своему. В силу своей субъективной неохоты быть первым от племени Тортугас.

Огонь развели не сразу, а только со второй спички — непозволительное расточительство. Поскольку вернулись поздно, дров в спешке собрали для целой ночи маловато. Игорь, он сегодня костровой, проявляет смекалку: обкладывает костер скорлупками кокоса. Они не горят, но хорошо держат жар, защищая его от дождя. Учтя печальный сегодняшний опыт, еще утром сделали новое ложе для костра. Камни достали со дна моря, уложили их в землю полусферой, обеспечив тем самым дренаж.

С самого утра и до отправки на совет в лагере царит противная атмосфера выживания в худшем смысле слова. Исключать не хочется никого, но если уж это приходится делать — Наталью. «Она слишком громкая», — первая мысль, которая приходит в голову, когда начинаешь думать о причинах такой ситуации. Первая, но не единственная. Но согласны с этим не все. Для кого-то она друг, и этот друг приступает к действиям. Узнав об анти-Наташиных настроениях, Борис начинает играть. А именно — против Оли. Толчком к этому для него стала, возможно, информация о том, что Аня будет голосовать против Оли, чего Аня совершенно не скрывала.

Утром мы с ней вновь совершили прогулку по острову, чтобы обсудить ситуацию в лагере. Я рассказал о неприятной беседе с Сережей.

— Я колеблюсь между Ольгой и Натальей, — ответила она.

— Не буду тебя склонять ни к первой, ни ко второй кандидатуре. Ты знаешь, как буду голосовать я. Кого выберешь ты — дело твое.

Больше всего не хотелось, чтобы она подумала, что я уговариваю ее проголосовать так, как этого хотел Сергей.

— Хорошо. Давай просто чаще обмениваться мнениями и прояснять ситуацию?

— С удовольствием! — ответила Аня. — Знаешь, — неожиданно продолжила она, — я хочу подойти к Ольге и честно заявить о своем намерении.

Анька вновь поразила меня.

— Если передумашь, за кого отдавать голос, то есть против кого, сообщи, ладно? Я тоже

скажу, если что-то изменится.

— Конечно! Только все, о чем мы говорим, пусть останется между нами. Кто-нибудь может использовать эту информацию в своих целях.

— Это я тебе обещаю. Спасибо, Ань.

Мы были едины: противно выбирать между кем-то или против кого-то. Неуютно от мысли, что твой голос может стать в чьей-то островной судьбе решающим. А еще, и это, возможно, главное, не хочется быть в полном неведении и неожиданно оказаться в одиночестве, белой вороной.

После таких разговоров легче дышать — уходят проблемы, которые я всегда обожал придумывать себе сам, обгладывая в мыслях свои же косточки. Небо над головой становится светлей, а походка тверже. У меня на острове есть друг! Общение действует как лекарство.

Только сегодня начал задумываться о том, что есть игра, а что — жизнь. Разумеется, четкой грани в нашем случае нет. Поэтому, видимо, так сложно определить, где кончается первое и начинается второе. Что можно считать честной игрой, а что нет? И может ли вообще быть честной игра, в которой мы участвуем? Хотя язык не поворачивается назвать все происходящее игрой. И еще парадокс: те, кто относятся к островной одиссее всерьез (судьба, успех, неудача), именно они первыми начинают игры в коалиции, альянсы, оппозиции и прочее.

Итак, Боря каким-то образом все же узнает, что Аня проголосует против Ольги и последняя намечена им в качестве жертвы, чтобы избежать ухода Наташи. На совете Боря, Наташа и Аня голосуют против Ольги, решающим становится голос Нади. Почему она сделала выбор в пользу Наташи, судить не берусь. Перед советом, когда купался, Надя подплыла ко мне и спросила, против кого я буду голосовать. Я уклонился от ответа и свернул тему, посчитав, что каждый должен голосовать так, как считает нужным. Объяснить, почему я не сказал Наде, за кого отдам свой голос, вряд ли смогу. Надеюсь, что она не увидит в этом желания разложить свою партию на предстоящем совете. И вообще, я все чаще задумываюсь над тем, чтобы соплеменники не заподозрили меня в каком-либо грехе. Хотя сама мысль о том, что придется быть удобным для окружающих, противна. Есть над чем задуматься. Постоянно доказывать, что я настоящий, тоже глупо. Уверен в Аньке — она меня не заподозрит в актерстве и игре на публику. На совете стало ясно, что Борис добился своего. Он не зря разговаривал с Надей по душам, сидя вечером на пустынном берегу.

Результатом его победы стал уход Ольги, совершенно такого поворота событий не ожидавшей. Перед отбытием на совет нам предложили на всякий случай собрать рюкзаки. Процедура не из приятных. Невольно думаешь о том, что можешь уйти и ты, а, с другой стороны, тащить все свое барахло не хочется. Тут легко определить, насколько человек уверен в стабильности своей позиции в племени. Кто-то сделал это основательно, боясь, что не вернется, но только не Ольга. Так все узнали, что Боря может играть, причем неплохо.

Нельзя сказать, что из-за случившегося Борис утратил симпатии племени. Вовсе нет. Боря приятен большинству соплеменников. Большинству, но только не своему главному оппоненту по амплуа — Игорю. Ему он не понравился сразу. В племени постоянно ощущается негласная борьба двух лидеров: мягкого, демократичного Бориса и уверенного в себе, жесткого Игоря. Разумеется, политика первого всем симпатичнее, хотя разыгранная им комбинация «Ольга вместо Натальи» отразилась на его репутации.

Вновь мой черед быть костровым. Помня опыт предыдущей ночи, я приготовил много дров и скорлупок кокоса. А сразу после совета притащил с десятков ведер песка, чтобы сделать насыпь под хижиной. Очень не хотелось, спускаясь с плота, вновь угодить в глубокую лужу, которая образовывается под домом после каждого дождя. Игорь сложил небольшой НЗ сухих дров под навесом на песке. К труду и обороне готовы!

Обычно вечером, если нет дождя, часть племени сидит у костра. Во-первых, свет. Во-вторых, тепло. В-третьих, беседа. Так и в этот раз. Сидим, болтаем. Тут мне на голову что-то падает. Нечто небольших размеров и небольшого веса. Мало ли что — листик какой. Замечу, что вокруг нас лишь пальмы, но подсознание постоянно представляет березы и сосны. Первое впечатление от раскидистых. Беседую о жизни нашей дальше, смахнув на всякий случай с головы это самое нечто. Секунд тридцать спустя чувствую: по руке что-то ползет.

Приходит мысль, что это может быть и опасно — джунгли все же. Дернув рукой, сбиваю ползучего гада на землю. Страх нет, но любопытство заставляет взять головню из костра, чтобы осветить ориентировочное место падения неизвестно чего. Все это время разговор вокруг костерка не утасает. Освещаю землю, и тут меня охватывают страх и паника — на земле очень мило лежит себе скорпион!

Я не раз бывал в горах Средней Азии и прекрасно знаю, как эти друзья выглядят. Их укус может быть смертелен, мы же по глупости не раз играли с этими опасными тварями, будучи детьми. Жажда адреналина была тогда сильнее страха. Взвесив свои знания о скорпионах и опыте общения с ними, направляю свет головни на людей, сидящих в метре от меня, и говорю: «Быстро встали и отошли от этого места!» Тон такой, что все безоговорочно повинуются. Мое объяснение никого не радует. Никто не хочет знакомиться с «летающими» скорпионами. Никто не хочет больше сидеть под пальмами и ложиться спать, не проверив спальник на наличие непрописанных жильцов. У всех появляется добрая традиция вытряхивать утром кроссовки. Я решаю эту проблему радикально, не снимая обувь на ночь вообще. Конечно, есть масса минусов в таком решении — болят ноги, гниют носки и кроссовки, портится кожа, зато чувствую себя в безопасности. В итоге все расходятся на ночлег. «Спокойной ночи, Ваня!»

По-другому воспринимаются здесь многие простые вещи. «Спокойной ночи!» Как много означает эта фраза на острове. Совсем не то, что в обычной жизни. Вот ее смысл — желаю тебе, соплеменник, чтобы темной ночью тебя не закутали москиты. Чтобы легкий ветерок уносил эту нечисть от нашего лагеря подальше. Чтобы не было сильного ветра и дождя. Чтобы ты, мой друг, смог заснуть хоть на час, а другой наш соплеменник, выбираясь ночью по личным делам из хижины, не шатал весь дом так, что все вскакивают в ужасе. Желаю нам всем утром побольше рыбы в ловушке и утренней почты с едой. А также, чтобы на тебя больше не упал скорпион, а его родственники не залезли в хижину. Спокойной ночи, Тортугас.

Закончив философскую пятиминутку, принимаюсь за дела земные — как сохранить огонь? Будь глина, сделал бы печь, наподобие таджикского тандыра, в котором пекут лепешки. Но глины нет. Я, правда, так и не обошел до сих пор весь остров. Почему-то не могу никак выделить время на это важное мероприятие. Еще мы думали о навесе над костром, но дело застопорилось. Вкопав четыре сваи, начали делать крышу, но поняли, что она получается слишком тяжелой, чтобы быть съёмной, а зафиксированной она будет только мешать. Под утро укладываюсь в гамак. Пожелание соплеменников исполнилось: ночь выдалась на редкость спокойной.

Глава 8

Сокровища на дне морском. Спокойный тонущий Серега. Сага о еде и вкусно пахнущей цивилизации.

Утром нас ждут на завтрак любимые триста вареных рисинок и известие о предстоящем испытании. Со дна моря предстоит поднять загадочные сокровища.

На глубине около четырех метров стоят сундуки, надо вытащить их на берег, до которого метров тридцать. Какое племя первым справится с задачей, тому и заветный ключик, проигравшим, как всегда, дырка от бублика.

Плавание — мой конек, могу надолго задерживать дыхание под водой. Прошлым летом эти качества нас с братом здорово выручили. Найти работу на Кипре, как мы надеялись, не удалось. Денег мало, а купаться в бассейне близлежащего отеля очень хочется. Поскольку его жильцами мы не были, вход туда для нас весьма затруднен. Но после того, как мне удалось проплыть двадцатиметровый бассейн туда и обратно под водой, охрана нас больше не останавливала.

Наташа заявляет о своих достоинствах, утверждая, что ходила два года в школу подводного плавания. Игорь тоже не прочь принять активное участие, но сомневается в своих способностях. Сергей честно предупреждает, что боится не доплыть. Решаем, что тащить сундук будут двое — Наташка и я. Старт — и мы бросаемся в воду. Серега доплывает до буйка, под которым сундук, далеко не последним. Наталью же приходится подтаскивать, чтобы

быстрее начать подводную операцию. Все в сборе, можно нырять. Опускаюсь на дно, где смутно различаю очертания сундука. Попытки поднять его и немного проташить ни к чему не приводят. Сундучку на дне моря явно удобнее, чем на суше. Выныриваю и сообщаю о плачевных результатах моей деятельности. Теперь ныряем вдвоем, но только мешаем друг другу, да и не доплывает Наташка до сундука. За дело берутся поочередно Боря, Игорь и Анька. Сундук практически не двигается с места. У Лагартос дела идут гораздо лучше — они оторвались от нас уже метров на семь. Там ныряют Одинцов и Целованьский. Оба хорошие пловцы и мужики крепкие.

Ныряю и пытаюсь сначала поднять сундук на уровень пояса, а затем уже тащить. Тактика явно оправдывает себя, ноша перемещена сразу метра на три. На поверхности спешу порадовать племя своим открытием, но ему не до этого — Терещенко тонет. Более спокойного тонущего видеть не приходилось. Как позже рассказали, он просто негромко заявил — «я тону». Паника началась у всех, кроме него самого. Сергею посоветовали перевернуться на спину, но он парировал: «Не хочу, мне и так хреново». Конкурс приостанавливается, в кадр всплывает могучий спасатель МЧС Володя Донин. Мощными гребками он плывет в сторону племени Тортугас, приближается к восторженным головам Черепах и ... И проплывает мимо, так и не подняв головы из воды. Вот бы кому сундуки доставать. Володя вынырнул за нашими спинами только метров через тридцать! (Как мы позже узнали, Володя Донин не «промахнулся». Он просто отправился к своим подопечным из племени Лагартос.)

Как только мы заметили, что торпеда в лице Донина проплывает мимо тонущего, все вновь обратились за помощью к берегу, полному людей. Надя кричит громче всех: «Помогите! Тонет. Тонет Сергей!» Тонущему Сергею явно совестно и неприятно за подныряющую панику, он не хотел так громко тонуть. На помощь приходит замначальника отряда «Центроспаса» МЧС Легошин. Он не ныряет, как его коллега, а держит голову над водой и вскоре добирается до Сергея. Заметив дрейфующего рядом Легошина, Серега тут же пытается использовать его как спасательный круг. Но Володя Легошин легко (вот что значит опыт) уворачивается и вежливо просит: «Серег, ты только за меня не цепляйся, ладно?» Мощные физические данные Сергея требуют особой бдительности и подразумевают хотя бы примерно соответствующие габариты спасателей.

Племена возвращаются на старт. Над сундуками плавают операторы, и всем прекрасно видно, что мы отстаем от Лагартос метров на пять. Старт дается заново. Применяя испытанный способ, я методично перемещаю при каждом погружении сундук метров на пять вперед. Команда просто в шоке — никто не успевает прийти на помощь. Я выныриваю всякий раз существенно ближе к берегу и тут же снова ухожу под воду. Противоположное племя также недоумевает, а секрет прост. Одному гораздо удобнее тащить сундук — не надо подстраиваться под помощника. Вопрос лишь в объеме воздуха, который ты можешь набрать в легкие, и хватит ли сил, чтобы поднять сундук на уровень пояса. Ну и руки, конечно, желательно иметь как можно длиннее, чтобы обхватить этот деревянный якорь. Мне, например, пришлось сильно напрячься, чтобы зацепиться как следует.

Вскоре в операцию включается только что спасенный Сергей. Он подхватывает ношу там, где не очень глубоко, и мы совершаем решающий бросок к финишу. Победа! Открываем сундук, а там помимо столь приятного приза — снаряжения для подводного плавания — свинцовые кирпичики, аккуратно уложенные в ряд. Не сдержавшись от переполняющих эмоций, пинаю этот чертов сундук и выражаю свое отношение к нему в нецензурной форме. Но это мелочи. Впервые чувствую себя настоящим героем, выручившим все племя. Анька негромко, будто по секрету, произносит: «Ну, ты круто-о-ой».

Ужин по традиции скромнен, зато племя смакует победу в конкурсе. Слышны столь приятные для моего уха вопросы типа: «Как же это тебе удалось?!» Естественно, что сидим мы ровным кругом на «кухне», то есть на сундуках вокруг костра.

Надо сказать, словарный запас племени пополняется день ото дня. Как только перестроили шалаш, сразу обозвали его «трехзвездочным отелем». Следующие две звезды решено присвоить, когда крыша перестанет течь, а «мужчины начнут приставать к красивым девушкам». Слова «шалаш», «хижина» вообще постепенно уходят из обихода — просто «отель». Вместо ежедневного вареного риса мы регулярно питаемся «пловом», «кашей»,

«ухой» (это когда в нашем котле погибает какая-нибудь рыбешка). Рис с водорослями — «зеленый суп». Рис с цветками ядовито-сиреневого цвета — «китайский салат». Выглядит бесподобно, да и на вкус — ничего.

По утрам у нас кофе или чай, что очень удобно — наливаешь кипятка, а человек сам решает, что он сегодня пьет. Личности с особо богатым воображением иногда добавляют себе в чай сахар или сливки в кофе. Жареные кокосы продержались в меню всего день, им на смену пришли «поп-корн» и «чипсы». «Мясом» у нас были сначала раки-отшельники, затем это гордое имя стали носить вареные крабы. Чай, кофе, мясо, компот. Для нас это слова, наполненные едва ли не привычным смыслом, и произносим их без всяких кавычек. Гораздо приятней, когда тебя утром зовут к «утреннему чаю», а не похлепать горячую воду.

Наши «боги» поначалу пугались, заподозрив, что мы и впрямь провезли на остров контрабандные пакетики с чаем и кофе, но вскоре привыкли к нашим безвредным заскокам и реагируют теперь на них спокойно.

Тема еды постоянно витает в воздухе. Первое, что мы освоили на острове, это, естественно, кокосы. Они повсюду, но радость от этих экзотических плодов не может быть вечной из-за слишком характерного вкуса мякоти. Это не значит, что мы ими пренебрегаем. Рядом с лагерем валяется достаточно много упавших кокосов, так что при необходимости всегда можно заморить червячка.

После того как страх и брезгливость перед всеми ползающими были преодолены, они плотно вошли в наше меню. Пользы, не говоря о вкусе, от раков немного. Гораздо вкуснее оказались крабы, благо, что найти их нетрудно. Иногда достаточно утром потрясти башмак, оставленный у порога «отеля», и пара калорий обеспечена. Нельзя, конечно, забывать о клешнях, которые выглядят весьма впечатляюще, хотя сам зверь обычно размером меньше женской ладошки. К сожалению, мяса в крабах немного, а потому каждый его грамм воспринимается утробой как праздник. Вот только бегают эти «граммы» раз в двадцать быстрее раков. В лучшие дни нам удастся отловить их до полусотни, но, чтобы насытиться только мне одному, их надо бы штук сто. Разгрызть краба, особенно вареного, дело непростое. Не зря наши челюсти так придирчиво осматривали дантисты МЧС. Круша зубами клешни, обязательно съедаешь и хитин, а потому мы быстро пришли к решению использовать крабов преимущественно для получения густого супового навара.

Большие крабы нам понравились больше всего. Огромные, немисливо-сиреневого цвета монстры выбираются на сушу ночью. Причем их легко обезоружить любым источником света, например факелом или светом камеры оператора, неотступно следующего за охотниками в период добывания пищи. Чудище с огромными клешнями становится беззащитно слепым. Клацая клешнями, размер которых позволяет перекусывать палки с палец толщиной, он стоит на месте, предчувствуя собственную гибель. И она, как правило, незамедлительно следует после удара мачете. Панцирь настолько тверд, что разрубать его приходится сильным ударом ножа. После варки цвет краба становится мутно-белым, а мясо плотным и очень вкусным.

Неплохим у нас получился и змеиный супчик. Рептилию я обнаружил во время одной из прогулок вблизи лагеря, когда мне показалось странным шевеление какой-то «палки» в валежнике. Отрубив голову, девушки, по моему совету, сняли шкурку с туловища и разделили его на восемь кусочков. Затем добавили риса в кипящую воду, и бульон получился на славу. Мяса, правда, там оказалось немного, особь, наверное, молодая попалась. Так, погрызли хребет. Зато еще минимум пару дней после этого народ не забывал надевать кроссовки. Змея-то оказалась ядовитой.

Настоящим изобретением цивилизованного ума стал «компот». В воду, необязательно горячую, добавляются желтые плоды неизвестного нам дерева. Плоды эти, похожие формой на сливу, обычно прибывает волной к берегу, с которого мы их и собираем. Вкус воды меняется незначительно, но цвет у напитка становится просто замечательным. А уж если в него добавишь сахарный тростник... Вечно буду благодарен Игорю за то, что он нашел недалеко от лагеря небольшие заросли этого единственного источника сладкого. Особенно он хорош, если его просто жуешь, — сахар чувствуется.

Когда Игорь впервые принес две длинные изогнутые палки диаметром сантиметра четыре, они вызвали легкое недоверие соплеменников. Накануне он же нашел ямс — местное растение,

клубни которого после продолжительного вымачивания можно есть. Мы его вымочили, он поменял цвет с изумительно белого на радикально черный, но вкус... Надя, наивно съев кусочек, поперхнулась, а остальные воздержались.

Я попробовал тростник и не пожалел. Конечно, надо изрядно потрудиться, чтобы откусить хоть кусочек, но зато можно почувствовать во рту что-то сладкое. Как нам не хватает сахара! Удивительно, но больше всего мы соскучились по... булочке с чаем! Не по мясу и картошке, а сладкой сдобной булочке со сладким горячим чаем. Первой сформулировала идею фикс Аня. И как только она ее озвучила, все сразу поняли, как глубоко Аня права.

И хотя сидя у костра, мы, как и в предыдущие вечера, даем зарок не говорить о цивилизованной еде, у нас опять не получается. Эта тема обречена быть самой важной и интересной, и не только на нашем острове.

Как только выбираемся на конкурс или совет, глаза, независимо от нашей воли, разбегаются. Ведь здесь присутствуют несомненные признаки цивилизации, где-то рядом бродит съёмочная группа, от которой так вкусно пахнет. Завидев обертку от шоколадки, начинаем бредить опять же о сладком. Подлинный герой всегда голоден, независимо от принадлежности к племени. Он просто обязан незаметно подойти и проверить, а не осталось ли чего в обертке? Не важно, что никому до сих пор ни разу не повезло. Главное — ритуал. И чтобы твоих поисков, а еще лучше тебя самого, вообще никто не заметил. Курящие особо ориентированы на поиск окурков. Редкий окурочок залеживается на своем месте больше двух дней.

Глава 9

«Зебры» не хотят быть едой. Письма на песке.

Чей факел гасить? Расческа Игоря найдена, но Борю это не спасает. Крах Города Солнца.

Утром не терпелось испытать добытые в предыдущем конкурсе трофеи — снаряжение для подводного плавания. К сожалению, Игорь опередил меня, став первооткрывателем, но я, мало печалась, отправляюсь в море вслед за ним. Ласты, маска и дыхательная трубка — всего три немудреных предмета, но сколько открытий, восторга, удивления и спазмов голодного желудка. Просто невозможно представить, что там плавают столько съедобного. Но пошлые мысли о еде быстро отступают. Даже будучи ужасно голодным, можно часами наблюдать за подводной сказкой. Рыбы разных расцветок, форм и размеров буквально роятся вокруг огромных кораллов. Какие-то «зебры», «сиреневые мантии», «неоны», окуньки без малейших признаков страха бесконечным хороводом кружат вокруг инородного для них тела, то есть меня. Я не представляю для них, к счастью, гастрономического интереса, а потому, покружив, они прячутся под редкие камни или маскируются в кораллах размером с небольшое деревце.

Сдержат эмоции невозможно. То и дело громко мычу в трубку, чтобы избавиться от очередной порции восхищения, удивления, а порой и страха. Разглядел, к примеру, морских ежей, обживших коралловые рифы, и сразу осознал нашу несусветную глупость — мы ведь ходим по кораллам босиком. Материализую навязчивое желание — трогаю то, что не уплывает: кораллы, огромные, словно ванна, губки... Через минуту после прикосновения к кораллу руку начинает жечь, накатывает небольшая волна страха перед возможными последствиями любознательности, но вскоре боль проходит. Безмолвие подводного царства нарушает лишь мое усталое дыхание. Оно нарушает его так громко, что боюсь рыб распугать. Отчаянная и наивная попытка ухватить удачу, то есть рыбу, за хвост приводит к единственно возможному результату, зато вскоре обнаруживаю странные камешки на песочном дне. Так это же настоящие моллюски! Вот где наш обед расположился! «Рыжее мясо», почуяв мой кулинарный интерес, быстро прячется в заросший водорослями рапан, плотно закрывая за собой дверь. Таковой служит рогообразного вида пластинка на единственной ноге.

Захватив две раковины, направляюсь к берегу и вдруг замечаю огромную стаю рыб, которая, обалдев сначала от встречи со мной, организованно сматывается под странного вида огромный камень. Обнаружив под ним шикарный грот, всплываю, чтобы набрать воздуха, и

возвращаюсь. На глубине пяти метров приходится резко изменить направление движения вправо. С трудом изворачиваюсь, рискуя застрять в гроте, и двигаюсь дальше. А дальше все, как в фильме ужасов. Мой взгляд упирается в черную, явно органическую массу. Медленно шарю глазами, чтобы определить размер находки, и цепенею от ужаса. Пробивающееся сквозь толщу воды солнце достаточно недвусмысленно обозначает в конце подводной пещерки контуры неподвижного черного чудовища. Какое на фиг мясо?! Как бы самому в этой роли не оказаться. Стая рыб, из-за которой предпринят этот безумный рейд, плавно кружит вблизи черного монстра и безмолвно скалит пасти, откровенно издеваясь над любознательной наивностью белого человека.

Пулей вылетев на берег и страдая от дефицита эпитетов, пытаюсь, активно используя все части тела, рассказать соплеменникам об увиденном. Мне мало кто верит, да и рассказ мой, замечая я с некоторым опозданием, вызывает куда меньший интерес, нежели принесенная добыча — два рапана. Вот их принимают с распростертыми объятиями и топором. Правда, наших гостей со дна морского одолела скромность, вылезать из своего укрытия не хотят. Орудием топором всюю, но сражение с матушкой-природой все равно проигрываем. Раковина даже не крошится от наскоков топора, хотя к битве привлечены самые могучие люди острова. Становится ясно, что мы скорее угробим топор, нежели доберемся до этого упорного деликатеса. Чтобы скрасить горечь поражения, запоздало прикидываемся гуманистами и оставляем оглушенных моллюсков в покое.

Нам предложили написать письма домой. Эпистолярный жанр я люблю, но, поскольку ни бумаги, ни компьютеров на остров не завезли, каждый изголяется как может. Надя корябает что-то на зеленых и несъедобных бананах, Терещенко использует кокос, мы с Анькой предпочли бамбук, Игорь чертит на песке. У него будут, пожалуй, самые большие проблемы с конвертом.

Написание писем носит, конечно, символический характер, но за идею мы Бодрову искренне благодарны. Господи, как много хочется рассказать о том, что здесь происходит, что испытываешь, о чем думаешь. Но быстро осознаю, что рассказать об этом, тем более в письме, просто невозможно. Это другой мир, другая планета. Как не объяснить дикарю устройства автомобиля, так и нам не донести до наших близких суть происходящих с нами превращений.

Пишу, чередуя для краткости и экономии сил и времени русский язык с английским, использую символы и рисунки. На одну букву порой уходит несколько минут. Шкрябаешь ее и мысленно приближаешься в это время к родным, друзьям, любимой. Жарко, руки трясутся от напряжения, на голом теле правят свой шабаш звереныши — москиты, но отгонять их нет ни сил, ни желания.

В лагере тишина, царит непривычная атмосфера солидарности и понимания. В тоске по дому едины все. Как странно осознавать, что в этот самый момент жизнь в другом полушарии продолжается. Время не остановилось. Они все вместе живут там, а ты — здесь. Ты один, и просить поддержки у тех, кто рядом, — бессмысленно. Хотя они так же одиноки, так же тоскуют о своем кусочке другого полушария, так же, как и ты, нуждаются в поддержке.

Становится по-глупому грустно, что сюда попал. Но эта невеселая мысль только на одной чаше весов. На другой — четко осознанное желание бороться и победить, обязательно победить. И эта чаша перевешивает.

Днем предстоит конкурс на выживание. Кто-то уже прикидывает, кому быть очередной жертвой в случае проигрыша, но настрой на борьбу у всех самый серьезный. Никто не собирается специально проигрывать, чтобы методично устранять соперников в собственном племени.

Почта извещает, что в соревновании участвует только одна девушка. Стыдно признавать — камень тихо сваливается с души, уставшее недокормленное тело просит передышки. Сегодня у одной из наших девушек есть шанс стать героем (героиней). У всех есть желание бороться, но у Аньки болит нога, домоседку Надю в роли героини представить трудно. Остается Наташа? Она, кстати, активнее других настаивает на своей кандидатуре. Увидев приспособления с резинками и поняв смысл конкурса, Аня ссылается на больную ногу, а Надя заметно скучнеет. Учитывая сложившуюся ситуацию и соотношение голосов на прошлом совете, предлагаю кандидатуру Натальи. Если выиграет, спасет себя и племя, проиграет, не

огорчусь ее уходу.

Проигрыш Тэн становится очевиден уже к середине испытания. Хотя она борется изо всех сил, но Инна явно сильнее. Наступает тягостное молчание. Наташа тихо плачет. Так непривычно: громкая Наташа тихо плачет. Племя ее подбадривает и успокаивает. Проигрыш уже второго состязания чреват для всех нехорошими последствиями. Испытания предстоят разнообразные. Исключив любого соплеменника, мы потеряем вместе с ним какое-то определенное качество, которое могло бы выручить в будущем.

Вечером в лагере вновь атмосфера приближения «гашения факела». Чье имя будет чаще написано на роковом листочке, определяется, как правило, накануне. Показывать заинтересованность, суетиться из-за этого щепетильного вопроса — дурная манера. Сергей вновь подкатывает ко мне, предлагая исключить Борю. Ему явно хочется наказать виновного в исключении Оли, его недавней подруги и союзницы. Пытаюсь проанализировать свои симпатии, определиться с выбором на завтрашнем совете. Парадокс, но факт — Наташу исключать не буду, хотя относиться к ней лучше не стал.

Мне и в первый раз голосование против нее далось нелегко, а ратовать за исключение одного и того же человека второй раз подряд — это уж слишком. Получается, как в случае с собакой, которой отрубали хвост по кусочкам — «чтобы не так больно было». Судя по атмосфере в лагере, другие соплеменники также не склонны изгонять Наталью.

Все указывает на то, что выбирать придется между Борей и Игорем. Все уже поняли: плохо иметь в команде двух лидеров. Перед отправкой на остров я и сам мысленно претендовал на схожее положение в племени, поскольку в «мирной жизни» у меня обычно такая же роль. Но здесь быстро стало ясно — с вожаками перебор. А это вызывает кучу конфликтов, избыток электричества в атмосфере и повышенные тона при принятии решения. Меня вполне устроила должность «зама». Причем боссом сначала я хотел видеть Бориса, но осуществленная им комбинация «Ольга вместо Натальи» изменила мое отношение к старейшему члену племени.

Прежде всего, я не в восторге от его дружбы с Наташей. Кроме того, он первым начал играть в союзы и альянсы, расколов племя на своих противников и сторонников. Можно предположить, что теперь в этой ситуации он и Наташа станут любой ценой вербовать новых союзников. А в таком деле без показушности и неискренности не обойтись. И приведет это в конечном счете к сконцентрированности на внутриплеменной борьбе, а не на выживании всей командой.

Итак, Игорь или Боря. Оба нервничают. Перед прошлым голосованием Боре, неожиданно для многих, удалась блестящая игра, но сейчас его положение хуже — пропал элемент неожиданности, люди настороже, поскольку знают, кто первым начал ловить рыбу в мутной воде. В ход идут байки из его богатого опыта путешественника. Истории нравятся всем, кроме Игоря, подвергающего сомнению каждое высказывание Бориса. Они едва не ссорятся. Игорь нагнетает обстановку, чтобы «заказать билет» вылетающему уже сегодня. Апофеозом вечера становится сожжение расчески, которую Боря нашел подле костра. Дождавшись, когда сгорит последний кусочек пластмассы, Игорь в бешенстве бежит проверять, не его ли это была расческа. Я сидел в это время в хижине, укладывая вещи.

— Ну, все! — бросает летящий на крыльях злости Игорь.

— Что такое?

— Этот... Боря меня достал! — Представить Борю, пристающего к Игорю, просто невозможно, скорее наоборот. Мне становится смешно, но только потому, что я еще не осознаю масштабов трагедии.

— Он расческу мою сжег! — рычит Игорь, выбрасывая вещи из своего рюкзака.

Поясняю: своей расческой Игорь очень дорожит и, чтобы не потерять (что случилось с ним уже не раз), привязал ее к ремню на штанах. И вот такая беда. Да за это Игорь любого бы вычеркнул! А уж своего «лучшего друга» Борю... В итоге расческу Игорь все же отыскал и успокоился, но положение Бориса от этого не улучшилось.

Масла в огонь подлило загадочное ночное происшествие. Шел затяжной дождь, к тому же бесчинствовала мошка. Костер явно желал попрощаться с Черепахами, мы — костровой Боря и я — сопротивлялись. Через три часа непрерывной борьбы мы победили. К этому времени так хотелось спать, что мы рухнули на спальные, не выжимая на себе одежды, но заснуть сразу не

смогли. У мошки ужин, на который мы, естественно, приглашены, и даже капли холодной воды перестали смывать крылатых кровопийц с наших тел. Темно. Вдруг сквозь дремоту слышу раскатистые звуки. Первая мысль — гром, вторая — храп Игоря. Третья — в кустах страшный, огромный зверь. Эта же мысль посетила и Борю. Мы одновременно вскакиваем, я кричу:

— Так, девушки в доме, никуда не двигаются!

Рука тянется к веслу, Боря хватает головню, и два почти первобытных человека идут в неизвестность на защиту племени. Глаза распахнуты, словно рыцарские забрала, ищем нечто, продолжающее неистово хрюкать неподалеку от лагеря. Боря размахивает головней, я держу весло как копьё. Мы углубляемся в лесок, двигаясь на голос неведомого зверя, но вскоре понимаем, что он не настоящий. Похрюкивания иногда прерываются потрескиванием стереофонических колонок. «Боги» преподнесли очередной сюрприз. Страх пропал, но пришел стыд. По возвращении в наш «отель» Игорь, естественно, уверяет, что он сразу понял природу звуков и поэтому не стал строить из себя охотника, как некоторые. А Сережа вообще не проснулся, пожаловавшись утром, что Игорь храпел минувшей ночью особенно громко.

Другим показательным эпизодом схватки динозавров, борющихся за симпатии племени, за право стать его единственным вожаком, стала сцена у костра, разыгравшаяся этим утром.

Игорь, как всегда, весь в делах. Он не успевает одновременно собирать дрова, мастерить солнечные часы, доделывать стол... Костер медленно угасает, а в это время Боря сидит в сторонке и спокойно взирает за перемещениями в лагере и на костер. После некоторого наблюдения за Борей я понял: сделать что-нибудь ему хочется, угасающий на его глазах костер просто взывает к действиям, но... Он не подбрасывает дрова, чтобы показать, как плохо будет без него, его помощи, как плохо Игорь выполняет свои обязанности. Костер, однако, гаснуть все не хочет. Это огорчает наблюдательного Бориса, и он гневно спрашивает, словно не знает ответа:

— Кто сегодня костровой?!

— Ну, я... — удивленно отвечает Игорь.

— А почему костер гаснет? — по-прежнему находясь в трех метрах от костра, коварно вопрошает Боря.

Игорь молча подкладывает дрова и возвращается к работе над столом.

Последовавшие вскоре события окончательно укрепляют меня в принятом решении. Дело в том, что у ситуации перед голосованием есть особенность. Человек, чувствующий тень неприязни племени к себе, имеет право и возможность уйти красиво. Те, кто это право отрицают, пытаются зубами вцепиться в уходящий поезд, что, естественно, вызывает у меня только отрицательные эмоции. Борис, чувствуя раскаты грома над своей головой, подходил к каждому, кроме Игоря, чтобы уговорить его не писать имя «Боря». Он пытался сделать это тайком, но не получилось. Остров-то один, а нас всего семеро. Мне он тоже обещал золотые горы. «Оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим королем!» Услышал от него и много гадостей в адрес Игоря и Нади, что мне понравилось еще меньше. А ведь ни Надя, ни Игорь со мной агитационно-пропагандистской работы против Бори не проводили. А когда мы по традиции обменялись мнениями с Анькой и наши оценки ситуации полностью совпали, ушли последние сомнения.

Итак, в схватке двух динозавров за право управлять племенем, как они по крайней мере считали, победил Игорь. Боря ушел, Наташа осталась одна. Вскоре всплыла некрасивая история с ее участием, приключившаяся перед первым советом. Оказывается, желая подольше задержаться на острове, она попросила Надю проголосовать против Ольги, чтобы самой остаться на острове. Взамен Наташа обещала голосовать так, как она ей прикажет. Мерзкая история дошла до моих ушей от Аньки, которой, в свою очередь, плакалась Наташа, настраивавшая всех против... Игоря и Нади по указке Бори.

Все эти коварные интриги, возня под ковром удручали. Люди все больше настраивались на съедение соплеменников и все меньше думали, как выжить всему племени в нашей экстремальной ситуации. Что касается Наташи, она объявила всем, кроме меня и Аньки, бойкот. Нас, посчитала она, Игорь и Надя просто обманули, как обманули наивного Буратино лиса Алиса и кот Базилио. Наши аргументы, что это не так, она не воспринимает. Наташа окончательно решила создать себе имидж бескомпромиссного борца за правду с ранимой

душой, честного и искреннего. А как же торг с Надей? А как же интриги против Нади и Игоря по указке Бориса? Показушность и неискренность Натальи для нас с Анькой совершенно очевидны.

Пожалуй, именно в этот день мне пришлось расстаться с некоторыми иллюзиями. Ценности, представлявшие мне важнейшими, — командный дух, взаимовыручка — начали растворяться во внутриплеменной борьбе. Мои наивные надежды на то, что на нашем острове, как в Городе Солнца, будет царить дух взаимной поддержки и уважения друг к другу, оказались несостоятельными. Но что происходит с любым социумом, когда интересы личные начинают преобладать над общественными? Начинаются интриги. Люди образуют мини-сообщества и конкурируют друг с другом, не считаясь при этом с моральными категориями.

Так все произошло и у нас. Надя стабильно с Игорем, однако они неизменно подчеркивают хорошее отношение ко мне и Ане. Мы с ней также держимся вместе, питая определенные симпатии к Наде и Игорю. Анька, пожалуй, еще хорошо относится к Сереге, но у меня с ним несколько иной опыт общения и, соответственно, иные отношения. Наташа существует обособленно. Спать она уходит на берег, с которого ее регулярно выгоняет ночной дождь, кушать предпочитает не со всеми, а чуть позже, из-за чего нередко происходят конфликты на ровном месте.

Глава 10

Буквы «ANNA» горят в ночи. Кто громче зовет о помощи? Черепашья оргия. Стратегия против тактики. Неожиданный альянс. Облако над другом.

Дабы не ввязываться в атмосферу выяснения вопросов «кто подлый?» или «кто самый обиженный?», мы с Анькой стараемся не принимать ни одну из представленных точек зрения на происходящее и по возможности чаще удаляемся из лагеря. Вечерами я помогаю Аньке посылать сигналы ее возлюбленному, находящемуся на другом острове. Сакин каждый вечер яростно размахивает огромной пылающей головней. Как только замечаем в ночи мелькающий огонек, Анька бежит на берег, чтобы ответить тем же. Так минут по двадцать. Любимые скучают, однако, друг по другу. Однажды Серега не выдержал и решил вплавь преодолеть несколько сотен метров, разделяющих наши острова. И хотя плавает он скверно и только по-собачьи, отважного пловца это не смутило. К счастью, сильное течение между островами быстро убедило его вернуться на берег, с которого он и отчалил, а то неизвестно, чем бы все закончилось. В тот же вечер Серега реализовал безумно красивую и очень трогательную идею. Он соорудил четыре огромные буквы — «ANNA», в сумерках зажег их, и берег озарился светом пламенеющего имени. Эффект был сногсшибательным. С Тортугас все было видно великолепно.

Смысл очередного конкурса заключается в том, чтобы придумать такой «убедительный» призыв о помощи, который был бы замечен даже с высоты птичьего полета, в нашем случае — с самолета. Причем приз — нам неизвестный — достанется племени, которое лучше и красочнее будет взывать о помощи. В ход идет все: спальники, спасжилеты, личные вещи, москитные сетки, ласты, банданы, пальмовые листья и прочее. Решено также разжечь большой костер и выложить на берегу веселую рожицу — смайлик. Идею, кстати, высказал я, но Наташа тут же оказалась в соавторах. Спорить не стал.

Все так увлеклись конкурсом, что забыли о завтраке. По этой причине и случилось маленькое открытие. Накануне кто-то предложил сварить рисовую кашу на кокосовом молоке. С утра мы кашу на огонь поставили, а вспомнили о ней только через два часа. Всех ждал приятный сюрприз. Вариво так разбухло, что наполнило котелок до краев! Такой вкусной каши я давно не ел. Хотя, с другой стороны, ждать два часа, пока каша дойдет до кондиции, — это для вечно голодных туземцев чересчур. После завтрака совершенствуем и дополняем наш призыв о помощи. Погода стоит чудная. Обливаясь потом, выкладываем смайлик. Наташа пристраивает к нему собственное изобретение — буквы SOS из пальмовых листьев. Кроме этого, в нашем арсенале элементы синхронного плавания. В масках и ластах мы намерены

бултыхаться в воде и изображать различные фигуры.

Увидеть, что придумали Ящерицы на своем острове, не удастся. Бинобль Игоря так запотел от большой влажности, что бесполезен. Остается ждать и гадать, что за сюрприз ждет победителей в призовом сундуке. Я бы не отказался от арбалета для охоты на птиц и зверей или от весточки из дома. Ценность этих призов для меня равновелика. Свои шансы на победу мы оцениваем высоко: трудились не покладая рук, вряд ли Ящерицы смогут нас превзойти.

А вот наконец и самолет. Игорь поджигает на берегу нос смайлика, остальные плюхаются в море, пытаясь слаженно изобразить звездочку, круг и прочее. Самолет делает круг и улетает. В ожидании проходит час. Мы с Игорем все это время стоим в ластах и масках на берегу, чтобы сразу отправиться за призом, если он будет сброшен в нашу сторону. Другие соплеменники тоже застыли в молчаливом ожидании. Наконец самолет делает круг над нашими островами и сбрасывает что-то на парашюте. Игорь, не выдержав, бросается в воду в район падения сундука. Но что-то слишком уж далеко от нас приземляется посылка с неба. Никто из нас не знал, что в ней, но все ожидали этого знака из цивилизованного мира как спасения от чего-то. Увы, конкурс проигран, сундук предназначен Лагартос. Нас с Игорем особенно огорчает упущенная возможность заполучить парашют. Им можно было бы так славно залатать нашу дырявую крышу.

Об огорчении удастся забыть благодаря вечернему карнавалу. Он был намечен еще до проигрыша, и, поскольку часть приготовлений к нему уже сделана, решено не отступать. Только Сергей и Игорь воспринимают намерение племени повеселиться скептически. Сергея все же удалось обрядить в костюме пирата, а Игорь, чтобы не бегать и прыгать, хватается за там-там, напрочь отказываясь от любого костюма дикаря. Ближе к ночи племя разбушевалось: орем какие-то немислимые песни, скачем как угорелые через пылающий костер, плюхаемся в своих импровизированных костюмах в ночное море. Черепашья оргия удалась на славу.

Ночные пляски помогли немного забыть об интригах и заговорах, но наутро нас ждет очередная схватка за тотем, дающий племени неприкосновенность. А потому каждый, кому даже в малой степени угрожает опасность исключения на очередном совете, загодя думает о способах спасения.

Особенно отчетливые тучки нависли над Наташей и Сергеем. Если первая изначально в опале, то для второго ситуация изменилась недавно: его конфликт с Игорем постепенно разрастается, дело дошло даже до угроз физической расправы. Естественно, мы ждем оборонных действий Игоря.

Перед началом эстафеты любопытно наблюдать, как Ящерицы и Черепахи приветствуют друг друга. Кто к кому и в какой последовательности подходит, как выражает радость от встречи, разнообразие жестов и мимики. Одинцов и Терещенко обнимаются, как старые боевые товарищи по спортзалу, похлопывают друг друга по могучим плечам, перекидываются общими фразами и, как всегда, удаляются в тень тропического леса, где их никто не услышит.

Эстафета предстоит сложная и длинная: метров на триста. Поскольку бегаю быстрее всех, то и вырабатываю соответствующую тактику: я помогаю соплеменникам перебираться через препятствия, обгоняю их и делаю все возможное, чтобы облегчить прохождение очередного барьера.

Уже на старте мы значительно опережаем соперников. Однако потеряли много времени, когда расширяли проход для нашего большущего Сереги. Он же медленней всех прополз по бревну, в то время как другие здесь пробежали. Огорчение ждало нас и в испытании с досками и бревнами. Ане показалось, что я падаю, она неожиданно ухватила за меня, и я действительно упал, чего до этой секунды делать совсем не собирался. Было очень обидно, ведь нам пришлось строить свой мостик на бревнах заново. Но фортуна нам улыбнулась: флаг Ящериц неожиданно упал, мы первыми пересекли финишную черту.

Победа? Победа. Но уже вечером того же дня она потеряла свой сладкий вкус. И причиной тому стали откровения Терещенко. С его слов, Ящерицы специально проиграли этот конкурс. Мало для кого из нас было секретом, что на другом острове уже сложились крепкие альянсы. В одном — Александр Целованьский, Александр Морозов, Ирина Фурман. Во втором — Сергей Одинцов, Сергей Сакин, Инна Гомес. Не примкнувшей вроде бы оставалась Снежана Князева, а потому, как объяснил Терещенко, клан Одинцова решил форсировать события:

конкурс проиграть и на ближайшем совете сожрать лидера оппозиции Морозова, пока его группа не успела окрепнуть и расшириться. Можно представить, как обрадовался Терещенко пораженческому плану Ящериц. Ведь зная о его давнем конфликте с Игорем, нетрудно оценить, сколь высоки шансы Сергея на вылет в случае нашего поражения. После разговора с Одинцовым он вышел из леса просто счастливым. Но мы-то всех этих хитросплетений не знали и бились за победу изо всех сил.

Проиграть специально, чтобы поскорее изгнать одного из тех, с кем делишь мокрый ночлег и выковыриваешь крошечные кусочки мяса из краба? Такого я не мог себе даже представить. Пока мы разрабатывали тактику, чтобы добыть победу в конкурсе, Одинцов и компания занимались стратегическим планированием. Хорошо представил себе, как огорчился нашим неудачам в эстафете Одинцов. Верный проигрыш уплывал из рук! А мы-то сочувствовали проигравшим, не подозревая, что нуждаются в этом далеко не все из них.

Сергей продолжает хвастать своей осведомленностью, постоянно возвращается к теме подстроеного проигрыша, и меня это раздражает все сильнее. Уж чья бы корова мычала! Это его мы ждали, когда он верхом на пятой точке «проходил» бревно на эстафете, для него руками рыли песок, расширяя проход, его подталкивали, чтобы он влез на стенку. Именно эта «гора мышц» была обузой на всех водных конкурсах. А теперь милейший Серега оказался умнее всех. Все молчат.

Чертовски болят ноги. Сегодня я выложился полностью, бегать пришлось больше всех. Малые объемы пищи и постоянные физические нагрузки в лагере делают свое дело и без конкурсов. К тому же из-за нервного перенапряжения перед эстафетой чувствую сейчас такую опустошенность. В этот момент я сильно смахиваю на старенькую бабушку, которая, сидя на скамеечке вечером, охотно потолковала бы с кем-нибудь о своих болячках. Но плакаться в жилетку никому не стал: зачем показывать свои слабые места? Впрочем, не я один такой «мужественный». О своих болячках на острове говорить не принято.

Итак, победа свалилась на нашу голову по прихоти конкурентов. Чтобы не слышать подробностей, ухожу спать на берег. Анька вскоре присоединяется ко мне. Сдружившиеся в последнее время Игорь и Надя лежат в «отеле». Сергей и Наташа, питавшие явную неприязнь друг к другу еще на отборе в Москве и тем более здесь, на острове, остаются беседовать о своем «о девичьем» подле костра.

Уснуть нам с Анькой не удастся, хотя вечер очень теплый. Валяемся в полубреду на пропитанных влагой кусках ткани, которые почему-то называются спальниками. Сверху на нас короткая москитная сетка. Либо лежишь комочком, и у тебя через час затекает все тело, либо при каждом шевелении мошка кусает твои обнажившиеся на секунду части тела. Настроение хреновое, ноги болят, к тому же уснуть мешает мысль, что в десяти метрах от нас происходит нечто важное. Соплеменники явно кучкуются. Но если образование пары Надя — Игорь можно было предвидеть, то союз Сереги с Наташей еще пару дней назад никто бы не предсказал. Уснуть невозможно, начинаем чат.

Первая же фраза Ани меня шокирует. Она уверена, что ее сожрут на ближайшем совете.

— Почему? — удивленно и встревоженно спрашиваю я, лишаясь остатков сна.

— А ты видел, как Надя себя ведет?

— ???

— Она меня к кухне на километр не подпускает.

С трудом вспоминаю наши тусовки на кухне, но ничего примечательного в голову не приходит.

— Я ничего не заметил.

— А я заметила, — продолжает Анька и добавляет: — А ее вранье на первом совете?

— Аня, я попробую выяснить ситуацию с твоим отчислением, — заявляю я, понятия не имея о том, как это сделать.

Глава 11

Особенности кухни Черепях. Подводные привидения. Важная находка. На острове появляется «книга жалоб». Кто вы, доктор Надя? Ночные

трагедии: похищены ноги, погибла крыша.

Черепашки просыпаются, как всегда, мокрые от дождя и медленно выползают из своего убежища, корчась от каждого движения: все затекло. Если в нормальной жизни люди перед сном раздеваются, то у нас все наоборот. Снимаем с себя влажные рубашки, штаны, носки, кроссовки. Воздух нагревается быстро, и в такой одежде становится жарко. Аня со смехом вспоминает: Серега «приставал» к ней прошедшей ночью. Дело в том, что в нашей полиэтиленовой крыше есть несколько особенно больших дырок. Оказаться под ними, а значит, оказаться и под водопадом скапливающейся на крыше воды — этого не хочется никому, поэтому приходится теснить лежащих рядом. Вот Серега и отпихивал подалеже Аню, которую держали с другой стороны Надя с Игорем.

Не хочется вспоминать о договорах, альянсах и коалициях. Люди живут в одном племени, им надо сообща распределять обязанности, готовить пищу. А сегодня все нуждаются в отдыхе. Физическая усталость сказывается все сильнее. К тому же от постоянной сырости кожа на ногах уже не похожа на человеческую, а руки больше смахивают на катушки с пластырем. Сохнуть раны не успевают, а потому гниют и воспаляются, но мы к этому уже привыкли и особенно не пугаемся.

Итак, что же происходит в лагере, а конкретнее — на нашей кухне? Надя негласный шеф-повар. Преимущественно она определяет, что приготовить, а потом вежливо просит оказавшихся рядом помочь приготовить еду повкуснее. Кстати, вежливость выгодно отличает ее от Наташи. Надя громче Ани, но тише Наташи; предлагает и готовит простые и достаточно вкусные вещи: уху, жареную рыбу, кашу и прочее. Другие девушки тоже претендовали в самом начале на должность хозяйки на кухне. Наташка обычно громко предлагала сделать нечто изысканное, что-то вроде: сначала пойманную рыбу жарить, а только потом варить, чтобы уха получилась наваристая и жирная.

Этого я никак не мог понять. Мы же не в ресторане. С едой, что у нас в наличии, не надо выпендриваться — надо быстро варить рыбу, пока она есть, делить ее и просто жрать, извиняюсь. Аня, в силу своего характера, не настаивает на своей точке зрения как единственно правильной. В то же время она всегда прекрасно знает, что готовится в данный момент, и без проблем заменит отлучившуюся Надю, чтобы довести варево до кондиции. И все же я не могу сказать, что Надя безоговорочно является хозяйкой кухни. Как я не могу претендовать на звание «главный костровой» или Игорь на титул «вожак племени». Мы все индивидуальности, и никто не позволяет собой командовать.

День действительно выдался выходным — «боги» оставили нас в покое на сутки. Надя предлагает пойти в лагуну позагорать, но хотя похожее настроение, уверен, у многих, компанию ей составить никто не спешит. У кого-то свои планы, а кто-то просто не хочет идти с Надей куда бы то ни было вместе.

С момента выигрыша подводного снаряжения лучший отдых для меня — осваивание морских глубин. Каждый раз «срывает крышу», когда видишь этот мир. Волны разбивают песок под пальмами до самых корней и утаскивают их в море. Плавающих в море пальм очень много, и издалека они напоминают затонувший пиратский корабль. Под водой в кронах этих деревьев снуют рыбки. Маленькие и огромные. У некоторых из них очень смешно располагаются плавники — стрелкой не по направлению движения рыбы, а наоборот. А это рыба-луна. У нее неслабая пасть, поэтому общаться ближе желания нет. Иногда мимо пролетает рыба-пила, которая с огромной скоростью дырявит водный мир своим носом длиной сантиметров двадцать. Ее вообще трудно застать неподвижной. Если присмотреться, можно увидеть рыбы-привидения. Эти огромные шматы белого мяса так удачно сливаются цветом с нежнейше-белым песком, что их трудно заметить. Только черные глазки выдают этих чудищ, размеры которых поражают. Иногда видно рыбешек с ладонь, смахивающих на наших карасей. Они относительно регулярно, хотя и в небольшом количестве, попадают в нашу ловушку. Мы с Игорем часто проверяем ее, чтобы забросить очередной кокос для приманки, и приблизительно раз в три дня попадаются рыбешка или даже три. Они маленькие, но очень вкусные.

После каждой подводной вылазки я приношу что-то со дна морского. Особенно великолепны огромные раковины, в которых уже никто не живет. Проплыть мимо такой

красоты невозможно. Тащим на берег и другие подводные прелести. Даже мешочек от спальника специально приторочил к плавкам, чтобы удобнее было. Благодаря нашим с Игорем усилиям в лагере уже собрана большая коллекция рапанов, кораллов, губок, звезд... Игорь увлекается еще и ботаникой, поэтому тащит в лагерь все примечательные, как ему кажется, растения. Дерево рядом с нашим «отелем» сплошь облеплено его орхидеями. Красиво. Игорь утверждает, что в России за такие растения можно получить целое состояние.

День радует палящим солнцем, что для меня гораздо приятнее дождя. Племя разбредается по острову в поисках чего-нибудь интересного. Если Надя выбрала роль шеф-повара и эдакого хранителя очага, то Наташа активно налегает на версию главного собирателя. Делать это непросто, поскольку видит она очень плохо. К тому же сначала Наташа сломала очки, а через пару дней потеряла линзы. Несмотря на зрение крота, она упорно убегает из лагеря, чтобы найти что-нибудь съедобное и услышать слова благодарности от племени. Надо отдать должное: пока были очки, она успела обследовать остров и найти некоторые съедобные плоды. Однажды она даже приволокла папайю. Незрелую, но настоящую. Правда, найти место, где она сорвала этот плод, ей позже так и не удалось.

Игорь не поленился провести следственный эксперимент и выяснил: лист, в котором она принесла плод, никак не мог принадлежать дереву папайя. Следовательно, по его версии, «Наташа стащила эту папайю из заброшенной хижины индейцев». Естественно, шутки Игоря на эту тему у Наташи успеха не имеют.

В самом начале нашего пребывания на острове она принесла также в лагерь связку бананчиков. Иначе назвать их трудно. Каждый длиной сантиметров семь, ядовито-зеленого цвета. Игорь раскритиковал эту добычу. Бананчики были очень горькими и ужасно вязали во рту. Травиться не хотелось, и они стали очередным экспонатом выставки находок племени Черепах. Позже кто-то нашел связку бананов того же цвета, но с более длинными плодами. Они отлеживались в лагере около недели, а потом начали желтеть. Горечь пропала, а после варки они даже перестали вязать. Пресные на вкус, но плотные по содержанию, они с радостью были встречены нашими желудками.

Жарко. Хочется отдохнуть от племени, я отправляюсь исследовать просторы тропического леса. Анька с Надей загорают на берегу. Поведение Игоря наиболее предсказуемо: он опять что-то мастерит, не сообщая, естественно, никому, что именно. Сергей отсыпается после вахты костровым, Наташа тоже где-то бродит по острову. Снаряжаюсь, как настоящий исследователь: веревка вместо пояса, мачете плюс мешочек от спальника, предназначенный для находок. Для начала решаю подкрепиться в уже знакомой тростниковой чаще. Длинные изогнутые стволы различных цветов, от ярко-зеленого до буро-красного, расположились неподалеку от лагеря на площади около пяти квадратных метров. После меня остается небольшая горка пережеванных кусочков тростника. Можно идти дальше, но прогулка быстро утомляет: невероятная жара вперемежку с дикой влажностью заставляет обливаться потом.

Главным результатом вылазки становится открытие на большом дереве неизвестного пока нам плода. Аккуратный зеленый шарик висит высоко, сбить его непросто. Мачете не раз свистит мимо цели, рискуя застрять в ветвях. Веревки также не хватает, чтобы зацепиться за вожденный шарик. Надо лезть на дерево. Но едва я ударил мачете по дереву, чтобы сделать ступеньки, как тут же был обрызган липким, сладковатым белым соком. Дерево буквально пропитано им. После невероятных прыжков и усилий плод я все же через полчаса сбил. Попробовав, обнаружил его явную съедобность. Бегом в лагерь!

Здесь пришлось испытать те же чувства, что и собирательнице Наталье. Игорь, заметив излишнее внимание племени к моему открытию, сразу бросает свое «секретное» занятие и заявляет: да я этот плод уже дней пять как нашел! Что тут такого? Обычное хлебное дерево.

Почему он не сообщил племени о своей находке? Почему он в свое время скрывал от нас тростниковую чашу? Ответов мы так и не получили.

Вечером, кстати, стало ясно, что именно мастерил Игорь — качели! Задумка действительно великолепная. Первое испытание на прочность конструкции проводим с привлечением Сергея. Функцию испытателя он всегда выполняет с удовольствием. Будь то проверка на прочность плота или дома. Если постройка даже массу Сергея выдержит, то нас и

подавно.

К вечеру племя стягивается к дому, где его ждет подарок от «богов». Каждый может приватно выговориться в видеокамеру, установленную неподалеку от нас в лесу. Причем обещано, что в тот же вечер цивилизация увидит и услышит посланное сообщение. Камеру предложено называть «книгой жалоб».

Первым отправляюсь на исповедь и прихожу к мысли, что название этому новшеству придумано не совсем удачное. Нам не хватает не окошка жалоб и предложений, а общения, не хватает взгляда со стороны на происходящее внутри племени. Кажется, мы все запутались. Трудно понять, кто врет, а кто говорит правду; кто лицемерит, а кто искренне восхищается тобой. Не важно, кто и когда посмотрит эту запись. Важно, что, рассказывая о волнующем тебя, осмысливаешь происходящее, замечаешь детали, многое объясняющие. А это очень полезно — разобраться в каше, что у тебя в голове.

Темнеет. Решаем наловить на ужин сиреневых чудищ — гигантских крабов. Я вызываюсь помочь Наде и Наташе, которые обычно занимаются их поимкой. На самом деле мне хочется поговорить с Надей. Ведь я обещал Ане прояснить, насколько велика для нее опасность быть исключенной на следующем совете.

Хочется понять, как намерена играть Надя дальше. Специально не дожидаясь вечно обиженной и капризничавшей Наташи, уходим к болоту, где водятся крабы покрупнее. Крабы выползут только в сумерках, поэтому садимся в мангровых зарослях, чтобы спокойно поговорить. Спросить напрямую (голосует ли Наталья по ее указанию) я не решаюсь, разговор идет за жизнь. Наконец мне надоедает ходить вокруг да около, я иду в лобовую атаку: «Как ты относишься к договорам и альянсам?» Надя недоуменно смотрит на меня, пауза затягивается, и я первым не выдерживаю ее. «Для меня это неприемлемо, мне противно, что Боря пытался делать нечто подобное, да и Сергей тоже».

Вообще, наш диалог был больше похож на допрос, но в итоге скорее я недвусмысленно обозначил свою позицию, нежели Надя. Некоторая обоюдная неискренность помешала мне сделать однозначные выводы, но все же я пришел к выводу, что Надя не способна на подковерные игры. Этим выводом я и поспешил порадовать Аню, но она осталась при своем мнении:

— Не могу доверять человеку, который заставляет другого голосовать так, как ему выгодно!

— А почему ты веришь «другому»? А может, врет Наташа, а не Надя?

Аргумент подействовал, но на короткое время.

После ухода Бори мужчинам чаще приходится дежурить у костра, сегодня мой черед. Ночью, как положено, идет дождь, который обещает стать затяжным. В лужах видны всплывающие после капель пузыри, а ветер не очень силен. Подложив в огонь три тяжелых бревна, накрываю очаг коробкой, которую всегда используем для этих целей. Ее как раз хватает, чтобы укрыть костровище от дождя. Хотя нас осталось только шестеро, на плоту мне места все равно не хватает. Чтобы не прерывать священный сон ни в чем не повинных соплеменников, ложусь с краю, но ноги не умещаются. Ни дождь, ни свисающие с плота ноги не мешают уснуть достаточно быстро.

Трудно сказать, когда я проснулся в первый раз. Часов у нас нет. Солнечные часы Игоря в это время суток бесполезны, а лунные он пока не придумал. Дождь льет не переставая, убирать коробку нет смысла. Огонек виднеется; успокоив себя этим фактом, вновь засыпаю.

Когда просыпаюсь во второй раз, решаю проверить огонь. Спина ужасно болит, оттого что долго была в неестественном положении, ноги-то свешивались. Пытаюсь встать, первое ощущение — ног нет. Я их не чувствую абсолютно. Рухнув в воду, словно сорванная ветром тряпка, сижу в озерце, а мысли бегают, как муравьи перед заходом солнца. «Где ноги?!» Племя спит, не хочется будить его столь неприятной новостью. К тому же кому могли понадобиться мои ноги ночью на необитаемом острове? Гоню дурные мысли прочь, пытаюсь встать еще раз. Встаю, делаю шаг, и вновь колени сгибаются. Терминатор, да и только. «Ну, все. Полная аста ла виста, если не хуже». Ноги затекли так, что не могу ходить. Но это полбеды. Прекрасно вижу, что коробка, которая должна защищать угли от непрекращающегося ливня, скоро сама станет небольшим угольком.

На четвереньках, словно ледокол-амфибия, выбираюсь на сушу. Шатаюсь на едва служащих мне ногах, передвигаюсь к костру, чтобы спасти такую нужную в хозяйстве вещь, как деревянная коробка. Ан нет, хорошо горит! В ход идут мокрые ноги в не менее мокрых кроссовках. Горящая коробка переворачивается, обнаруживая размер бедствия. Даже усилий дождя не хватает, чтобы погасить нашу обуглившуюся крышу для костра. Хватаю остатки ящика, поднимаю эту свечку над головой и бегу обратно к луже, где только что искал свои ноги. Со стороны, наверное, все это выглядит смешно, я бы и сам с радостью похихикал, но только не сейчас. Руки жжет. Не добежав до цели метров трех, швыряю горящее ядро вперед. Слышно «плюх!» и шипение гаснущих углей. То ли это шум ящика, то ли я опустил руки в воду.

Лишь минут через пять прихожу в себя и нахлобучиваю на костер остатки ящика. Спать не решаюсь долго, обдумывая предстоящую реакцию племени на ночное ЧП. Его итоги безрадостны — руки обожжены, коробка практически погибла, едва не потерял костер. И тут мне стало отчего-то ужасно смешно! Мокрый насквозь, в глупой желтой накидке, я стоял под дождем и хохотал так, как давно уже этого не случалось. Но делал это, вероятно, все же недостаточно громко. Племя не проснулось, оглушенное привычным шумом ночного ливня.

Утром по всему лагерю видны следы ночной трагедии. По расположению углей можно безошибочно определить почти все мои передвижения. С трепетом ожидаю праведного гнева со стороны племени, надеясь, что обойдется все же без мордобоя, хотя потеря драгоценного ящика может подтолкнуть соплеменников к противоправным действиям.

— Ну что, сжег ящик? — почти по-отцовски ласково спрашивает Игорь.

— Да, — почти краснею.

— Ну, теперь ты — наш главный костровой, — почти серьезно говорит Игорь.

Я прощен.

Глава 12

Конкурс для жестоких малолеток. Хохлатки летят на Лагартос. Кому верить? Серега впервые танцует вальс. Наташа вне себя.

Завтракаем жареными плодами хлебного дерева, которые по вкусу напоминают картошку фри. Пища богов! Чтобы добыть вождельные продукты, пришлось использовать шестиметровый шест, веревку и топор.

Вскоре на горизонте появляется дорогой гость. Сергей Бодров несет в руках какие-то палки. Выглядит интригующе. Мысль «сейчас будут бить за ящик» отпадает, когда палки оказываются при ближайшем рассмотрении копьем, духовым ружьем и смешной рогаткой. Такую рогатку можно представить в руках у жестокого малолетки из детской сказки. Стрелять из нее — только руки увечить.

Оружие выдано на день — для тренировки. Завтра конкурс, в котором понадобятся навыки охотников. Племя оживает, кружится вокруг интересных вещей, как дикари перед стеклянными бусами. Моя первая попытка бросить копье, как ни странно, удачна. Пока я безуспешно дергаю прочно застрявшее в дереве копье, соплеменники пытаются установить очередность, чтобы пострелять из духового ружья. Атмосфера накаляется: ружье — одно, желающих — много. Со стороны мы сейчас, наверно, похожи на неразумных подростков. То ли деградируем, то ли в детство впадаем.

Бодров предупредил, что у копьеметателя самая ответственная миссия, но мой первый удачный бросок всех так вдохновил, что отвертеться от самой сложной роли нереально. Копьеметателем на конкурсе быть мне. Это окончательно стало ясно после нескольких неудачных бросков Сергея. Начинаю тренироваться. Бросок — мимо. Бросок — в цель! У Игоря тоже незавидная участь. Он специализируется на стрельбе из убогой рогатки, попасть из которой чрезвычайно сложно. Продолжаю тренироваться. Бросок — мимо, бросок — в цель! Еще бросок — и наконецник ломается.

При первой же попытке починить этот охотничий инструмент я порезался, а при следующем броске копье выходит из строя окончательно. Я вне себя. Новый болезненный

порез, самая ответственная роль на завтрашнем испытании, а копья у метателя нет — СУПЕР!

...Анька загорала на берегу, когда к ней подсели Сергей с Наташей. Сергей рассказал о своем разговоре с Надей.

Н а д я: Ты, Сергей, больше Аню не обижай!

С е р г е й: Аню? Я ее ни разу не обидел!

Н а д я: А она сказала, что ты ее несколько раз обижал. И поэтому она будет голосовать против тебя на следующем совете. Ты, Сережа, еще нужен в лагере, а вот Аня — нет. Давай голосовать против Ани вместе.

С е р г е й: А как же Игорь?

Н а д я: Игорь нужен нам. Но, поверь, и его время придет. Сейчас — Аня.

Аня с грустью пересказала мне этот вечерний разговор, и сразу у меня возникла куча вопросов, а на вершине этой кучи сидел главный вопрос — кому верить? Разгадку для себя я нашел в последней фразе Сергея, обращенной к Ане: «Надо вычеркивать интриганку Надежду»!

«Интриганка Надежда» до сих пор ни разу не предлагала мне голосовать против кого-либо, а вот «благородный» Сергей отметил уже дважды, и вполне могу предположить, что он и мне расскажет какую-нибудь душещипательную историю с финальным, конкретным предложением. Анька же полностью деморализована, не понимая, кому верить. Да, она вполне может стать разменной пешкой в чужой игре. Это несправедливо. Я обещаю ей свою помощь и напоминаю о нашем уговоре — друг против друга не голосовать.

Заснул с трудом. В голове непрерывно выстраиваются цепочки, комбинации, расклады. Невозможно до конца понять, кто врет на самом деле. Знаю лишь одно: Наташе верю меньше всех. Ее новый друг Сергей сделал все, чтобы отправить домой ее старого друга Бориса, а она закрыла на это глаза. А еще раньше Сергей вычеркивал и Наталью. Непримириемые антагонисты стали друзьями не разлей вода. Так, возможно, иногда случается, но я не верю в чистоту этого союза.

В общем, до утра я так и не разобрался, кто из нас тот самый Пинокио с длинным носом, но твердо решил сделать это завтра. Рано или поздно наступит день совета, и тогда я могу потерять моего единственного друга на острове. Потерять только потому, что две силы борются друг с другом нечестными методами, отводя опасность от себя. Значит, мне надо действовать.

Мокро, холодно, ветрено. Нас везут на остров, где проводится очередной конкурс. Глаза разбегаются при виде различных тропических фруктов, разложенных в немислимом количестве по полочкам. Итак, будем бороться за витамины.

Племена вновь имеют шанс пообщаться. Но сегодня контроль строже, и как только два Сережи — Одинцов и Терещенко — удаляются в лес «пописать», следует команда «По одному!». Писать они идут по очереди, но шоу устраивают для всех. Терещенко, как драматический герой на сцене, громко заявляет в пустоту: «Вот, волки позорные, сожрут меня на следующем совете!» Эхом отдается реплика героя-любownika Одинцова: «Да ну? Вот действительно волки позорные. Ха-ха! Но придумать же что-то можно?»

Пока возникла пауза, племена шарят глазами по сторонам: не осталось ли где лишнего бананчика? Основной стеллаж с едой усиленно охраняется аргентинскими ребятами (делать им больше нечего!), они же следят за правильностью проведения нашей игры. Глаза шарят и... находят. Находят старую коробку с достаточно для нас свежими бананами. Дурному учатся быстро. Воровские навыки будто были у нас в генах, но в мирной жизни дремали. Коробка пустеет в фантастические сроки, причем мы остались незамеченными. Племена затихли, пережевываем...

Операции такого рода не всегда проходят удачно. После предыдущего конкурса однажды возникла небольшая пауза, когда врач раздавал всем пластыри. Мы заметили, что возле палатки операторов кто-то неосмотрительно оставил бутылочку колы. Медленно и грациозно 100 килограммов нашего Сереги подошли к заполненной на четверть емкости. Вокруг немерено народу, и мы делим обязанность дозорных. Надя контролирует одну сторону и, когда оттуда никто не смотрит, дает зеленый свет. То же самое делаю я — проверяю обстановку за спиной Сереги, который сам смотрит вперед. Когда три зеленых света наконец совпали, кола резко была завернута в тряпку и спрятана в шмотках. И тут из-за палатки выходят, посмеиваясь, трое

цивилизованных людей.

Но конкурс продолжается, и на третьем его этапе приходит черед копьеметателей. Одинцов и я. Одинцов, прошедший две чеченские кампании, разбирается, похоже, во всех видах оружия. В спецназе их учили метать все, что летает: от гвоздей до лопат. Первая попытка пробная: мы оба попадаем в район желтого круга. Вторая — решающая. Мое копьё приземляется в правом нижнем углу. Одинцов угодил почти в яблочко. Витамины уходят к Ящерицам, за ними же следуют призовые куры, о наличии которых мы не подозревали до самого завершения конкурса.

Проигрыш всегда противен. Особенно когда из-за тебя страдает вся команда. Конечно, Ящерицы поделились с нами фруктами, но куры, милые сердцу и желудку хохлатки, остались на Лагартосе.

Хочется биться головой о стену. Благо стен на острове нет, как, впрочем, и потолка с полами. Отхожу еще часа два. Все, кроме приунывшего Сергея, пытаются меня успокоить, но я не люблю этого. Во-первых, лучший лекарь — время, во-вторых, из-за поражений такого рода не стоит сильно расстраиваться. Просто я не умею быстро успокаиваться.

Чтобы побыть одному, ухожу к морю. Гулять ночью по берегу давно не приходилось, замечаю, что море в это время суток тоже прекрасно. В нем очень много фосфоресцирующих букашек и водорослей, волны переливаются огоньками, красками и лунными бликами.

Дуэт Наташи и Сергея продолжает удивлять взаимопониманием. Наташа учит неуклюжего Серегу танцевать вальс. Слухи о предстоящих уроках ходили давно, а сегодня идея воплощена в жизнь. Маленькая Наташа и огромный Серега танцуют. Мы с Игорем, в связи с трагической гибелью нашей крыши для костра, решили притащить огромную корягу. Ее, по идее, должно хватить дня на четыре. Тащим ее, как бурлаки на Волге. Мы уже давно не расстаемся с длинным куском веревки. Я ее ношу, к примеру, вместо пояса, функций у нее — море. Вязать дрова, лазить по деревьям, перевязывать укушенные ядовитыми тварями части тела, тащить в море ловушку для рыбы, что-то срочно привязывать и так далее. Она стала для меня своеобразным талисманом.

Коряга водружена на горку пепла. Пепел в костре соленый, что мы обнаружили случайно. Его вполне можно использовать как соль. Пакетик с солью, который нам великодушно оставил Боря, стремительно заканчивается. Ходят слухи, что Лагартос счищают с себя морскую соль и используют ее потом как пищевую. Представляю: племя перед обедом ныряет в море, потом все дружно подсыхают и счищают с себя соль в котелок с едой. Сильное зрелище!

Нас ждет испытание на тотем. После завтрака большая часть племени остается у костра. Обычная суэта, ни к чему не обязывающие разговоры. Только Сергей тягостно молчит. Затем, видимо, решив какую-то логическую задачу, негромко произносит: «Наташ, пойдем погуляем». Проходя мимо меня, предлагает и мне присоединиться. Иду следом, любопытно, что он скажет.

— За кого будешь голосовать?

Еще не решив это для себя, отвечаю:

— Не знаю. А может, мы выиграем?

— В общем, пора вычеркивать Игоря. Смотри, он совсем закомандовался. Нашел подчиненных.

— Серега, — аккуратно начинаю я, — против Игоря не буду голосовать.

— То есть ты не в сговоре?

— В каком сговоре? У нас с тобой был сговор?

— Ясно, — удрученно подытоживает Серега.

Настроение явно испорчено. Сергей мечется, словно рыба в клетке. Он может и укусить. Если честно, я его побаиваюсь. Его обещания «встретить в Москве тех, кто проголосует против него» из разряда шуток «понимай как хочешь».

Делюсь мрачными соображениями на этот счет с Аней. Она тоже не в лучшем настроении, считает себя первым кандидатом на отчисление. Но если раньше склонялась к тому, что интригует Надя, то после моего рассказа о встрече с ней не знает, кому верить.

В это время Сергей с Наташей отходят в сторону и начинают шептаться. Наклонив головы, они часто озираются, будто опасаются слезки. Ясно, что речь идет о предстоящем совете. О чем еще Сергей сейчас может думать? Надя с Игорем в этот момент никуда не уходят,

не шепчутся и не прячутся от посторонних глаз. Сравнение явно в их пользу, методы Сергея меня просто достали. Я неожиданно взрываюсь, подлетаю к Наде с Игорем и на одном дыхании выпаливаю: «Ребята, хочу, чтоб вы знали! Сергей хочет, чтобы я проголосовал против тебя, Игорь. Я не хочу ни с кем договариваться, но уж если он воду мутит, хочу создать противовес. Мы с Анькой будем голосовать против него. Вас я ни к чему не склоняю, но меня просто бесит его тактика!»

Игорь и Надя наперебой успокаивают меня, выражают согласие с изложенной мной позицией. Единственное добавление Игоря заставляет меня задуматься на секунду, но не более: «А потом Наташу! Сначала Серегу, а на следующем совете — ее».

А вот и конкурс. Суть его в том, что с помощью половинок бамбука надо перенести воду из бадьи верхней в нижнюю. Конкурс представляется не особенно интересным, но его важность от этого не меньше. Не могу объяснить почему, но соревнование проиграно нами вчистую. Такого отставания не ожидал никто.

Лагартосы радуются победе и дружно удаляются на свой остров, где их ждут пища и вода. А нас уже через три часа ждет заседание совета. За это время надо определиться с именем очередного неудачника. Черепахи разбились по парам, молча валяются на горячем песке. В воздухе напряжение, что-то должно произойти.

Первым не выдерживает Серега. Он подзывает Аню для приватной прогулки. Я настороженно наблюдаю за ними. Не надо быть крупным психологом, чтобы понять смысл происходящего. Аня почти все время молчит. Серега, активно жестикулируя, нависает над тоненькой фигурой собеседницы и говорит, говорит...

После продолжительной беседы Аня возвращается. Серега еще раз рассказал ей о нехорошем поведении Нади. Мы вновь обмениваемся имеющейся у нас информацией, но ситуация не проясняется. Пора двигаться к месту совета. По дороге племя выстраивается в цепочку. Слышу за спиной тяжелое дыхание Сергея, пытающегося нагнать меня. Вот он уже рядом. Идем молча некоторое время. Стараюсь не смотреть на него. Мое решение не окончательно, но он мне сейчас наименее симпатичен. Неожиданный вопрос Сергея ошеломляет:

— Вань, правда, что ты меня симулянтом назвал?

— Нет. С чего ты взял?

— Да вот, Надя сейчас подошла и говорит, что Ваня симулянтом тебя считает, давай его вычеркнем. Прикинь?

— Сережа, не волнуйся. Я тебя симулянтом не называл.

Далее следует уже известная мне история о якобы высказанном желании Нади голосовать против Ани. Мы идем вдоль берега, Серега продолжает рассказывать о кознях недругов. Слушать все это противно. Решение принято окончательно. Мы поднимаемся по лестнице к месту совета, где, как всегда, дымно от горящих факелов.

— Без обид, Серега?

— Конечно, — обиженно отвечает он.

По возвращении в лагерь Наташа просто вне себя. Каждый не прочь ее успокоить, но нарываться на заряженный колкостями пистолет никому не хочется. Наташа нервными рывками перемещается по лагерю, племя молча наблюдает за ней. Со стороны картина жуткая: наевшееся Сerezенькой племя переваривает остатки кровавой трапезы, а Наташа, предчувствуя скорую развязку, мечется в поисках... Чего?

Наташу можно понять. С первого же дня она почувствовала неприятие племени. Один за другим ушли ее немногочисленные друзья. И если Боря ушел, сохранив достоинство, то Сереже это сделать не удалось. Но сейчас речь не об этом. Наташка, естественно, пытается найти поддержку, друзей, но племя, с его стадным чувством, уже сомкнуло ряды. И все же первопричину конфликта надо искать в ней самой. Больше всего раздражают в ней неискренность и постоянное актерство, работа на публику. Прямо стиль жизни какой-то. Вот и сейчас она с упоением играет роль аутсайдера. Причем аутсайдера не обычного, а злого, мстительного. Членом племени Тортугас она себя более демонстративно не считает. С утра, иногда даже не завтракая, уходит гулять. Точно знаю, как с утра хочется жрать. Но ей так хочется продемонстрировать нам свое «фи», что даже голод не останавливает. Стараемся не

обращать особого внимания. Тем более, что с уходом Сергея в лагерь пришло определенное спокойствие. Вот только чувствуется, что продолжение конфликта «Наташа — племя» не за горами.

Глава 13 Мы объявляем войну пеликанам. Счастье лагартосов лежало на полметра левее. Как правильно резать помидоры. К дикарям приходит гость. Яд для Наташи.

Мы с Игорем вознамерились залезть на самую высокую пальму на острове, растущую на территории лагеря, чтобы вывесить наш флаг. Кроме романтической цели есть еще одна, причем весьма банальная. Дело в том, что на дереве устроили себе гнезда пеликаны. Так как посуду девушки моют недалеко от лагеря, там постоянно остаются мельчайшие (мелкие мы доедаем сами) остатки пищи. На запах собираются стаи мальков, их там как грязи. Естественно, там же и стаи пеликанов — тоже питаются. Но круг пока не замкнулся: мы до сих пор не поймали ни одной птицы, хотя сделать это очень хочется по многим причинам. Дело в том, что, когда племя собирается для трапезы, один из соседей на верхнем этаже совершает свой туалет. Обычно он не ошибается и бьет метко в цель. Каждый из нас уже испытал здесь чувство обкаканной Черепахи. Что мы только не делали, чтобы объяснить старожилам наверху неправильность их поведения. Кричали, размахивали руками, швыряли кокосы — бесполезно.

Огромные птицы с невероятно крепким клювом камнем падают в море, чтобы добыть себе рыбу. Кто-то говорил, что мясо у пеликанов невкусное, пропитано рыбным запахом. Проверить это нам пока не удалось. Оперение настолько крепко сплетено, что даже свинцовые пульки, выпущенные из рогатки, не пробивают эту броню. Игорь пытался ловить этих разбойников на крючок, заброшенный в море, — также тщетно. Чувство мести, помноженное на желание отведать их «невкусного» мяса, по-прежнему пылает в наших сердцах и желудках.

Перед очередным конкурсом происходит встреча племен. Одинцов ищет взглядом в наших рядах своего боевого товарища Серегу и не находит его. Все Черепахи потупили глаза. Только Наташа быстрым шагом подходит к вождю Ящериц. Видно, что она готова расплакаться на плече у Одинцова. Они обнимаются, обмениваются короткими фразами и удаляются в сторону. Вместо Терещенко другом для Одинцова в нашем племени стала теперь Наташа. Как трогательно: она принесла песенник Терещенко, чтобы отдать его Одинцову. Песенник — единственная вещь, которую он брал с собой на остров. А Одинцов из Лагартос привез гитару. Выходит, не спюются атлеты. Наталья торжественно, глядя Одинцову в глаза, передает ему размокшую книжку, словно это прах самого Терещенко. Одинцов прижимает подарок к груди. Прямо мексиканский сериал какой-то.

Итак, конкурс, этап первый. Я и Сакин бежим наперегонки к отмеченному на карте месту. Там мы должны найти следующий кусок карты. Серега мчит по берегу вдоль ручья, а я ныряю в него и хоть с трудом, но плыву. Мелковат ручей, коряги то и дело цепляются за ноги. Вскоре замечаю бутылочки с картами — синюю и красную. Сакин убежал слишком далеко, чтоб заметить цель, но что-то удерживает меня поначалу от окрика. Лишь забрав свою карту, запоздало подсказываю конкуренту, что он на неверном пути. Но наше лидерство длится недолго, Сергей Одинцов обгоняет Игоря на втором, морском этапе. В борьбу вступают девушки, и тут нам широко улыбается удача: Ящерицы ошибаются в расчетах и копают на полметра левее обозначенного на карте клада.

В откопанном сундуке — только фляжки сока «Джей севен». Наши радостные вопли сразу стихают, но тут приносят приложение к выигрышу — лукошко с мясом, специи, овощи. Теперь ликование воистину нет границ. Мы приглашаем Ящериц разделить с нами предстоящий шикарный ужин, но Бодров разрешает осчастливить только одного человека, причем даму. Черепахи единогласно выбирают гостьей Инну. Как только Бодров на секунду отворачивается, мы молниеносно передаем Сакину и Одинцову часть полученных нами специй, а главное — соль! Выглядит это не как гуманитарная помощь, а нечто само собой разумеющееся. Мы ведь не только боремся друг против друга, но и вместе выживаем.

Выигрыш любого конкурса, а тем более добытая пища, всегда вызывает суету и споры.

Сейчас ситуация усугубляется хроническим недоеданием и ответственностью. Дикари впервые ждут настоящего гостя — Инну.

После продолжительных споров о том, как и что готовить, племя в полном составе приступает к волнующему процессу. Мы с Игорем преимущественно занимаемся костром, а наши явно разгорячившиеся девушки готовят пищу. Глядя на них, невольно вспоминаешь басню про рака, шуку и лебедя.

— Наташа, порежь помидорки! — Надя, как всегда, стоит у руля.

— Ты что, не видишь? Я режу лук! — раздраженно отвечает Наташа.

— А зачем нам лук?

— Нет, ну ты что?! Как это зачем?

— Я порежу помидоры, — вмешивается миротворец Аня.

— Как ты их режешь? — гневно взрывается Надя после некоторой паузы.

— ???

— Ты режешь их вдоль, а надо поперек!

— Да? Ладно. — Анька совсем не хочет конфликта.

— Наташа! — продолжает рулить Надя. — Как ты режешь огурец? Нам так не надо.

— Как хочу, так и режу! — поднимает голову Наталья. — Меня так учили. Во всех ресторанах так режут.

Меня раздражает этот никчемный спор, и я грубо вмешиваюсь, чего обычно предпочитаю не делать: «Да какая, на хрен, разница?! Что так резать, что эдак. Мой помидор вообще не надо резать. Дай, я его так сожру. Вы что — в ресторане?» Девушки поднимают на меня глаза. После таких взглядов трех обиженных голодных поваров хочется бежать долго и не оглядываться.

Мое неожиданное выступление на какое-то время остужает страсти, но новый конфликт близок. Наташа берется поджарить лук, требует огня на вторую «конфорку»: «Ваня, сделай огонь!» Ни тебе «пожалуйста», ни намек на предстоящее «спасибо». И это далеко не в первый раз. Разведя второй костер, демонстративно отхожу в сторону, но вскоре вновь требуется моя помощь, чтобы перенести казан. Аккуратно поднимаю его, но в шлепку впивается маленькая палочка, и я неожиданно теряю равновесие. Срабатывает инстинкт спасения, но не себя, а еды.

До самого момента падения я так и не отпустил казан. Кипяток, мясо, раскаленное масло, вкусности — все оказывается на мне. Боли поначалу не чувствую, только испуг за совершенное и бешенство. Вскликаю как угорелый и вижу страшную картину: еда за земле. Матерюсь как никогда в жизни, выпуская наконец казан из рук. Повара в шоке: «Не обжегся? Быстро иди к воде!» Уже отмокая в море, чувствую, как боль впивается, словно сотни огромных пиявок. Она просто сверлит кожу, вгрызаясь даже в кости. По лицу текут слезы.

Лежать больше нет сил. Выхожу на берег и вижу, как ребята пытаются собрать еду. Хочется что-то сказать им, но не получается — зубы сцепились так, что не могу разжать. Нога опухла и меняет цвет с буро-красного на черный. Боль невероятная. Обмазываю ногу кремом из аптечки, стараясь не смотреть в сочувственные глаза сажащихся рядом соплеменников.

Подходит время важного визита с соседнего острова. Почему важного? Во-первых, не за горами объединение племен. Инна увидит и узнает о нас гораздо больше, чем мы о Лагартос. Поскольку большинство островитян продумывает свою линию поведения, и после объединения племен нетрудно предположить, что кто-то может построить свою тактику, отталкиваясь от увиденного Инной. И еще: предстоит определить, на каком острове жить объединенному племени дальше. Нам наша сфера обитания нравится. Надо, чтобы и гостя прониклась симпатией к острову Тортугас.

К моменту, когда Инка подплывает к берегу на плоту, еда уже готова и красиво разложена на столе. Выглядит все очень аппетитно. Никто ни к чему не притрагивается, хотя голод сжирает изнутри каждого. Все принарядились. Так странно: у дикарей есть нечто похожее на собственный дом, теперь они даже ждут гостя. Все как у людей.

Уже через пять минут трапезы, к которой мы приступили чинно и благородно, желудки наполнились до отказа. Съели немного, но желудки за пятнадцать дней уменьшились настолько, что им теперь многого не надо. Впрочем, в конечном счете мы слопали все подчистую. Несмотря на то что вкус лука показался чрезвычайно острым (отвыкли?), а плохо прожаренное мясо оказалось жестким, зубы впились в него так, что проблем с

пережевыванием не испытывал никто. Правда, беседа иногда смахивала на мычание солидарных друг с другом коров.

Дорогую гостью уговариваем переночевать на нашем острове. Все заранее искренне извиняются за жесткую постель, будто Инна приехала к нам с проверкой. Мы словно забыли, что она живет на Лагартос в таких же условиях, что и мы. Нет, конечно, не забыли, но все настолько истосковались по хорошим манерам, по светским беседам о высоком. Визит Инны вообще разрядил напряженность на нашем острове. Все переключили свое внимание на нее и забыли о внутриплеменных антипатиях. Я хорошо представил себе, что после объединения в лагере также воцарятся на какое-то время мир и доброжелательность, но долго такая идиллия продолжаться не сможет. Ее наверняка нарушат схватки между новыми или уже устоявшимися коалициями.

Инка не устает восхищаться лагерем, нашим обустройством быта, попутно рассказывая, как они решали похожие проблемы. Гулять пошли втроем — Инна, Наташа и я. Наташа явно повеселела, часто улыбается. Этот всплеск хорошего настроения можно понять — у нее сложилось вполне определенное отношение к нам. С умной и красивой гостьей приятно общаться еще и потому, что нужен отдых от людей, окружавших тебя так долго. Все Черепахи уже устали друг от друга. Думаю, гостье приятно пообщаться с нами по той же причине.

Ужасно хочется пить, желудок напряженно и непрерывно трудится, пытаюсь переварить огромную порцию внезапно свалившихся в него калорий и витаминов. Самое ужасное, чувство голода сохранилось, хотя протолкнуть в себя что-либо невозможно. Но глаза, как магнит, тянутся к столу. Я доедаю остатки нашего роскошного ужина.

Только заснул, разбудили чьи-то шаги. Чутье стало прямо звериным! Подошел оператор. Общаться нам, разумеется, запрещено, но он явно собирается пренебречь правилами: «Вань, у тебя аптечка далеко?» Оказывается, журналистку Таню Семкив, с которой я познакомился еще на полигоне МЧС в Ногинске, укусил скорпион. Почти с закрытыми глазами нахожу аптечку и, получив вежливый, но четкий отказ от предложенной помощи, ложусь досыпать. Позже узнал, что последствия укуса были серьезными: Таня даже теряла сознание, но ночью врач на остров добраться не смог. Уж лучше днем пусть эти гады кусают.

У Наташи сегодня день рождения, поэтому еще до рассвета началась суета. Мы с Инкой уходим в лес, чтобы нарвать огромный букет цветов. Спать хочется невероятно, но так надоело жить по расписанию природы, что радуюсь даже своему полудремотному состоянию.

Дождя ночью не было, Наталью «не смыло», как обычно, с берега в «отель». Обычно наша сегодняшняя именинница встает позже всех, поэтому у нас достаточно времени для подготовки. Дикари подкрадываются к спящей Наталье и радостно орут: «С днем рождения!» Не сказать, что все изменили нынче свое отношение к ней. Но мы хотим, чтобы она почувствовала свою значимость, чтобы этот день прошел для нее радостно. Ведем заспанную именинницу к главному подарку — к красивейшему дереву, которое нашел где-то для нее и пересадил рядом с лагерем наш труженик и изобретатель Игорь. Реакция Натальи на подарок сшибает с ног: «Вы чего, совсем, что ли?! Это же ядовитое дерево! Убить меня хотите?!» Мы настолько ошарашены, что хором пытаемся ее успокоить: «Наташ, мы не будем стрелы ядом мазать, чтоб в тебя стрелять. Наташа, ты посмотри, какое оно красивое!» Но поздно. Поток информации из области биологии льется рекой. Едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться от комизма ситуации, а вот Игорь обижен. Слов благодарности, похоже, ему не дожидаться. А вскоре Наташа вполне серьезно замечает нам, что и в подаренном нами букете есть ядовитые цветы. Полный аут! Моцарту бы такую бдительность...

Глава 14

Племя спасено, но радость эту разделяют не все. Трудное счастье рыбака. Как пахнут розы в тропиках.

Отправляемся на очередной конкурс. Высадив из лодки Аню и Наташу, мы остаемся втроем — Надя, Игорь и я. Следует некоторая пауза, и Игорь неуверенно произносит: «Вообще-то, по-хорошему, надо проигрывать этот конкурс». Я догадываюсь, к чему он клонит,

но неужели мы опустимся до этого?

— Игорь, мы не будем проигрывать специально, ладно? — отвечаю я. — Если действительно окажемся слабее, уйдет Наташа. А выиграем, она останется.

— Конечно, — подхватывает Надя. — Зачем ты, Игорь, так сразу?

— Но я же не предлагаю, а рассуждаю, — стачивает неожиданно возникший заусенец Игорь.

Конкурс интересный. Я и Одинцов должны каждый «спасти» свое племя. Забираемся в утлые, дырявые лодчонки и начинаем собирать соплеменников, привязанных к шестам, доскам и т.д. Грести очень сложно — одно неправильное движение веслом, и лодка пляшет зигзагами. Когда все уже на борту, суденышко явно собирается затонуть. Вычерпываем воду и пытаемся выйти на финишную прямую. Теперь уже все гребут руками, чтобы наш крейсер набрал максимальную скорость. В азарте не сдерживаюсь и громко ору на кого-то из сидящих сзади, кто регулярно путает правую и левую стороны.

То ли от моего ора, то ли от направленных усилий команды, но мы попадаем точно в финишные ворота, на бешеной скорости сделав невероятный вираж. Победа! С днем рождения, Наташа! «А в ответ тишина...» В это время под воду медленно уходит лодка Лагартос. То ли дыры у них в суденышке были больше наших, то ли груз поражения оказался таким тяжелым... Скорее, первое, потому что все Ящерицы дружно смеются над гибелью своего «Титаника».

Итак, мы победили. Игорь уверен, Наташу не стоило оставлять в игре, поскольку после объединения она наверняка примкнет к альянсу Одинцова, а значит, положение выходцев с Тортугас станет тяжелее. Я понимаю это, но остаюсь при своем мнении — нельзя проигрывать специально.

Какой контраст в поведении Натальи! По возвращении в лагерь мы хотим приготовить праздничный ужин в ее честь, но не тут-то было. Наташа кричит: «Мне ваша помощь не нужна! Надя, не трогай огурцы, оставь помидоры! Ты не знаешь, что я хочу сделать — готовить буду я! Уйдите все из лагеря!» Девушки обижаются и отходят на безопасное расстояние. Я остаюсь рядом с разбушевавшейся Наташей из принципа. Костер и еда общие, к тому же очевидно, что одной ей не справиться. Так оно и происходит — мясо в казане горит, у Наташи текут слезы от лука... Дело еще и в том, что после конкурса в речной, немного застоявшейся воде у Наташи резь в глазах. Она слишком долго смотрела на солнце, когда была привязана к доске.

«Ваня, что ты стоишь? Видишь, все горит! Сделай костер поменьше!» И это беззащитная, угнетенная Наташа? И все же я выполняю ее просьбу, после чего гордо удаляюсь. На прощание негромко желаю, чтобы она хоть иногда произносила волшебные слова «спасибо» и «пожалуйста» — так жить станет легче.

После ужина приходит почта для Наташи. По слухам, Одинцову в день рождения подарили огромный торт и шампанское. Мы с трепетом ожидаем чего-нибудь сладкого. Тем более, что с основным блюдом — явно неудавшимся пловом «от Наташи» — покончено. Давно отшкрябаны от стенок казана последние сгоревшие рисинки. Причем надо отдать должное мужеству и благородству Черепак: никто не выразил публично своего отношения к стряпне Наташи.

Вместо торта у почтового ящика стоит аквариум с золотой рыбкой и букет роз. Племя в некотором смятении от отсутствия сладкого, Наташа радуется рыбке, а я в восторге от букета. От роз исходит невероятной сладости аромат. Но это еще не все. Подарки для Наташи продолжают прибывать. В нашей морской ловушке сегодня невероятно богатый улов — семь (семь!) рыб, самая крупная из которых с локоть. Такого еще не было!

Всем хочется спать, но с рыбой надо что-то делать, иначе пропадет. Холодильников на остров не завезли, а в таком климате сырые рыбо- и мясопродукты портятся моментально. Варим уху, которая получается отменной, но по консистенции больше напоминает кашу с картошкой, рыбой, рисом и луком. Я вновь накидываюсь на еду. Съедаю три чашки (это моя обычная порция за весь день) и на время успокаиваюсь. После столь обильного ужина становится трудно ходить. Самое время лечь и переварить съеденное, но меня сводит с ума запах роз.

То ли из-за высокой влажности, то ли это у нас так обострились органы слуха и обоняния, но здесь все звуки и запахи передаются на огромные расстояния. Если кто-то на берегу

поливает себя реппелентом от mosкитов (толку от него, правда, мало), запах можно почувствовать даже в лагере. Кстати, благодаря нашему выдающемуся обонянию мы выяснили, кто именно закладывает почву для нас. Бамбуковый тубус еще с полдня после закладки благоухал приятным тонким ароматом, который мы позже идентифицировали как дезодорант режиссера Миши Баркана.

Спросив разрешения у Наташи, срезаю одну розу и ложусь с цветком спать. Но заснуть трудно. Грустно от воспоминаний о розах, которые я дарил моей девушке. Вообще-то она любит тюльпаны, но иногда их трудно достать, поэтому я часто приносил ей розы. Роза, что у меня в руке, пахнет превосходно. Во время дождя я спрятал ее под навес, вставив во фляжку с пресной водой. Хочется, чтобы она прожила со мной как можно дольше, до самого моего отчисления. Думать о доме и любимой гораздо приятней, чем обо всем, что здесь происходит.

Ночью вновь покидаю гамак в поисках еды. Котелок с ухой стоит по-прежнему на столе. Тихо, чтобы не будить островитян, еще раз поел. Представляю, как это выглядело. Дождлся, пока все уснут, и накинулся в ночи на незащитный общий котел, обедая голодное племя. Но сегодня еды впервые достаточно, каждый ест, сколько ему позволяет желудок и совесть. Сегодня эта парочка позволяет мне слишком много.

Глава 15

Уныние Ани. Кому быть послом? Страшновато одному среди четверых. Сладкая мякоть кокоса.

У нас выходной, а Ящерицы должны сегодня кого-то из своих слопать. Все Черепахи почему-то уверены, что это будет Целованьский. Удивительно, что он продержался так долго. Я знаком с ним еще со времен отбора в Москве и знаю, как он непрост в общении. Наташа продолжает разоблачать врагов. Пересчитала подаренные ей розы и задумалась: «Зачем же мне подарили десять роз? Странно как-то... Дерево и цветы ядовитые, а роз ровно десять. Кошмар». Услышав эти рассуждения вслух, срываюсь из лагеря на берег. Там сидит Анька. Мне не терпится рассказать ей об услышанном. Мы оба гогочем, но так, чтобы Наташа нас ни в чем не заподозрила.

Дело в том, что у католиков традиции по составлению букетов прямо противоположны нашим: для поздравлений используется четное количество цветов, а для траурных событий — нечетное. Ясно, что «боги» не сами составляли букет, а жители архипелага Бокас-дель-Торо — католики. Отсюда и недоразумение.

По возвращении в лагерь хорошее настроение портит Игорь. Его предложение «слить» предыдущий конкурс я еще не забыл, а это высказывание меня просто убивает: «Пришли другие времена, ребята. После объединения придется вычеркивать не слабых, как мы это делали раньше, а сильных!» Я возражаю ему, удивившись только, что Аня молчит. А главное, мне показалось, что перед этим монологом Надя слегка подтолкнула Игоря. Давай, мол, толкай речь!

Сидим мы с Анькой на берегу пригорюнившись. Может, не зря Наташа и Сергей утверждали, что Надя обманула нас? Может, Надя и Игорь действительно устраняют опасных для них соперников, а не тех, кто им неприятен или наименее полезен для племени? После рассказа о предложении Игоря проиграть конкурс мы с Анькой окончательно впадаем в уныние и возвращаемся в лагерь, но ненадолго. После очередной стычки с Наташей, которая уже явно ведет себя далеко не как аутсайдер, мы уходим с Аней гулять по берегу. Она рассказывает мне, что после объединения Ящерицы намерены первым делом исключить из игры Надю. Поскольку я в союзе с ней не заподозрен, мне беспокоиться не о чем, но об этом разговоре я должен молчать.

Вечером обсуждаем предстоящую встречу послов от Тортугас и Лагартос, которые должны определиться с будущим местом проживания объединенного племени. На нашем острове еды больше, а главное, он стал нашим домом, уходить из которого не хочется. Анька хочет стать послом, чтобы увидеть Сакина. Обсудив сложившуюся ситуацию, племя решает, что лучше бы послать меня, но любовь требует жертв не только от влюбленных: на встречу

отправится Анька.

С утра готовим из ста восьмидесяти граммов риса привычную кашу, но по приходу Натальи, живущей исключительно по собственному режиму, выясняется, что ей каша не по вкусу. Опять скандал в благородном семействе. Как это мы позволили себе своевольничать и приготовили кашу без Наташи? Племя в который раз в шоке, но с ней никто уже не спорит. А смеяться давно не хочется. Но и это не все. Наташа недовольна выбором посла. Проводим голосование. Четыре голоса против одного, и Анька собирается на встречу. Весь день она прихорашивается и наряжается под присмотром Нади, страдая от отсутствия зеркала.

После обеда Аня на плоту отправляется в гости к Ящерицам. Мы остаемся в лагере вчетвером. С уходом еще одного человека становится тоскливо. Странно, но когда нас было восемь, даже семеро, складывалось впечатление, что в лагере постоянно снует толпа. Надо было делать много ложек, мисок, делить пищу на большое количество частей. Так же много было мнений и предложений. Когда ушел Боря, сразу стало просторно. Не из-за того, что он занимал много места в племени, скорее наоборот. Просто когда нас осталось шестеро, мы привыкли друг к другу, узнали привычки и характер каждого. Стало заметно меньше столкновений и выяснения отношений, трудно было удивить соплеменника поступком.

Теперь, когда нас четверо, особенно странно чувствую себя я. Без Аньки скучно и как-то страшновато. Племя, прямо скажем, не пышет дружелюбием. Наташа вновь показательно уходит гулять. В лагере остаются Надя, Игорь и я. Причем первые двое явно не прочь уединиться для приватного разговора. Ухожу на берег, чтобы сменить повязку на ноге, смазать нагноившиеся порезы на руках. Их около десяти и все болезненные. Не лучше обстоит дело у Игоря. Он тоже недавно обжег ногу: наступил ночью на лопату, которой выгребал угли из костра.

Сижу на берегу и четко понимаю: поговорить сейчас абсолютно не с кем. Вот уж точно — необитаемый остров. Становится не по себе. Даже начинаю слышать звуки, которые перестал замечать за последние девятнадцать дней. Что-то стрекочет, ползает и шевелится, шумит море. «Так вот как звучит одиночество», — сказал бы поэт, окажись он на моем месте.

Мне же на своем месте неуютно. И часа не высидел. На пути в лагерь встретил Наташу, которая поначалу прошла мимо, а потом вернулась с предложением погулять. Немного шокирован, но соглашаюсь. Игорь с Надей пристально наблюдают из лагеря за нашими перемещениями, и меня это, признаться, несколько заботит. Как бы меня в чем не заподозрили...

Разговор, как ни странно, идет о вещах необязательных и потому приятных. Делимся воспоминаниями о доме, рассказываем о себе. Я хочу перевести разговор на ее взаимоотношения с племенем, но Наташа от идеи не в восторге. Уже в довольно плотной темноте обнаруживаем на земле несколько плодов пророщенного кокоса. Это очень вкусная штука. Кокосы кстати пришили в лагере. Их мякоть, похожая на сладкую вату, заставляет нас на всякий случай еще раз пошарить глазами вокруг, когда съеден последний кокос. Стыдно признаться, но факт: раскалывая кокос, я всякий раз вначале съедал около четверти его мякоти и только потом делил оставшееся на четыре части. Благо, что темно уже было.

Глава 16

Сумасшедшая семейка. Отступить — не наш метод. Ломать — не строить. Пришельцы на острове. Теперь мы — Тибуронес.

Завтрак не вдохновляет: втроем (Наташа, естественно, где-то бродит) питаться невозможно. Это уже не племя, а семейка сумасшедших получается. В Наде вновь разбушевались материнские инстинкты (в Москве у нее остался сын), и она, как обычно, выбрала жертвой меня. А я и дома повышенного родительского внимания не переношу. Надя настойчиво предлагает мне свой кусочек порции, ссылаясь на то, что не голодна.

— Вань, я тут тебе оставила.

Перед моим лицом оказывается часть ее порции.

— Надя, я ведь уже объяснял! Я не буду! Это твоя порция! — отодвигаю ее руку с едой.

— Тогда и я не буду. — Надя кладет кусочек пищи на стол возле меня.

— Черт... — отворачиваюсь, потому что смотреть на бесхозную еду больно и обидно.

В большинстве случаев я все же съедаю эту дополнительную порцию или делю ее между оставшимися за столом членами племени. Сидишь так, смотришь краем глаза на якобы бесхозный кусок, продолжая бормотать себе под нос, что ненавидишь телячьи нежности, что, вообще, негоже оставлять пищу в наших условиях, а рука сама к ней в это время тянется. Иногда даже одергивал руку или, взяв консервную банку с варевом, предлагал ее Наде и остальным, но в итоге, как правило, доедал все до конца.

Сегодня я твердо намерен обойти весь остров. Жара неимоверная. Кислорода явно не хватает, особенно когда, выбрав сложный путь (надо же преодолеть какие-нибудь трудности!), продираешься сквозь густые заросли.

Через час для меня начинается неизведанная доселе земля. Теперь придумывать трудности не надо, они на каждом шагу. Пальмы сменились лиственными деревьями, плотно прижавшимися друг к другу. Естественно, всякие мерзкие паучки не преминули этим воспользоваться. Вот где понадобилось мачете! Как матерый конкистадор, размахиваю им налево и направо, сражаясь с невидимыми пауками, их липкой паутиной. Иногда под горячую руку попадают лианы, но, видимо, слишком долго я до них добирался, они успели состариться. Даже при легком прикосновении лианы рассыпаются на куски. Земля становится все мягче, а воздух плотнее и жадным на кислород. Эх, знал бы я раньше, что две трети пути мне придется ползти по болоту.

Однажды я уже тонул в болоте. В детстве, когда был в кружке «Юных экологов», мы отправились в заповедник «Тигровая балка», что на юге Таджикистана. Знакомство с трясинной тогда прошло, с одной стороны, удачно — меня все-таки вытащили, с другой — я был первым и единственным из группы, кто умудрился залезть в болото.

Второй раз испытывать подобное острое ощущение не хочется, тем более что руководителя кружка рядом нет. Но отступать — не наш метод. Наспех сооружаю шест — и вперед. К счастью, мне не пришлось еще раз стать первым, на этот раз утонувшим. Мерзко хлюпающие кроссовки и грязные по колено штаны — не в счет. В итоге после трехчасового гулянья я вернулся в лагерь. Правда, на обратном пути старался держаться кромки моря.

По возвращении мы с Игорем разбираем все, что построили за прошедшие двадцать дней. Сказать, что жалко — ничего не сказать. Особенно обидно, наверно, Игорю, инициатору и автору большинства наших построек. Одна из главных его заслуг — всевозможные изобретения. Этот человек, ни разу не бывавший в тропиках, великолепно придумывал, как приспособлять все особенности данной местности для удобства людей. Вне конкуренции, разумеется, его качели. На них качались все, вне зависимости от принадлежности к клану. А ведь поначалу многие восприняли эту идею как неуместное чудачество.

О некоторых приспособлениях можно говорить долго. Например, подставка для зубных щеток и паст. Мелочь, но очень приятно находить свою щетку не на земле, а на полочке. Это чудо он сделал из пальмовой ветви. Теперь же все надо разобрать, потому что нам предстоит переезд на новое место жительства. Неприятно уничтожать то, что сделано нелегким трудом.

Мы хотим забрать с собой стройматериалы. Кроме этого, каждому племени разрешено выбрать пять предметов, которые оно возьмет с собой в новую жизнь.

Мы остановились на ловушке для рыбы (у Лагартос ее унесло в море раньше, чем они оценили ее важность), котелке, двух наборах для подводного плавания, лопате. Как ни прискорбно, но все выигранные в прошедших конкурсах призы — тоже вещи. А значит, ограничения касаются и их.

К обеду домой пожаловала загулявшая на совете послы Аня. Она явно довольна встречей с любимым, которая длилась почти сутки. Первый вопрос: «Тебя там покормили?» Вопрос этот принципиальный, требующий конкретного ответа. Если кормили, то чем? «А что ты съела из предложенного?» Изголодавшийся, гибкий ум островитян порождает все новые уточняющие вопросы. Тема еды по-прежнему священна и первостепенна, невзирая на степень важности происходящих в племени событий. Анька не отпирается: «Кормили. Ребята, там было все так вкусно! Я даже съесть все не смогла». Племя напряженно слушает, сглатывая слюну. Казалось бы, зачем нам подробности? Только себя изводить! Так нет же. Мы беспощадны к себе и Ане.

«А что пили?» После подробного отчета с грустью вспоминается даже та брага, которую вылили пару недель назад, пытаясь добыть алкоголь. Да, не получилось. Да, она была кислой, вонючей и неприятного цвета, но зачем же мы так... Три литра, вдребезги...

Наконец, главная новость — объединенное племя будет жить на нашем острове, но лагерь следует перенести на новое место. Еще не закончили с разборкой старого дома, как пожаловали гости, которые вскоре станут здесь такими же хозяевами, как и мы. Все занятия прочь — надо достойно встретить славных представителей Лагартос. Впрочем, племен Черепах и Ящериц больше не существует. Мы все теперь Акулы, или Тибуронес. Сразу запомнить название не удастся почти никому. До вечера путаю Тибуронес с Буротинусом.

Люди здороваются, обнимаются, словно родственники в гости приехали. В общем-то, это почти что так. Но пора вспомнить о делах. Так жарко работа еще никогда не кипела. Мы уже знаем, как быстро здесь наступает закат, а ночью возиться с вещами не хочется. Поэтому для начала все раскладывают свои небогатые пожитки, чтобы запомнить, где что лежит, пока светло.

Слухи, что Одинцов — лидер бывших Лагартос, оправдываются. Даже Игорь как-то отошел в тень. Оба что-то предлагают, но, как правило, побеждает идея Одинцова. Серега спокойно и в приятной форме излагает соображения, которые всем понятны и близки. Он не давит авторитетом, но чувствуется, что бывшие Ящерицы с удовольствием ему подчиняются. Порой кажется, возрази кто против его лидерства, он не станет настаивать. Но если по его указке работа ладится, зачем что-либо менять?

Финал

Часть вторая ДО И ПОСЛЕ КОСТРА

Глава 17

Первый конкурс Акул. «Ваня, ты уже не маленький мальчик!» Об альянсах плохих и хороших. Конец межпартийных войн.

Разумеется, первым делом строим дом. Спать под дождем не хочется. Беспорядок, как на любой стройке, жуткий. Девушки носят из леса пальмовые листья, мужики вкапывают несущие опоры и ставят на них плоты. Не завершив каркас крыши, приходится отвлечься. Сегодня Тибуронес ждет первый конкурс. Про него как-то забыли, хотя почта предупреждала.

Волнуются все. Не потому, что он особенно ответственный, просто первый. Отношение к нему, как к Новому году. «Как встретишь, так и проведешь». Теперь конкурсы индивидуальные — каждый сам за себя. Меня это устраивает. Выиграешь — молодец, вся слава тебе, проиграешь — вини только себя, растыку. Итак, сегодня надо как можно дольше продержаться под водой. В ожидании конкурса все словно съежились, защищаясь от навалившихся проблем — надо строить дом, не то спать придется без крыши над головой, да и конкурс хочется выиграть. Особенно не нравится, что раньше времени оторвали от дел. Пока здесь сидим, многое бы успели сделать. Сидим, ругаем «богов». Даже дождик не такой теплый, как обычно.

Наконец конкурс начинается. Невероятно холодно. В первый раз такая погода днем. Если обычно нам нравились конкурсы — хотелось посоревноваться, выиграть приз и прочее, то сегодня ничего не хочется.

Ветер, морозящий дождь, голод... Акулы, не уверенные в своей усидчивости под водой, просят: «Ребята, долго там не сидите, ладно?.. Холодно очень. Быстрее закончим и домой!» Складывается впечатление, что приз — защитный тотем, никому не нужен. Будто все забыли о предстоящем завтра совете.

Снежана, Игорь и я проходим во второй тур. Остальные всплыли раньше, причем Аньку выбил из числа претендентов я. Девушка она спортивная и меня хорошо знает, но такой каверзы явно не ожидала. Под водой я попытался выжать как можно больше кислорода из

легких, поэтому поднимал и опускал диафрагму, издавая при этом некоторые звуки. Тишина, подводный мир, Акулы сидят под водой, не нападая ни на кого. И вдруг одна худая Акула начинает ... Храпеть?! Анька была справа от меня. Секунд через тридцать она стала пускать пузыри, давась от смеха. Вот так, если чувство юмора хорошее, оно работает даже под водой. Но хорошо ли это для его обладателя?! Анька вскоре всплыла, чтобы просмеяться над водой основательно. Разумеется, ей мало кто поверил, что я храпел и хрюкал под водой.

Финал. Отправляясь на исходную позицию, вновь слышим вдогонку: «Только не геройствуйте, поскорее давайте — мы тут заоченели уже!» Двадцатипятиметровая лестница под водой, от которой надо отвязать шарики, мной пройдена быстрее всех. Возвращаемся к соплеменникам, загар на которых превратился из коричневого в синий. Бодров вручает мне бусы с маленькой фигуркой тотема, съемка закончена — всем спасибо. Вот когда нужно проводить соревнования на скорость: после заветных слов «всем спасибо» Акулы срываются с жердочек в воду так стремительно, будто на суше их ждет тепло и еда.

Племя ни на секунду не задерживается на берегу, бегом направляясь к лодке. Это необычно. Как правило, после каждого конкурса мы останавливались, чтобы перевести дыхание, осознать произошедшее, снять напряжение. Людям по ту сторону камеры жаль нас, но им даже разговаривать с нами запрещено. Они молча наблюдают за холодными и голодными Акулами, резво мчащимися к лодке. Наспех перевязываю ободранную ногу, хватаю выигранные бусы и догоняю племя с невероятной скоростью. Кстати, давно заметил, что в постоянном недоедании есть большой плюс: прекрасно контролируешь легкое тело и знаешь его возможности.

Часам к десяти-одиннадцати, в полной темноте, временный вариант крыши готов. Нас уже с полчаса пытаются уговорить поесть девушки. Ужин проходит в рекордный срок — минут за пять. Мы еще не привыкли сидеть вместе за одним столом. К тому же завтра совет, после которого племя уйдет вдвоем. Кто будет лишним? Для альянса во главе с Одинцовым это не вопрос — кандидатура утверждена. Как, впрочем, не секрет это уже и для Нади.

В ее глазах нет паники, она не суетится, хотя прекрасно понимает: Одинцов и его компания относятся к ней как к основному сопернику. На сцену выходит Игорь, который не хочет терять друга и союзника. Он пытается предотвратить кажущееся неизбежным, как когда-то это делал Борис. Слышны призывы к объединению, начинается обещание золотых гор и так далее. Та же схема. Игорь сообщает о своей задумке — устроить спорную ситуацию между Одинцовым и Надей. Это возможно, если Надя, Игорь, Целованьский, Наташа и я проголосуем против Одинцова. Аньку Игорь еще не сбрасывает со счетов, но просит меня поговорить с ней, на что получает категорический отказ.

Как же мне не хотелось этого делать! Почему он сам не чувствует, как неуместна, обидна для меня его просьба, ведь он знает меня лучше многих. Насколько приятнее было строить вместе с ним дом, стол, пользуясь одним топором, ловить рыбу, делить обязанности кострового... Жаль, что этот разговор состоялся и изменил мое отношение к Игорю.

Я прекрасно понимаю, что мои шансы продержаться на острове как можно дольше станут просто мизерными, если не создадим оппозицию уже имеющемуся мощному альянсу. И все же я не хочу идти на этот союз, как и не хочу обидеть Игоря прямым отказом. Он преследует меня весь вечер, не оставляя в покое ни на минуту, и я наконец применяю испытанный прежде способ.

— Игорь, если Наталью уговорите, я подумаю насчет твоего предложения проголосовать против Одинца.

В том, что Наташа никогда не пойдет на это, я уверен.

— Мне не нужно «подумаю», мне нужно сейчас!

— Хорошо, если Наташа с вами, рассчитывай и на мой голос.

Я ничем не рискую: уверенность в ненависти Натальи к Наде и Игорю крепка.

Игорь отправляется к Целованьскому. С этим человеком у него не должно быть проблем — у Саши репутация изгоя племени Лагартос, он наверняка присоединится к любому противоборствующему клану.

Возвращаться в лагерь неохота: там кипят межпартийные страсти. Направляюсь к Сакину, сидящему в одиночестве на берегу. Представляю, как он ревнует меня к Аньке. Надо его

успокоить.

— Серега, насколько я знаю, вы будете убирать Надю?

— Да, а насколько знаю я, ты не собираешься договариваться ни с кем?

— Вроде того.

— Анька лестно отзывалась о тебе.

— Спасибо. Это взаимно, я о тебе тоже слышал. Надеюсь, ты понимаешь, что мы не составляем друг другу конкуренции во всех смыслах этого слова.

— Хм. Знаешь, братец, скажу честно: я, например, отношусь к тебе осторожно, как к хорошему конкуренту в борьбе за сто штук.

— Да ладно!

— Ну, уж извини.

— Да нет, ничего. Я просто думал, что сценарий уже проработан, все соперники будут таковыми до поры до времени.

— Ну, в общем-то, да. — В последних словах Сереги чувствуется некоторая самоуверенность. Но вступать в затяжную дискуссию не хочется, хотя определенные контраргументы есть.

Подходит Анька, прощаюсь. Интересный разговор получился. Обсудить бы происходящее с умной Анькой, но отрывать влюбленных друг от друга непозволительно. Приходится обдумывать все самому, но тут натыкаюсь на Игоря с горящими глазами.

— Ну что?

— Что?

— Поговорил с Анькой?

— Игорь, я уже сказал, что даже не буду пытаться. Ты хочешь? Флаг тебе в руки.

Начинается дождь. Не хочется, но приходится укладываться в тесную избушку. Легли следующим образом: на одном плоту — Снежана, Инна, два Сереги, Анька; на другом — Игорь, Надя, Целованьский, я, Наталья. Расклад сил легко определить, если посмотреть, кто и где собирается спать. Ночью, ворочаясь в мокром спальнике, я не раз проклинал стихийно сложившееся соседство: справа Целованьский, слева Тэн. Я вообще не люблю спать в куче с другими людьми. С самого начала островной жизни стремился, по возможности, обустроить свой ночлег обособленно, а тут еще такие люди по бокам. О Наташе сказано уже достаточно, а негативное отношение к Целованьскому сложилось во время отбора в Москве.

Один из моих друзей — одессит Олег рассказал мне и Целованьскому, что у него после прививки поднялась температура. Вечером Олегу позвонили и, как бы невзначай, спросили: «Ходят слухи, что ты заболел?» Может, это и не стало решающим фактором при отборе счастливых, но мой друг в итоге на остров не попал, а мне эта история запомнилась.

Да, как же далеко теперь эта московская гостиница с теплой постелью, мягкой подушкой и сухим одеялом. Но приходится после бессонной ночи выбираться из мокрого спальника и колоть кокосы для голодного племени. Народ преимущественно пока дрыхнет, будить его стуком мачете рискованно, могут неправильно понять. Лучше поищу дрова. Ночью лишь Серега Одинцов пытался следить за костром, но когда пошел дождь, не прекращавшийся почти всю ночь, и этот борец за тепло и горячую еду сдался.

Кстати, я только вчера узнал «страшную правду». Оказывается, поддерживать огонь круглосуточно вовсе не обязательно! Мы-то берегли наши спички как зеницу ока, сэкономили. До объединения племен истратили всего пять штук из пятнадцати, полученных в качестве приза. У Ящерич спичек не было вообще, но заботились они о сохранности огня куда меньше нашего. «Боги» разрешили им пользоваться спичками или зажигалкой всякий раз, когда огонь погаснет. На наш гневный вопрос: «Почему мы не знали, что поддерживать огонь круглосуточно не обязательно?» — был получен от «богов» простой и логичный ответ: «Вы же не спрашивали».

Отправляюсь за дровами, на полпути меня догоняют Саша Целованьский с Игорем Перфильевым. Кстати, после объединения бывшие соперники называют представителей другого племени преимущественно по фамилиям.

— Ваня, давай поговорим, — начинает Саша.

— Я тебя слушаю.

— Ты уже не маленький мальчик, а взрослый человек, поэтому послушай, что скажу. Очень простая мудрость, и, я думаю, ты сам должен все понимать. — Прелюдия Саши не оставляет сомнений в его намерениях.

— Ваня, да послушай же ты. Брось ты эти дрова. Пойми, нам надо совершить очень важный шаг. — Саша пытается встать у меня на пути.

— Ребята, думаю, я тут не нужен, — роняет молчавший до этого Игорь. У него явно нет желания уговаривать меня, и он уходит.

— Саша, давай короче. Тем более, что я понимаю, о чем речь.

— Очень хорошо. Нам надо объединиться. Поверь моему опыту...

Далее следует перечисление членов известного альянса с краткой, нелицеприятной характеристикой каждого из них. Затем он называет людей, готовых якобы встать под его знамя. В их числе — Наташа Тэн.

— Вы с ней договорились?! — моему изумлению нет границ.

— Да, а ты что думал. Все здесь люди умные и давно поняли: если против тебя так борются, ты должен поступать аналогично, чтобы создать какой-то противовес.

Неожиданно со стороны лагеря показывается фигура Одинцова. Мой собеседник не терпится.

— Так, говорим о тебе, — и громко добавляет: — Ну, Ваня, где ты учишься?

Ломать комедию не хочется, но Саша настаивает:

— Давай отвечай, а то он догадается!

Это уже больше похоже на театральные курсы. Ежу понятно, что мы пошли в лес не за жизнь разговаривать. Однако «великий лицедей» продолжает о чем-то спрашивать, активно собирая при этом дрова. Серега, увидев нас, уходит в другую сторону. Дрова сброшены, разговор возвращается в прежнюю колею.

Десятиминутная песня в исполнении Целованьского о том, что я сильный, умный, молодой, достойный звания «Последний герой», неизменно завершается припевом «надо объединяться». В итоге обещаю: спорную ситуацию я вам гарантирую. Почему? Прежде всего, я практически дал Игорю слово выступить на его стороне, если он заполучит в свои ряды Наталью. И хотя я по-прежнему абсолютно не верю, что Наташа проголосует так, как этого хотят Игорь, Надя и Целованьский, свое обещание Игорю я намерен выполнить. Но что, если они обманывают, чтобы только заполучить мой голос?

Мое обещание — устроить спорную ситуацию между Одинцовым и Надей — основывалось первоначально на следующих расчетах. Если Наташа действительно проголосует так, как она якобы обещала Игорю с Целованьским, у оппозиции будет четыре голоса. Поскольку мы с Анькой давно условились не вступать в альянсы, наступит та самая спорная ситуация. Инна, два Сергея плюс Снежана против Нади, Игоря, Наташи и Целованьского. В любом случае ключевым является разговор с Аней. Если она вступит в альянс Одинцова, пусть даже на один предстоящий совет, то обещанное равенство также будет создано с помощью моего голоса. В то же время для меня ясно: чем бы ни закончился совет, в дальнейшем ничьих указаний или просьб выполнять не буду. Я только выполню в этот раз свое обещание, как бы трудно мне это ни далось. Затем намерен голосовать против тех, кто мне лично неприятен, либо исходить из других, но собственных предпосылок.

Почему-то мое отношение к альянсу Одинцова отличается от того, что я прежде думал об альянсах вообще. Они не скрывают, что являются правящей партией, и вычеркнут со временем всех, кто в ней не состоит. В правящей партии не должно быть много людей, поэтому членские билеты новым желающим они выдавать не собираются. Но когда-то все равно придется есть своих же. Это мне не нравится в любом альянсе. Как можно доверять тому, против кого позже придется бороться? В конечном счете выиграет тот, кто первым успеет договориться еще с кем-нибудь, чтобы вычеркнуть однопартийца. Что может быть противнее такой ситуации?

И все же альянс Одинцова, на мой взгляд, честный альянс, сложившийся, чтобы спасти от изгнания хорошего человека — Инну. То есть как бы на них напали первыми. Ребята объединились, поскольку это реальный способ продержаться в игре как можно дольше. Но главное, они и не скрывали своего союза, не вели подковерной борьбы, за исключением истории с Морозовым. Насколько я знаю, да и опыт общения с ними об этом говорит, позже

они всегда заблаговременно предупреждали человека о его скорой отправке в цивилизованный мир. Это мне очень нравится.

Важно и то, что я не был прежде в Лагартос и не видел, как этот альянс образовался, а это всегда является одним из самых грязных и противных этапов существования конкретного объединения. Может, поэтому альянс Одинцова мне представляется не похожим на те, что я уже видел в островной жизни. Не менее важно, что люди в этой коалиции подобрались приятные. Одинцов мне симпатичен. Надежный, крепкий мужик, который, самое главное, кажется, не может обмануть. Тем более, что ему этого и не надо. Анька и Инна — очень уравновешенные, честные люди. Наталья входит в альянс частично. Не секрет, что она — пешка, которую уберут, как только в этом возникнет необходимость.

Теперь обратимся к оппозиции: Целованьский, Надя с сомнительной репутацией (слишком много спорных ситуаций с ее участием), Игорь, преследовавший меня почти двое суток. В итоге можно сделать вывод: пришедший к власти на новом острове альянс мне симпатичнее, нежели любой другой, поскольку никто меня туда не тащит, мою независимую позицию уважают, и никто из его участников не обманывал меня.

Осталось только побеседовать с Аней, чтобы сверить наши позиции. Сакин скрепя сердце разрешает нам уединиться. Обменявшись новостями, сходимся во мнении, что Наталья обманет Игоря с Надей. Но зачем она это делает? Неужели нельзя сказать, что она присоединяется к альянсу Одинцова? Тогда оппозиция вообще не стала бы ничего предпринимать.

Жизнь в лагере замерла. Все ждут совета, который может во многом предопределить исход всей игры, кардинально изменить расклад сил. Тишина. Я и Игорь опять остаемся в домике для приватной беседы. После уже привычного вопроса о моих планах твердо отвечаю.

— Я гарантирую вам равенство голосов, это максимум, на что вы можете рассчитывать. Но я не верю, что Тэн будет голосовать по вашей указке.

— Бу-у-удет... — Игорь смеется.

— Тебе видней. Мне кажется, она вас обманет.

Заговоры заговорами, а кушать хочется всегда. Разумеется, бывшие Ящерицы пока плохо ориентируются на нашем острове. Игорь готов позаботиться о общем пропитании, но явно не собирается показывать «рыбные места». Вскоре он приносит два плода хлебного дерева, причем они гораздо вкуснее тех, что мы ели прежде. Те были твердые, со вкусом картошки. Эти плоды мягкие, при дегустации напоминают тесто для оладушек: чувствуется сахар. Оказывается, Игорь обнаружил еще одно дерево, на котором много таких зеленых шариков. Они иногда падают вниз, превращаясь на земле в размазанный кусок теста. Один такой перезревший плод просто развалился у него в руках.

— Пришлось его съесть, — словно сетуя на коварную судьбу, сообщает Игорь. Интересная формулировка вызывает у голодных соплеменников неоднозначные чувства. Как это «пришлось» съесть? Ну, просто заставили, блин, человека.

Беседа с Аней резко поднимает настроение.

— Я поговорила с двумя Серегами, — медленно начинает Аня. — В общем, если хочешь голосовать против Одинцова, твое право. Но я тогда проголосую против Нади. Они меня попросили об этом, но никто на меня не давил.

«Понятно», — мысленно загибаю пальцы, чтобы посчитать голоса двух сторон, и произношу:

— Отлично! Значит, по-прежнему придерживаемся нашего принципа: не вступать в заговоры и не голосовать друг против друга.

— Конечно. Я рассказала им, какой ты хороший. Мой Серега о тебе тоже очень хорошего мнения.

— Спасибо, Ань!

— Так против кого будешь голосовать?

— Против Целованьского! — смеясь, отвечаю я, вспоминая при этом историю в Москве.

Уф, наконец голова освободилась от тягостных мыслей о предстоящем совете. Решение принято, я не обманул никого из соплеменников. Компромисс найден.

На совете против Одинцова подали три голоса, против Нади — пять. Наташа обманула двух бывших Черепах и Целованьского. Ничего удивительного. Удивило другое: по выходе с

совета у нас с Игорем имеет место неприятный диалог.

— Ну, что? — спрашиваю его.

— Что, что... Ты ж против Нади и проголосовал, — зло цедит он мне.

Такого от Игоря я не ожидал. Значит, в Наташе он не сомневается, а я, по его мнению, сдвuruшничал.

— Нет уж, — хватаю его за рукав, — со своими кадрами разберись. Я свои обещания выполняю.

В моих словах злость и обида. Стоило так терзаться, чтобы потом доказывать, что ты не верблюд. Игорь молчит, потом идет к Наташе. Та прячет глаза, но тихой беседы не получается. Слышны громкие, раздраженные до предела реплики:

— Игорь, я как хочу, так и голосую!

— Тебя же следующую съедят, дура, как ты не понимаешь?!

Фитиль догорает, бомба готова взорваться, но сторонам хватает разума отойти друг от друга, чтобы избежать криминальной разборки.

Борьба альянсов закончена. Теперь нет противоборства. Есть изгои, аутсайдеры (модное на острове слово), и правящая группировка. Обидно, что сценарий последующих уходов легко предугадать, он продуман правящей партией основательно. Не секрет, что дружные ряды альянса будут редеть только после ухода всех беспартийных. Но уж лучше так, чем бороться против партийцев такими же или худшими методами. Игорь уверен, что он следующий. Затем, видимо, уйду я или Целованьский. И только потом — Наташа Тэн. Игорь предрекает мне чуть более долгую жизнь в племени, полагая, что вслед за ним уйдет Наташа. Разница не слишком большая, думать о грустном пока не хочется.

Глава 18

Бенефис Саши Целованьского, мудрого и меткого.

Кто есть кто в племени Акул? Игорь складывает рюкзак. Русские песни на Карибах.

Сразу после совета нас ждет испытание, оно мне, честно говоря, не по душе. Вопросы, которые безжалостно задает Бодров, явно не рассчитаны на среднестатистического островитянина. Они настолько сложны, что я зачастую отвечаю наугад. Иногда везет, отвечаешь правильно, иногда подсматриваешь правильный ответ у соплеменника. Думаю, на это и рассчитано испытание. Кто кому больше верит или кто не считает зазорным вовремя подглядеть ответ у соседа. Александр Целованьский играет блестяще, он уверенно выходит в финал. Наташа Тэн, подсматривавшая у него ответы, составляет ему компанию, но обойти лидера для нее, естественно, нереально. Побеждает действительно умнейший.

И тут наступает самый веселый момент. Оказывается, помимо приза-сюрприза, который будет вручен почему-то позже, победитель получает двойной иммунитет. То есть на двух очередных советах голосовать против Саши нельзя. Казалось бы, о чем еще мечтать?! Но фокус в том, что он еще до объединения просил соплеменников отправить его домой поскорее. Мы фыркаем от смеха, пока Бодров объясняет победителю, какое счастье на него свалилось. Тот встречает слова Бодрова со странной улыбкой на устах. Придется альянсу скорректировать план поедания соплеменников.

Одинцов то и дело уходит вместе с Инной в кусты пошептать. Зачем лидеры партии так часто уединяются? Понять это никому не под силу. Игорь утверждает, что Инна — серый кардинал, она дергает за веревочки.

Сакин полностью сконцентрировался на Аньке. Они, похоже, больше всех получают удовольствия от пребывания на острове. В то же время не могу поверить, что Серега не продумывает личную тактику, всецело полагаясь на Одинцова с Инной. Анька, кстати, не раз говорила мне, что он побаивается Одинца. Якобы тот очень хитрый и может обмануть Сакина. Зачем тогда вообще объединяться? Когда-то все равно придется воевать друг с другом.

Снежана остается для меня загадкой. Я плохо ее знаю, поскольку на отборе мы практически не общались. Снежана чаще других разговаривает с Инной, но это общение как-то

проходит незаметно. Она кажется мне замкнутой, а потому опасной.

Остаток дня посвящен улучшению быта. Одинцов стругает кокосы, чтобы сделать из них плоски, и у него это отлично получается. Мои успехи в этом деле гораздо скромнее. Инна проявляет удивительную для меня активность. Она постоянно работает. Причем не только моет посуду или подметает, как было принято у женщин на Тортугас, но и пытается то и дело перемещать тяжелые предметы: бревна, сундуки, ящики. Конечно, ей бывает нужна помощь, и она запросто обращается ко мне. Мне такие отношения очень импонируют. Игорь, прекрасно понимая, что его черед на вылет следующий (если он не победит в конкурсе), рук не опускает, как делал это Боря. Его вклад в обустройство быта, как всегда, велик. И что для меня еще важнее, он никак не показывает, что при ином моем поведении все могло сложиться по-другому.

Наталья постоянно крутится вблизи Инны и Одинцова. Те явно больше заняты собой, но не заметить ее невозможно. Выглядит это противно, но смешно. Оценки, которые дает ей Сакин, лучше не повторять.

Сегодня надо обязательно довести до ума крышу. В нашем распоряжении есть парашют, который, по моему мнению, должен защитить нас от дождя на сто процентов, но Сереги его пока не достают. При этом оба не раз заявляли, что у них правила бал демократия, а на Тортугас царила до их прихода диктатура, которую порушили именно они — отважные Ящерицы. Сколько мы с Игорем ни пытаемся их переубедить — все тщетно. Поэтому и не открываем мокрый сундук с медленно гниющим парашютом.

Вечером в племени царит необычайно спокойная атмосфера. Оппозиции ничего другого не осталось, как смириться с поражением, а альянс чувствует себя комфортно. Вновь зазвучала гитара Одинцова. Сейчас эта вещь нужна даже больше, чем бинокль Игоря.

Одинцов, Инка и Наташа хорошо играют на гитаре, вновь пригодился песенник Терещенко, а Снежана, оказывается, настоящая певица. Не мудрено, что она с такими легкими долго просидела под водой во время первого конкурса Акул. Сильный голос Снежаны звучит в темноте лучше и громче, чем у остальных участников хора. Наташа ведет себя куда более раскованно, чем прежде. Она не поет больше песенку «Аутсайдер», а исполняет что-то из репертуара Виктора Цоя. Получается неплохо. Племя у костра, все, как в старые времена.

Как только над островом зазвучали песни, стало легче. Будто не играем в жестокую игру на выживание, а собрались всем классом на шашлыки. Весело ощущать контраст отношений. Только Игорю недолго оставаться со всеми. Это понятно. Ведь завтра конкурс, и ему, скорее всего, придется уйти. Потом наступит черед других. Но все это будет потом.

Утром Игорь вновь приносит плоды хлебного дерева, а после завтрака предлагает мне прогуляться. Говорит в основном он. Игорь рассуждает об игре, о предстоящем совете, философствует. Чувствуется, он не озлоблен, хотя участь его предрешена. В конце беседы он с горечью говорит: «И все же, Вань, ты напрасно не присоединился к нам. У тебя был бы очень хороший шанс выиграть. Просто ты еще молод. Поймешь все позже».

По дороге встречаем часть альянса — Инну, Серегу и Наташу. Тэн водила новых хозяев по острову, чтобы показать его достопримечательности и найти что-нибудь съедобное. Цель достигнута: связка бананов, два странных гладких фрукта больших размеров, плоды хлебного дерева. При встрече возникает неловкая пауза, соплеменники напряженно молчат. Дабы сгладить обстановку, обсуждаем найденные плоды.

Целованьского вообще не видно. Его пришлось поискать, прежде чем отправились на конкурс. Оказывается, он собирал ракушки. У него под плотом лежит огромный мешок, набитый гигантскими белыми раковинами — подарки жене и детям.

Сразу после выигранного им вчера конкурса он заявил: «Я знаю, какой будет награда! Оксану привезут сюда». Оксана — жена Саши. Смелое предположение вызвало, естественно, шутки двух Сергеев. Саша в очередной раз обиделся.

Приз сегодняшнего конкурса — нам предстоит стрелять из лука — снова неизвестен. Апофеозом становится соло Целованьского, который стреляет как бог, отпуская при этом шутки, и побеждает с явным преимуществом. Хуже всех пошло дело у Аньки, что огорчило ее и Сакина донельзя. «Скоро комплекс неполноценности разовьется...» — обиженно бурчит Аня, прислонившись к Сакину.

Далее начинается аукцион. На доллары, что мы выиграли в ходе конкурса, предстоит сделать разного рода покупки. Как только племя узнало, что за лоты нужно бороться, решили не торговаться, а методично скупать предложенное, чтобы потом съесть и выпить добытое всем племенем.

Запахло цивилизацией и товарно-денежными отношениями. Даже не запахло, а завоняло. Хочется избавиться от зеленых бумажек, чтобы они не стали яблоком раздора. Даже шутим, что оставшиеся купюры используем для разведения костра.

Самым ценным призом оказалась бутылка рома. Кроме Инны и Снежаны, все тут же напились. Никогда бы не подумал, что, глотнув рома и сделав всего одну затяжку сигарой, почувствую такую эйфорию. Но еще перед этим Акулы блеснули гуманностью, не пожалев самую большую сумму денег на покупку Целованьскому новости из дома. Выбор дался непросто, на потраченные деньги можно было купить торт для всего племени, но игра стоила свеч. Саше сообщили, что он вскоре еще раз станет отцом.

Второй вечер в племени царят взаимопонимание, терпение, доброта. Целованьский извиняется, все улыбаются, желают соплеменникам добра, причем никто не сомневается в искренности слов. Настроение невероятно романтическое. Жаль, спиртного маловато. Кто-то предлагает устроить посиделки на берегу у костра. Переносу несколько пылающих головней на берег, где вскоре образуется новый очаг. Благодаря ветру с моря костер быстро и ярко горит. Наплевать на дрова, завтра найдем еще. Надо наслаждаться безоблачными минутами. Ко мне присоединяются Целованьский с Игорем. Они философствуют о жизни, любви.

Я предпочел бы остаться наедине с костром. Разумеется, думаю о моей девушке. Сейчас в России утро. Народ валяется в мягких постелях, ударяет орущий будильник по башке и медленно просыпается. Может, она почувствует, что я думаю о ней? Может, она волнуется за меня... Прекрасный вечер получился. Грустный, но прекрасный. Костер на берегу догорает в одиночестве, племя засыпает в доме.

Глава 19

Сакины работают в одну корзину. Ремонт крыши. «Я веду двойную игру, и это нормально». Три корочки хлеба. Звонок домой. С Инной лучше не ссориться!

Послание «богов» предлагает нам в предстоящем испытании «поймать удачу за хвост». Сакин сразу выдвигает версию о ловле рыбы и иных водных обитателей и оказывается прав. Нам предлагают надеть защитные перчатки и обуться: рыбы бывают всякие. Но обитатели вольера оказались существами мирными. По крайней мере пираний мы там не встретили. Рыбы играют с нами в догонялки, дергающиеся от страха лангусты предпочитают прятаться по углам. Но руки многие из нас все же умудрились порезать. Кто о решетку заграждения, кто об острые шипы лангустов.

Никто не сомневался, что Сакины будут работать в одну корзину и победить их будет трудно. Так и получилось. Мне не удалось выловить большую рыбку с огромными глазами, метавшуюся в мутной воде, зато ухватил несколько маленьких особей. Снежана однажды поймала гигантскую рыбу, но мне пришлось ее разочаровать. Ее «улов» оказался моей ногой. Интересно, акулы едят друг друга?

Догадавшись о призе за испытание, организованно, но незаметно перекидываем рыбу из своих корзинок в Анькину. Предположение оказалось верным: ее награждают корзинкой с уловом. Вечером нас ждет потрясающий ужин. Морская рыба невероятно вкусна. Еды до отвала, можно и лясы поточить у костра. Но мирное течение вечера нарушает пара Саша — Наташа, взявшаяся выяснять отношения. Чем ей Целованьский насолил, не знает никто. Скорей всего тем, что находится в оппозиции к столь милым ее сердцу Инне и Одинцову. Очень скоро тихая размеренная беседа перестает быть таковой, даже в домике можно услышать каждую реплику. Наташа не дает Целованьскому вставить ни слова.

«Да, я признаю, что играю. Да, я веду двойную игру, но мы здесь и собрались для того, чтобы играть. Это нормально».

Вот так сюрприз. А всех Черепах, кроме Бориса и Сергея, она когда-то в этом подозревала и упрекала, прикидываясь при этом невинной овечкой.

Утром следующего дня Игорь складывает вещи. Спокойно, не устраивая сцен и разборок. Он хочет унести с собой часть найденного на острове, поэтому багаж получается большим. На совете с удовольствием голосую против Наташи, но уходит, конечно, Игорь. Уходит красиво, как не уходил еще никто. На прощание берет автографы у остающихся, напутствует каждого из нас.

Сразу после совета наступает тягостное молчание, гнетущая атмосфера царит и позже в лагере. Только Наташа не может скрыть радости от ухода Игоря. Остальные стараются вообще не разговаривать, словно раскаиваются в содеянном. Целованьский демонстративно уходит из лагеря. Несколько позже исчезают и лидеры альянса.

Сакин все лелеет мечту построить отдельный домик для себя и Аньки. Он уже возвел маленький каркас на берегу, сейчас вешает спальники. Я бы посоветовал выбрать другое, не менее романтическое, но не такое шумное место для вигвама, но по Сереге видно, что в консультациях он не нуждается.

Ближе к вечеру племя вновь одарено «богами». Нам выдали заказанную недели две назад литературу, причем Черепахи и Ящерицы могли выбрать только по одной книге. Мы попросили что-нибудь из произведений Зоценко, а Лагартос заполучили Большую советскую энциклопедию. Зоценко явно по вкусу Аньке с Сакиным, а за энциклопедию борются Инка с Целованьским. Хочется верить, что эти книги не постигнет участь русско-испанского словаря, который два Сергея пустили на самокрутки.

Курение двух друзей — настоящий ритуал. Какая-нибудь сушеная, мало-мальски смахивающая на табак дрянь высыпается на очередную страничку, потом просушивается, заворачивается, и папироса готова к употреблению. Время от времени один из Сергеев многозначительно подмигивает другому. Тот без лишних слов достает откуда-то папироску, подмигнувший идет за угольком из костра, потом оба направляются в домик. Ничто не может прервать эту церемонию. Даже если случится пожар, или землетрясение, или другое стихийное бедствие, не думаю, что им удастся прервать это священнодействие. Молчаливых и суровых за этим занятием Серег лучше в это время не трогать. Минут на пять они полностью выпадают из наших реалий.

В лагере никого, кроме меня и Наташи. Общество не из приятных, тем более что она не устает напевать что-то о веселом настроении. Пойти погулять? Не хочется наткнуться на заседающих господ из альянса. Решаю отвлечься на благоустройство лагеря. Не бог весть что, но все-таки занятие.

Утром подглядываю за Инной. Она, как обычно, встает тихонько раньше других, приводит себя в порядок и идет мыть посуду, оставленную под дождем. Проходя мимо пальмы, она достает из миски оба ножа, ставит котелок и запросто метает в дерево острые клинки. Они с легким свистом четко втыкаются в пальму на высоте человеческого роста! Да-а, ссориться с красавицей Инной мне и раньше никогда не хотелось, а сейчас тем более. Прикинусь-ка я спящим, вдруг у нее с утра плохое настроение.

После завтрака убираем мусор, накопившийся в лагере за последние дня два. Тем более, что мерзкие крылатые крикуны окончательно распоясались, все чаще заглядывают, не спросясь, к нам в гости. Раньше на Тортугас за порядком следили Игорь с Надей и такого бардака у нас не было. Причем мизансцена обычно выглядела так.

— Почему в лагере так грязно? — по-хозяйски вопрошает Игорь в пустоту. И, как правило, Надя тут же откликается ударным трудом на зов начальника гарнизона, изначально полагавшего, что не мужское это дело.

Сегодняшний конкурс сильно смахивает на условия всей нашей игры на острове. Чтобы победить в «го», именно так называется эта древняя игра, надо как можно дольше оставаться на поле. Кому некуда больше ходить, — возвращаться на уже отыгранные клетки нельзя, — тот выбывает. Очень актуальное для наших условий упражнение. Для победы проще всего объединиться с соседом, чтобы воевать не друг против друга, а получить преимущество перед соперниками. В сегодняшней игре никто открыто не объединяется, но волей судьбы последними остаются Одинцов со Снежаной. Джентльмен уступает право победить леди.

Приз на выбор: лишить кого-то голоса на следующем совете либо поесть с одним из соплеменников в лесу шашлыки. Снежана выбирает в спутники Одинцова, они удаляются.

Вшестером добираемся домой. Странно, но у Тибуронес обеда в дневном распорядке нет. Только завтрак и ужин. Порции, правда, несколько больше, но в итоге съедается столько же.

Самое время заняться ремонтом крыши, а для этого нам нужен парашют, стропы которого предстоит распутать. Паутина сплетена крепко, мне вызывается помочь Инка. Я все еще испытываю некоторую робость в общении с ней. Не хотелось бы, чтобы Одинцов заподозрил ее в излишней симпатии ко мне. Инна предпочитает преимущественно слушать человека. Поэтому беседа поначалу проходит односложно. Но чем дальше, тем быстрее раскручивается наш разговор, вскоре скованность исчезает, мы болтаем, как давние знакомые.

Вскоре Сакин, заметив мою инициативу, спешно присоединяется. Ему тоже хочется быть причастным к такому важному делу. Инна в очередной раз проявляет деликатность и отходит в сторону: для троих здесь работы маловато.

Часа через два тряпка превращается в настоящий парашют, теперь для его установки нам нужно больше помощников. Я уже заготовил ровный крепкий шест длиной метров шесть, который мы вкопаем в заранее определенное место. Накладываем ткань на самую верхушку шеста, поднимаем его. В ход снова идут скорлупки кокоса. Самую большую из них используем как наперсток для шеста, чтобы он мог свободно вращаться вокруг своей оси, пока его не закрепим. Другими скорлупками укрепляем шест в яме. Сколько же у кокосов сфер применения?! Конструкция получается крепкая. Остается растянуть лапы этого осьминога по лагерю, чтобы он не улетел от ветра, который в последнее время становится все сильнее. Для этого задействовали практически все стропы, а значит, и все пальмы вблизи нас. Крыша получилась великолепная, только с одного края она закрывает плот все же недостаточно.

В очередной раз убеждаюсь в пользе совместного труда. За работой забываешь об альянсах, борьбе, интригах, вранье. А когда люди вместе работают, невольно становятся ближе. Вот и сегодня мы сделали большие шаги навстречу друг другу. Инна, Сакин и я.

Вскоре в лагере с песней появляются Одинцов со Снежаной. Чувствуется, они провели время не зря. С Одинцова градом льет пот, хотя сегодня не очень жарко, к тому же лица веселых соплеменников имеют странный красный цвет, а глаза блуждают. Но не это главное. Главное, в руках у загулявшей пары бутылка вина и поднос с луком, мясом, уксусом и тремя корочками ХЛЕБА! Аромат еды разносится по лагерю. Племя уминает принесенные дары в таком темпе, будто их вскоре могут отнять. К счастью, вовремя спохватились и вспомнили о Целованьском, оставив и ему часть калорий с барского стола. Лицо Одинцова из красного становится бордовым. «Ладно, — говорит он, — пойду полежу чуток, а то, кажется, мне нехорошо. Нахлобучился, черт». Вот это да, Серега пьяный!

Вечером строительный дуэт Сакин — Любименко продолжает свою деятельность. Мы хотим убрать из-под навеса один из плотов и развесить на его месте несколько гамаков. На них намерены устроиться Сакин и Аня (идея с отдельным домиком, по сути, провалилась), а на третий гамак очень хочется лечь мне. Предпочитаю спать один в своем коконе, а не на плоту со всеми, где трудно определить границы личного пространства. Надвигающиеся сумерки торопят. Сакин сетует на свои проблемы с техническим мышлением и предоставляет мне почетное право завершить установку гамаков. Я, разумеется, «польщен», приходится доделывать все одному. Сразу после ужина молодые укладываются в свои висячие кровати, остальные болтают, сидя у костра. Неожиданно раздается страшный треск, глухой звук падающего тела и голос Сакина.

— Ваня! — кричит он.

Все остальное на бумаге обычно не пишут. Главное, он собирается сделать что-то с моим лицом. Оказывается, как только Аня и Сергей устроились в гамаках, те упали на землю вместе с ними. Сакин, естественно, заподозрил диверсию и энергично выразил свой протест. Момент неприятный, молча иду разбираться. Как выяснилось, причиной падения стало гнилое изнутри бревно, к которому привязаны гамаки. Оно сломалось аккуратнo пополам. Аня, отчитав Сергея за скверные манеры, со стоном идет к костру. Мы с Сакиным выясняем отношения.

— Серега, мы же с тобой вдвоем висели на нем, гамак выдержал, — холодно обращаюсь я к Сереге.

- Братец, извини, что так получилось. Сболтнул лишнего.
- Если я обещаю что-то сделать, делаю на совесть.
- Я понял, извини.

После этого трогательного диалога Сакин прилюдно извиняется также за мат перед дамами. Инцидент исчерпан, драки и иных зрелищ не будет.

Гамак я все-таки в свое распоряжение заполучил. Правда, не тряпичный, как у Сакиных, а сетчатый, гораздо менее удобный. В нем ужасно устает спина, но я готов потерпеть, чтобы только не спать всем колхозом на плоту. Заснул очень поздно.

Ночью идет дождик, который проверяет прочность новой крыши. Непривычно, но в домике почти не капает. Профильтрованная морось, летящая с купола, куда лучше крупных холодных капель, падающих за шиворот.

Утром решаем первым делом перенести костер с его привычного места под новый навес. Делаем это, прежде всего, из-за ужасного смрада вокруг костра. Это пеликаны за долгое время приновились сбрасывать свои «бомбы» на кухню в момент, когда племя трапезничает. Одежда уже у многих в крупный горошек. Этим утром птицы вновь вышли точно на цель, после чего непривыкшие к такому хамству выходцы с Лагартос предложили перенести костровище. Нас, Черепах, ситуация, конечно, тоже не устраивала. Но, видимо, толстый панцирь уже притупил ощущения.

В почтовом ящике неожиданно находим мобильник. Когда пару дней назад Сакин рассказывал, что в американской версии Survivor'a (аналог «Последнего героя») разыгрывали приз — звонок домой, я был единственным, кто усомнился в его ценности. Лучше совсем не звонить, чем общаться всего чуть-чуть. Услышать родной голос, конечно, приятно, но стоит ли вообще звонить домой, реветь от счастья, чтобы потом еще тяжелей переживать разлуку? И еще вопрос: кому звонить — девушке или родителям? Но философствовал я несколько дней назад, сейчас рвусь, как и другие, занять очередь к телефону.

На всех дали пятнадцать минут. Поделив их на восьмерых, начинаем звонить. Хотя это дело личное, где-то даже интимное, никто не уходит, словно звоним одному человеку, по которому соскучились. Все испытывают схожие чувства, поэтому нам представляется абсолютно нормальным говорить при соплеменниках. Да и разговор проходит по схожему сценарию:

- Привет!
- Привет!
- Как дела?
- Нормально. Как у тебя там, на острове? Выживаете?
- Ага! У вас как?
- Все нормально.
- Ну, ладно, времени мало.
- Как вы там?
- Все нормально!
- Тут все за тебя болеют! Сколько вас осталось?
- Восемь! Все, время заканчивается, пока!

Можно представить лица родных после такого скоротечного обмена новостями. Они ведь наверняка настроились на обстоятельный разговор. Но главное не содержание состоявшегося диалога цивилизаций, а сам его факт. Захлестывают эмоции, причем настолько сильно, что, передав трубку соплеменнику, словно заново попадаешь на остров, крепко ударяешься при этом и с изумлением рассматриваешь сидящих вокруг тебя людей. Медленно осознавая случившееся, сравнимое разве что с путешествием во времени, постепенно замечаешь недорубленный тобой кокос. Он никуда не делся, его надо дорубить. А значит, надо признать, что ты существуешь именно здесь, а сном был этот короткий звонок.

Наиболее важной была короткая телефонная связь для Ани с Серегой и Целованьского. Первые просили у мамы Ани благословения на свадьбу, которую они намерены сыграть на острове, и получили его. По словам Аньки, это было непросто. Ее мама не привыкла к таким вопросам по телефону. Саша звонил домой, чтобы проверить свою догадку. Он по-прежнему убежден, что призом за победу в интеллектуальном конкурсе станет визит на остров его жены.

Оксаны дома не оказалось, значит, она уже в пути. Целованьский светится от предчувствия счастья.

Глава 20

Аутсайдер становится конкурентом. Еще один тотем. Бессонница. Момент истины для Александра Целованьского. Неожиданный уход Снежаны.

После звонков домой в лагере поначалу воцаряется хорошее настроение. Важнее даже не факт краткосрочной связи с родными, а то, что все испытали схожее чувство. Племя берется за работу. Вскоре усилиями добровольцев построен новый очаг под навесом, или, как его назвал Сакин, патио. Там гораздо чище, чем на прежнем месте, да и уютнее, все-таки под навесом.

Через час после разговора с домом нас ждет серьезное испытание. Для меня-то оно точно обещает быть серьезным, поскольку ясно ощущаю: племя уделяет мне меньше внимания, чем обычно. Это верный признак, что я кандидат на отчисление. Думать об этом не хочется, потому что на душе становится гадко: будто про тебя забыли или настойчиво стараются забыть. Правильность моих предположений невольно подтверждает Саша. Он вполголоса говорит, что мне пора задуматься о собственной шкуре. Пришло время, когда могут убрать за излишне развитую способность выигрывать конкурсы и получать тотемы. Я становлюсь для альянса серьезным, а значит, и опасным конкурентом.

В испытании надо удержать равновесие и первым прийти к финишу, передвигаясь по узкой доске. На каждом промежуточном финише двое отставших выбывают из гонки, приз в которой невозможно переоценить: защита от исключения на очередном совете. Никогда не отличался хорошим чувством равновесия. Скорее наоборот, не раз падал на ровном месте. Но «боги», придумавшие этот конкурс, со мной посоветоваться забыли.

На первых этапах чувствую себя на фоне более слабых соперников прекрасно. Выбывают Снежана, Тэн и Саша с Аней. На третьем этапе, столкнувшись с настигшей меня Инной, неожиданно падаю. «Все пропало!» — краснею от досады, но Инна кротко заявляет: «Это я виновата». Я тоже считаю Инну виноватой в столкновении, но ее добровольное признание — приятная неожиданность. В финале остаемся мы с Одинцовым. «На старт, — Бодров медленно поднимает руку, — внимание...» Нервы напряжены до предела. Бодров сначала чуть дергает рукой и лишь через долю секунды командует: «ПОШЛИ!» Одинцов стартует не по последней реплике, а реагируя на неуправляемое движение руки Бодрова.

Он понимает, что допустил фальстарт, и, сделав один шаг, немного притормаживает. Но дело сделано, дальнейший путь к финишу пролегает только по одной доске, а я уже позади Одинцова, отставая от него всего на шаг. Наверстать упущенное можно лишь теоретически: не прыгать же мне через Серегу. Но тут нервы подводят моего разгоряченного близкой победой соперника, который в принципе мог пешком добраться до финиша. Серега падает, цепляясь в последнюю секунду за шаткую жердочку. Мне нужно только увернуться от него и устоять на ногах. ПОБЕДА! Сегодня из племени уйдет кто-то другой.

Вечером ностальгия, многократно усиленная голосами родных, накатывает с новой силой. Пишем названия родных городов на табличках, сделанных Одинцовым из веток пальм. Скорее всего, он и придумал этот способ выражения чувств, но, в силу своего характера, этого не афиширует. А идея великолепна! Карябаю на табличке «Волгоград» и вспоминаю всех, по кому скучаю. Сакин, прибив деревяшку, громко кричит: «Москва, Москва!» А уж как Целованьский гордится «ридным» Киевом!

Решаюсь разбить на время влюбленную пару, чтобы поболтать с умной Анькой. Сакин, грозя пальцем, разрешает нам уединиться. Меня больше всего интересуют ее оценка ситуации в племени и расклад сил в правящем альянсе. Тень топора с надписью «альянс» я явственно ощущаю над своей головой. У Аньки вопросов ко мне меньше — она входит в число избранных и чувствует себя намного комфортнее. Еще до объединения Аня сказала мне как бы между прочим, что Сакин объединился с Одинцовым, чтобы оставить Инну в игре, но считает своего партнера наихитрейшим человеком на острове, а потому опасается его. Хочу понять, как они намерены сосуществовать дальше, когда не останется меня, Наташи Тэн, Целованьского.

Хочется вычислить вероятность возможного распада альянса в будущем. Станут его лидеры все же искать пути объединения с другими выжившими Акулами, например со мной. Предложить это сам не решаюсь, рассчитываю на первый шаг со стороны Сакина и Ани. Эту комбинацию обдумывал почти всю ночь перед последним конкурсом. Как только вспоминал о нем, сон сразу улетучивался.

— Аня, что вы будете делать, когда вас останется, скажем, четверо?

— Не знаю. Сакин с Одинцовым в очень хороших отношениях.

— Но ведь Сакин боится Одинцова?! Как вы можете доверять ему?

— Не знаю, как они договаривались. Понимаешь, я не в курсе всех дел, не сижу на их собраниях.

— Ясно. — Подумав, решаюсь спросить: — А я еще долго здесь пробуду?

— Ну, — Аня прячет глаза. — Я пыталась объяснить, какой ты хороший, но Одинцов видит, что ты сильный и можешь обойти его за счет тотемов. Мой Серега тебя так защищал в последний раз. Не знаю, что там решили, но, думаю, тебя не тронут, пока есть кого вычеркивать.

В целом итогами разговора я доволен. Стало ясно, что, во-первых, альянс пока монолитен, во-вторых, меня хотят съесть. Задержался я здесь только потому, что правящая партия была занята устранением более опасных, по ее оценке, конкурентов, а также потому, что гадостей никому не делал. Но чтобы продержаться на острове так долго, как бы мне хотелось, этого недостаточно.

Племя собирается у костра. Альянс, как всегда, незаметно, ненадолго удаляется, чтобы решить исход завтрашнего голосования. Целованьский в очередной раз жалеет, что у него все еще действует защитный тотем. Кто же уйдет? Я искренне полагал, что это будет, мягко выражаясь, не милая моему сердцу Наташа. Но она ведет себя далеко не как обреченная и не торопится собирать вещи. Наташа непрерывно исполняет русские народные песни, а чаще других — хит острова «Ой то ни вечер, то ни вечер». Затем она просит Снежану научить ее петь. Та вначале отнекивается, но потом дает какое-то несложное упражнение для развития голоса. В недобрую минуту пришла ей в голову эта идея. Через час после начала музыкальных упражнений Натальи вся живность бежала из лагеря. Очень смахивало на завывания кошки в весенний период.

Ночью долго ворочаюсь в гамаке Сакина. Он гораздо удобнее, но из-за нервного напряжения уснуть все равно не могу. Великодушие Сакина имеет простое объяснение: они с Аней вновь перебазировались на плот. Гамак прилично продувается ветром с моря, и его подруга, похоже, простыла. К тому же она, как и я, еще не привыкла спать в гамаке. Сакину это возвращение на плот явно не нравится, но приходится учитывать пожелания прекрасной половины. Не думаю, что за его страстным желанием уединиться стояло что-либо еще, кроме стремления проводить больше времени вне племени. Единственным, кто открыто заявлял о своем конкретном интересе к дамам, был Сергей Терещенко. Но это было больше похоже на шутку, нежели на заявку о намерениях. Условия для секса здесь далеко не комфортные. Даже шутки на эту тему имеют весьма скромный успех.

Заснуть не получается. Закрываю глаза, и сразу и приходит чувство, что на меня хочет кто-то напасть. Нервы совсем разгулялись, прямо мания нападения какая-то. Если есть мания преследования, почему не быть мании нападения? Спать с открытыми глазами не умею, в полубреду валяюсь в гамаке. Любопытно, что все племя лежит на плоту, даже Целованьский. Только я повис между небом и землей в сторонке.

Пытаюсь вычислить расклады в племени, исходя из моей уверенности в зыбкости любого альянса. Сакин должен понимать, что надо вовремя уйти из-под крылышка Сереги. Аня пойдет за ним. Инне, похоже, наплевать на главный приз, на острове она всегда ведет себя совершенно естественно. Мысли скачут, как каучуковые мячики в лотерее спортлото. Что же дальше? Предложить Ане и Сереге объединиться я не могу, а вернее — не хочу. Выиграть все конкурсы — нереально. Тем более, если не спать по ночам. Интересно, первым вычеркнут меня или Наташу?

Обидно. Наташа выжила на Тортугас только потому, что я отказался специально проигрывать конкурс, а теперь может пережить меня на острове. Мог ли я тогда представить

себе такое? А если прокрутить ситуацию назад, согласился бы я на предложение Игоря нарочно проиграть конкурс, зная, чем может позже обернуться для меня отказ от игры в поддавки? Нет, поступил бы так же, отказался.

Засыпаю только под утро. Сон нервный, вскакиваю при каждом шорохе. Бесит, что всю ночь встающие по нужде люди непременно задевают мой гамак. Шляющиеся по лагерю птицы тоже не раз будили меня утром. Это ужасно, нервы на пределе.

Имя исключаемого долго остается тайной только для меня и Целованьского. Случайно узнаю от Сакина, что уйдет... Снежана. Вот так сюрприз. Причем неприятный. Мне так хотелось увидеть на ее месте другую Акулу! Самое шокирующее обстоятельство: Снежана увольняется по собственному желанию. Целованьского, желающего сойти с корабля на берег, еще можно понять. У него нет шансов на победу, постоянные стычки с альянсом, но Снежана... Наш едва ли не первый и уж точно последний с ней разговор получился очень коротким. Она подтвердила свое желание выйти из игры и сказала, что делает это «из-за здоровья». На другие расспросы я не отважился, почувствовав, что Снежанка не хочет вдаваться в подробности.

Очередной крупный скандал. Александр, с которым я общаюсь, пожалуй, чаще, чем другие, затеял выяснение отношений. Только после объединения племен он случайно узнал, что конкурс, после которого ушел его соратник Морозов, был проигран альянсом Одинцова специально. Братание и всеобщая взаимная доброжелательность, царившие в лагере после аукциона, позади. Забыта и радость от новости, купленной ему Акулами сообщая. «Платон мне друг, но истина дороже». Теперь, по его мнению, настал момент истины. Саша загробным голосом предлагает собраться всем у костра. Снежана явно не расположена выяснять отношения. Она уверена в своем скором уходе, и ссориться лишний раз ей неохота. Речь Саши внимательно слушают только два Сергея, тем более что обращена она, в первую очередь, именно к ним. Остальные либо не слушают, либо делают такой вид. Остаткам Тортугас эти разборки и вовсе ни к чему. Мы занимаемся хозяйством.

Тем временем усилиями Сакина, то и дело врезающегося в монолог Саши, атмосфера накаляется. Оратор чувствует, что ввязался в безнадежное дело (с толпой спорить бесполезно, будь ты тысячу раз прав), но остановиться не может. Ссора происходит на священном для островитян месте — у костра, поэтому минут через двадцать непрерывного шума и гама предлагаю сторонам сбавить обороты и продолжить разборку в другом месте. Отставные Ящерицы сбавляют тон, но неожиданно взрывается молчавшая до сих пор Инна, с дрожью в голосе высказывая Саше, что она о нем думает.

Но что меня добило, так это вмешательство Наташи. А ты-то куда, честнейшая из нас?! Видимо, ей очень хочется защитить беззащитных Инну с Одинцовым, поэтому она с пафосом начинает что-то кричать Саше о своем понимании происходящего. Тот пытается отмахнуться от Тэн, как от назойливой мухи. Но «муха» на глазах превращается из защитника альянса в защитника себя: «Вот я, Сашенька, никогда не отрицала, что пришла сюда играть и что я веду двойную игру!»

К счастью, как ни кипят страсти, люди вновь вовремя останавливаются. Проанализировав главную тему доклада Саши, неожиданно понимаю, что во многом речь шла о моей скромной персоне. Это меня он имел в виду, предлагая Инне и компании изменить правила их игры и выбрать Последним героем «действительно достойного человека». Что-то подобное он мне уже раньше говорил в приватной беседе. Приятно, конечно, что Саша увидел во мне Последнего героя, но эффект от такой рекламы невелик. Все равно мне недолго осталось жить на острове. Попытки привлечь ко мне внимание вряд ли что-то могут изменить.

Аня использует утренний спор в воспитательных целях. Она огорчена тем, что Сакин так быстро выходит из себя и начинает сквернословить. С берега доносятся нервные выкрики Сереги и спокойные рассуждения обиженной Ани. Но, кажется, и там все утряслось. Возвращаются вместе, значит, помирились.

Писать имя Снежаны на совете было легко. Легко потому, что она сама хотела уйти, и еще потому, что мы так и не познакомились толком. Для меня она осталась загадкой. Не только вечно радостная Наташа, но и Целованьский не испытывает горя из-за ухода Снежаны. Кажется, она была его «заклятым другом» еще со времен Лагартоса. Остальная часть племени

находится либо в скорбющем состоянии, либо в состоянии сочувствия скорбящим.

Глава 21

Яхта подана! Кладбище раковин. Еще одна бессонная ночь. Азарт против принципов?

Время двойного иммунитета Целованьского истекает. Теперь альянс вычеркнет из списка личного состава Сашу или меня. Чувствую, что скорее меня, чем изгоя Лагартос и Тибуронес. Съесть его они всегда успеют, он сам давно настроен на уход, а я хочу побороться. И альянс это видит. Кроме того, есть вероятность (по крайней мере, хочется в это верить), что симпатии некоторых членов альянса к моей персоне могут перерасти в дружбу. Этого явно опасается Одинцов. Значит, на ближайшем совете он сделает все возможное, чтобы добраться до меня.

Сегодня Саша получает приз за победу в интеллектуальном конкурсе. Так вот зачем «боги» дали ему двойной иммунитет — чтобы подготовить яхту! Приз ошеломляющий. Прежде нас, в порядке поощрения, преимущественно подкармливали, теперь «боги» решили в полном блеске явить свое величие. Яхта отдана ему на откуп на целые сутки. Красота! Бар, душ, массажный кабинет... Что там еще бывает на яхте? Представить можно, но трудно. Целованьский уверен процентов на восемьдесят пять, что на яхте его ждет жена. Мечта выглядит настолько утопичной, что многие потешаются над ним. Но мне, да думаю, не только мне, не хотелось бы увидеть его разочарования. Одинцов, провожая Саню на яхту, заявляет: «Если там твоя жена, готов сказать: „Я преклоняю голову перед тобой, учитель мой“». Издевка в устах Одинцова звучит непривычно.

Саше предстоит пригласить кого-нибудь из племени на завтрак. Никто не сомневается, что это буду я или Инна. Инна в кандидатах потому, что такой вариант в его духе. Пригласить оппонента за стол, чтобы пофилософствовать с ним о жизни, о нашей игре, о средствах достижения победы. Что касается меня, он не раз намекал, что мое общество ему приятнее других. Перед отбытием на яхту он громко предлагает мне готовиться к поездке. Племя стоит при этом в сторонке, тихо улыбаясь. Чувствую себя немного не в своей тарелке, словно это страшный грех — быть приглашенным Сашей на яхту.

Целованьский в последние дни постоянно приносил в лагерь добычу. Но не еду, а раковины. Он утверждает, что обнаружил их целое кладбище. Сейчас, когда его нет в лагере, а я остался наедине с альянсом, хочется отдохнуть. Иду с ластами в сторону, куда изо дня в день уходил Саша. В мыслях проскакивает: «Вот она, горькая участь изгоев — одному ходить за ракушками».

Долго иду по песку, но ничего не замечаю, пока не дохожу до изгиба берега. Нырнув, поражаюсь увиденному: ровные ряды ракушек, похожих на склепы, застыли в тягостном молчании. Только рыбы-гробовщики шныряют вблизи. Раковины огромны, я таких еще не видел. Стоит приподнять за край одну из них, как поднимается невероятная подводная пыль. Уже темнеет, а я все не могу оторваться от зрелища. С десятков самых красивых экземпляров уже сложено на берегу. Их можно не прятать, у жизни на острове есть некоторые преимущества. Ныряю вновь и вновь, наслаждаюсь подводным зрелищем, а мысли все о том же, как выиграть следующий конкурс? А если не выиграю, что можно сделать, чтобы остаться на острове? Ответов нет ни в море, ни на суше. Пора бежать домой. На берегу помимо мертвых, по-своему прекрасных раковин лежат три живых. Они обросли сверху губками, водорослями, а внутри необычайной красоты полость, занятая моллюском, которого можно есть. Хоть и скромная, но вполне осязаемая добавка к нашему рациону.

Если раньше мы не могли разбить рапан, то у этого вида раковин структура не такая крепкая. Вечером племя ест рис с добытыми мной моллюсками. Звучит красиво, особенно если не уточнять объем извлеченного из них мяса и количество риса.

Целованьский расслабляется на яхте. Дружное племя Акул даже во сне не теряет монолитности и уместилось на одном плоту. А я опять не могу заснуть, ворочаюсь в гамаке.

Что же со мной творится? Сумасшествие. Раньше я спал гораздо лучше. Причина очевидна: не могу освободить голову от мыслей о своих шансах на выживание. Вопросы

остаются без ответов, и это мучит меня. Раньше рядом была Анька, которая так здорово могла многое объяснить, просто выслушать. С ней было намного легче переживать интриги на Тортугас. Как же давно все это было! Сколько мы уже здесь? Почти месяц. Мама мия... Тортугас. Кажется, это было так давно. Сейчас все по-другому. Прежде всего, я изменился. Раньше передо мной никогда не стоял «гамлетовский» вопрос: «съедят или не съедят». Я этого не боялся. Чувствовал, моя позиция на Тортугас настолько сильна, что собрать большинство голосов против меня нереально.

Да, я не хотел быть в числе первых ушедших, но чем дальше, тем проще относился к возможному проигрышу. Какая тут драма? Ну, спишут, ну, без меня разыграют сундук с деньгами. И что из этого? Того, что я уже пережил, у меня никто не отнимет. Но после объединения, когда выживать стало намного сложнее, особенно учитывая мой статус в племени, настроение изменилось. Я начал гораздо больше ценить потраченные в индивидуальных конкурсах силы. Неужели все впустую? Интересно, если повернуть время вспять, принял бы я, сегодняшний, предложение вступить в альянс? Пожалуй, нет. Может, выживать в альянсе легче, но только до поры до времени. В крупном альянсе со временем неизбежно возникают мелкие. А значит, обман и интриги станут еще более изощренными. Для меня это гораздо труднее, чем быть неприкаянным одиночкой. Но платить приходится за все. И самая большая плата — дефицит общения.

Нет, это не нормально, что человек не может заснуть три ночи подряд. Но причина не только в том, что я не могу найти ответы на неотступно терзающие меня вопросы. Азарт захлестывает все сильнее день от дня. На Тортугас цель была слишком далека и нереальна, чтобы всерьез грустить о неудаче. Скорее я только радовался, что вообще попал на Бокас-дель-Торо, выживал, как умел. И главное — делал это честно. По крайней мере, честней, чем некоторые другие. Хватит ли меня и моей честности на всю игру? Неужели азарт, безумное желание продолжить борьбу окажутся сильнее принципов и правил, мною же выработанных?

Глава 22

День рожденья. Сахар. Без Аньки — плохо.

О роли труда в жизни дикарей. Не грусти, старичок! Зараза под названием Тибуронес.

День рожденья встречаю в окружении улыбающихся людей, племя поздравляет меня в полном составе. Никогда не мог представить, что этот день проведу в другом полушарии и в такой ситуации. Приятно, что Акулам наплевать сегодня на свои игры в альянсы, они искренне поздравляют меня. Но часом позже даю себе слово, что по приезде обязательно отмечу день рожденья с друзьями и однокурсниками, с родителями и братьями.

Хотя я сегодня в привилегированном положении, но внутриплеменные обязанности надо выполнять. Серега Сакин хочет меня освободить от трудовой повинности, но кокосы все равно кому-то надо нарубить. Впрочем, вскоре он отвлекается, чтобы поухаживать за Аней, и лишь затем берется за работу.

Будь на острове моя девушка, мне было бы сложнее. Я бы не смог выживать так, как это делаю сейчас. Как и Серега, я бы, в первую очередь, оберегал свою половину, а лишь затем думал о себе и остальных. Сакин пытается всеми правдами и неправдами оградить Аньку от работы в лагере. Он берется за все, выполняет двойной объем, но не всегда хватает сил довести дело до конца. Анька вяло сопротивляется таким проявлениям заботы, заметно, что ей это приятно. Чувствуется, что у нее нет желания бороться за симпатии соплеменников, она хочет отдохнуть. Теперь Аня может себе это позволить. Тем более, что сегодня она приболела. Но градусника нет, выяснить, какая температура, невозможно.

Вообще, общаться с Анькой стало, к сожалению, сложнее. Когда мы в последний раз разговаривали, я почувствовал, что это происходит совсем не так, как когда-то на Тортугас. Я ей теперь гораздо менее интересен как источник информации. Есть Сакин, который естественным образом заменил меня в этом качестве. Это нормально, но легче от этого не становится. То, что меня волнует в последние дни — как выжить в противостоянии с альянсом,

обсудить не с кем. С Одинцовым можно беседовать лишь на общие темы, да и то недолго. С Инной общаться гораздо приятней, но она не хочет, чтобы Одинцов заподозрил нас в излишнем интересе друг к другу. Впрочем, несмотря на это, я чувствую ее симпатию к себе.

Подарков от племени нет, да я и забыл о них. Лишь когда Сакин произносит: «Братец, извини, что подарка нет. Мы пока ничего не придумали», — вспоминаю об этой замечательной традиции. Начинаю мастерить маску из тыквы, как это делают обычно на Halloween. Как еда она не представляла для нас интереса, поэтому я выпотрошил эту кругляшку, вырезал глаза, нос и злобный рот. Для чего я все это делаю?

Со вступлением в ряды Акул моя роль в общественно-полезной жизни дикарей стала намного скромней. Но не потому, что я остался за пределами альянса. На своем острове у каждого из Ящериц, как и у Черепах, все рабочие места были распределены. После объединения значительную часть моих обязанностей захватили гости, чувствующие себя здесь, по праву победителей, как дома. Например, почту я уже давно не забираю. На Лагартос Сакин отвечал за односторонние контакты с внешним миром, а двум почтальонам на одном острове всегда тесно. Я пытался, было деликатно вернуть себе эти несложные обязанности, но намек, видно, получился настолько тонким, что его предпочли не заметить. Не стану же я теперь с Сакиным наперегонки бегать.

На Тортугас я числился также главным костровым. Но теперь огонь легко сберечь до следующего дня с помощью свечки. Занимался я и подводной охотой: проверял и забрасывал в море ловушки. Эту работу вместо меня попытались выполнять два Сереги. Но в должность рыболова я вцепился зубами и не отдал. Доходило до смешного. Я вечером лез в холодную воду, чтобы вытащить ловушку. В одиночку это делать непросто (на Тортугас мы всегда работали в паре с Игорем), поэтому брал с собой три спасжилета. На что только не пойдешь, чтобы не потерять работу на острове, где о бирже труда не позаботились. Зато наутро проверять ловушки уже не имело смысла. Так я играл с Серегами на опережение. Все эти ухищрения не для того, чтобы продемонстрировать свою значимость. Если ничего не делать, можно сойти с ума от излишка свободного времени, который будет использоваться на пережевывание все тех же по большей части неразрешимых проблем.

Что не менее важно, владея информацией в какой-либо важной сфере, легче привлечь внимание к себе. Причем выгодны не разовые обязанности или временная работа, а профессии стабильно востребованные — почтовик, рыболов, костровой, посудомойщик и так далее. Наконец, если оказался не у дел — обязанностей, например, не хватило, — посчитают ленивым, поскольку тебя просто не видно. Излишние старания также могут вызвать негативную реакцию. Одинцов, вспоминая первые дни на Лагартос, называл псевдожелание работать (а на самом деле желание попасть в объектив телекамеры) мышиной возней.

В Тортугас с распределением обязанностей было проще. Желających работать было не так много. Ольга приехала с девизом «тотальный отдых», Серега Терещенко честно признался в неумении решать бытовые проблемы. Мы с Игорем были такому раскладу только рады. Вдвоем проще найти решение или разработать какой-либо план. Одному, конечно, еще проще, вообще можно ни с кем не советоваться. Но, как показал опыт все того же Игоря, одному все не потянуть, обязанностей многовато. А разделишь их на двоих — в самый раз.

Доделать тыкву не успеваю, надо идти на берег, где слышны песни Целованьского. Прошлым вечером все племя ходило смотреть на красивейший, словно игрушечный кораблик, светившийся яркими огоньками в ночном море. Теперь с него доносятся украинские песни, а на борту яхты виден наш танцующий соплеменник. Зрелище вызывает у нас бурную реакцию. Сбылась мечта Саши. Он не раз заявлял, что всю жизнь мечтал именно так отдохнуть на Карибах: загорать, купаться и ничего не делать.

Приближается катер с Бодровым, который заберет одного из нас на яхту. Я точно знаю, кто это будет, и подготовил три мешочка от спальников, чтобы вернуться к голодным Акулам не с пустыми руками. Соплеменники советуют налегать на спиртное, сладкое, а также прихватить сигары из бара, который якобы должен быть на всякой приличной яхте. Сакин даже объяснил, какие сорта лучше брать.

Подплывая к яхте, различаю на ее борту не одну фигуру, а две. Фигуры машут мне, но опознать никого не могу. Что за засада? Подплываем ближе, и вижу Целованьского с красивой

девушкой. Саша побрился, вот в чем дело! А девушка, вероятно, массажистка. Спросить напрямую, кем она ему приходится, не решаюсь. Мне это кажется неприличным, поэтому молчу. Если девушка заговорит по-испански, она — массажистка, по-русски — значит, жена, хотя в вероятность ее приезда я, как и все Акулы, не верил. И все-таки это именно она — Оксана, жена Целованьского.

Режиссер, оператор и его помощник ютятся на маленькой палубе, едва не свешиваясь за борт. Такая у них работа. Мы тем временем изволим завтракать. Вместо желанного мяса и жареной картошки нам подают европейский завтрак — фрукты, хлеб, масло, сыр и вино. Фрукты меня совершенно не интересуют, а все остальное — просто мечта. На десерт ждет сладкий пирог. Хочется добраться до него поскорее, пока этот волшебный сон не оборвался.

К слову, я лишь однажды видел еду во сне. Это было уже после объединения племен, после очередной мокрой ночевки. Гамбургер лежал на странном белом блюде и вращался, словно в микроволновке. Ужас! Сакину еда снится чаще, причем «вперемешку с любимой Анькой». Интересное сочетание, правда?

Уже после второго бутерброда, запитого каким-то дорожным и вкусным вином, чувствую тяжелую сытость. Ни пошевелиться, ни закричать. Сидим втроем, пытаемся поддерживать разговор. Тем, в общем-то, хватает, а вот сил говорить нет. Глаза, однако, еще не наелись. Хочется еще и еще, но сдерживает обещание принести ребятам что-нибудь в клювике.

Вскоре подействовало вино. Мы выпили максимум по два фужера, но так пьян я давно не был. Теперь понимаю причину конфуза Одинцова, быстро ушедшего отдохнуть после барбекю с вином. В нашем нынешнем состоянии правильно рассчитать свои силы крайне затруднительно.

Перемещаться по яхте желательно в трезвом состоянии, но, как говорится, пьяному море по колено. Забыв о приличиях, складываю остатки еды в захваченные мешочки. В туалете обращаю внимание на восемь огромных свечей. Такую же свечу Сакин стащил с совета послов. Теперь она нам очень помогает поддерживать пламя на кухне. Недолго думая, засовываю свечу в карман. Выглядит забавно.

Вся яхта усеяна люками, ведущими в нижний отсек, где находятся кухня, спальни, массажный кабинет, бар. Туда нас не пускают, хозяин яхты сам выносит все требующееся нам на палубу. Установив точное месторасположение кухни, ищу нужный люк и скоро нахожу его. Открываю люк и длинной рукой достаю пакет... с сахаром! Больше нам ничего не надо. Парни простят отсутствие курева, ведь у нас есть теперь САХАР! Не держи на нас зла, владелец этого прекрасного судна, в другой жизни мы намного лучше, и совесть нас, конечно, будет мучить. Уходим с яхты почти трезвые, у каждого по мешку. Съемочная группа прячет глаза, но скрыть смех и слезы при взгляде на нас сложно.

Племя от принесенных даров в шоке. Так много еще никто не приносил. Ни с совета послов, ни с барбекю. Это наша самая большая воровская удача, хотя и не оставшаяся незамеченной.

Приходит приятное время получения подарков. Это букет цветов, майка с плеча Сереги Сакина и импровизированный кошелек из листьев, в котором лежат деньги, оставшиеся у племени после аукциона. На короткий срок испытываю странное ощущение от присутствия гостя на острове. На Оксану племя смотрит с особым интересом, но не потому, что она жена Саши. Мы ощущаем ее иначе, потому что она НОРМАЛЬНЫЙ человек. Кажется, что у людей, не прошедших через то же, что и мы, другая психика, другое мироощущение. Может, у нас небольшое помешательство? Становится страшновато от происходящего, словно внутри засела какая-то зараза под названием Тибуронес.

Оксана одаряет племя пакетом с украинскими карамельками. Ее уже любят. Саша старается не комментировать поведение соплеменников, чтобы не спровоцировать выяснение отношений. Племя тоже ведет себя корректно, но Наташа и здесь отличается. К счастью, подтекст ее высказываний Оксана вряд ли понимает. Вскоре мы тепло прощаемся с гостьей, Целованьский уходит ее провожать.

Надо же, человек уезжает с острова и не испытывает никаких мук по этому поводу. Все так просто. Даже если бы мы взялись объяснять ей, что для нас означает такой уход, она вряд ли поняла бы. Только Саша по-прежнему хочет скорее вернуться в цивилизацию.

Не успеваю переодеться, как приходит почта из Волгограда, которую я жду с самого утра. В посылке дорогие мне вещи — открытка с моего стола, игрушечный музыкальный мишка и жареные семечки. Плюс ведро пива. Пива, конечно, хотелось уже давно, но вполне смог бы прожить без него еще не одну неделю. А вот без белого мишки в голове, пожалуй, могли бы начаться необратимые изменения.

Сегодня мне особенно не хватало чего-нибудь домашнего и родного. Того, что напомнило бы — меня ждут дома. Что на земле есть место, где не надо бороться за выживание. Надпись на открытке актуальна, как никогда «Не грусти, СТАРИЧОК». Эту открытку мне подарили однокурсники на двадцать третье февраля. Поскольку я староста группы, текст выбрали именно такой. На открытке есть и короткое письмо от мамы. Обычные слова растрогали меня чуть не до слез, но все же я сдержался. Соплеменники не могли не заметить этого. Странно, но я чувствую их тепло. Мне не хочется сегодня уходить из лагеря, слоняться по острову в раздумьях. Уверен, Наташа хотела всего лишь ободрить меня, говоря: «Ничего, Вань. Скоро ты увидишь свой дом». Но в ее устах эта фраза звучит символично.

Саши в лагере нет, Одинцов с Инной пошли «по грибы», а мой день рожденья подходит к концу. Я слегка нетрезв, по-хорошему грустно. Налив пива в кружку, сделанную из кокоса, делюсь семечками с Сакиными и отправляюсь гулять.

Полномасштабного праздника не получилось, зато племя наелось. Мы с Сашей принесли еще часть пирога с яхты, фрукты, масло для утренней каши. Пиво выпито, семечки перелузганы, пора спать. Перед сном доделываю маску из тыквы, ведь сегодня Halloween, и иду искать на берегу Инну с Серегой. Горящая свечка в страшной тыкве, мои жуткие вопли: «СемАчки! Жареные семАчки!» Представляю, что случилось бы с парочкой, повстречайся она со мной.

В племени царит вежливость. Как только Серегу начали подшучивать над Сашей, на них зашикали, и все приколы прекратились. А Одинцов даже выполнил обещания. Он извинился перед своим злейшим другом за насмешки над его уверенностью, что Оксана прилетит на Карибы. Со мной сегодня все подчеркнуто вежливо. Вершиной галантности стал следующий диалог.

- Вам не будет мешать, если я мишку «повключаю», чтобы музыку послушать?
- Нет, Вань. Конечно, нет. Включай. Нам будет приятно.
- Спокойной ночи, ДРУЗЬЯ, — слегка выделяя последнее слово, произношу я.
- Спокойной ночи, братец, — необычайно мягко отвечает Сакин.
- Спокойной ночи, Ваня, — дружно желает племя.

Ложусь в свой гамак, а в соседнем располагается музыкальный мишка. Потянешь за веревочку, льется незамысловатая, но такая приятная музыка. Друг детства убаюкивает на удивление быстро. Засыпаю, забыв об альянсах и о прочем.

Глава 23

Самый долгий конкурс. «Кокосы это хорошо, конечно, но...» Прощальное слово Целованьского. $5+1 = ?$ «У тебя нет другого выхода». Шарлотка.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, не стал исключением и один из лучших моих дней на острове. Особенно он был хорош в контрасте с предшествующими событиями. Внутри странная легкость. Я выспался, у меня хорошее настроение, не страшно идти на конкурс. Перед его началом успеваю переговорить с Анькой. Она считает, что сегодня «проводят», скорее всего, Целованьского. Племя решило отпустить Сашу к жене, которая все еще на соседнем острове. Но мне лучше не расслабляться и выигрывать все, что можно.

Нам предлагают зажечь костры. Конкурс из числа тех, где шансы примерно равны. Не надо быстро бегать или плавать, обладать иными особыми спортивными качествами. Больше всего нужны удача и определенный туристский опыт. Сначала собираем дрова. Как костровой со стажем, знаю, что лучше всего горит бамбук, его беру побольше, для растопки пригодятся и листья.

От старта несемся в море к горящим чашам, от них зажигаем факел и, борясь с волной,

бежим назад. Пока я первый, за мной Одинцов. Но это ничего не решает, вскоре все оказываются в равном положении. Первой удастся зажечь костер Тэн. «Все пропало!» — мелькает в голове, но веревочка над ее костром не перегорает, а это и является главным условием конкурса. Хорошо идет дело у Одинцова и Сакиных (племя давно называет так нашу счастливую парочку), но и их костры не могут пока пережечь заветную нить. Смотреть по сторонам, конечно, не стоит, но удержаться трудно. Время бежит, прошло уже около получаса, как мы бьемся за тотем. Ручьем текут пот и слезы: дым от костров очень едкий. Спокойнее всех выглядят Одинцов с Сашей. Первый не напрягается, поскольку защитный тотем ему без надобности, а второй помнит, что если выиграет — останется здесь еще на три дня. Ему это ни к чему.

Дрова сгорают у всех, кроме Сакиных. Вдвоем они, естественно, запаслись лучше всех. Бодров, замечая неравенство шансов, запрещает Сереге помогать Ане, что ее несколько огорчает. Если когда-то она была против опеки Сереги, то теперь принимает любую поддержку. Ей явно хочется победить сегодня.

Нам вновь дают шанс набрать дрова. Хватаю бамбук, тростник и тащу пару толстых коряг. Уходит немало времени, чтобы на основе каркаса из толстых коряг построить бамбуковый конус, достающий верхушкой до самой нитки. Но дров, как и у всех, вновь не хватает. Бодров еще раз посылает нас за расходным материалом. Только через полтора часа (!) мучений огонь достигает своей верхней точки. Но веревочка непреклонна. Создается впечатление, что внутри нее натянута проволока, которая никогда не перегорит. Пламя не раз касается заветной цели, но тщетно. Ветер, как назло, меняет направление, значит, все усилия были напрасны! И тут Бодров соглашается-таки на разумное предложение Сакина — использовать для достижения цели детали нашей одежды, — сделанное им полчаса назад. В огонь летят банданы, и так как мой костер в этот момент выше всех, шнуры наконец лопаются. ПОБЕДА!

Можно расслабиться, посмотреть на соплеменников. Грустную картину являют они собой. Впрочем, и я выгляжу не лучше. Все тело в песке, руки обожжены, глаза слезятся, под носом нависли неприличные капли, глаза красные — зрелище не для слабонервных. Несмотря на столь богатую раскраску, на лицах соплеменников внятно читается благодарность за то, что я прекратил наконец их мучения и конкурс завершился.

По возвращении Саша подходит, чтобы переговорить. В последнее время у нас сложились дружеские отношения. Все, что было в Москве, в цивилизации, умирает, когда узнаешь человека ближе в этих условиях. Саша говорит, что уйдет именно он. Он не скрывает радости: «Кокосы — это хорошо, конечно, но, знаешь, когда их так много, то ну его на хрен!» Дело в том, что кокосы плохо усваиваются Сашиным желудком. Но причина хорошего настроения, конечно же, не только в избавлении от кокосов...

Саша делится своим планом. Он вновь намерен выяснить отношения с альянсом, преследуя при этом главную цель: воззвать к совести правящего клана. Саша убежден, что только я достоин звания «Последний герой». Слышать это приятно, но боюсь, что эффект от реализации идеи будет прямо противоположным задуманному. Говорить он намерен на последнем для него совете, что именно — тайна.

Как и обещано, Саша на прощание произносит речь, которую слушают внимательно, словно выполняют последнюю волю смертника.

— Я хочу, чтобы Последним героем стал не последний гад или сволочь, а тот, кто всю игру вел себя как честный, порядочный человек.

Сакин: «Ну, блин, не мог уйти без этого тупого словоблудия».

Итак, нас осталось шестеро. Альянс и я. Веселая компания получается. Я, честно говоря, побаиваюсь снова впасть в тяжелые раздумья, как продержаться дальше. Невесело, конечно, оставаться лицом к лицу с толпой из пяти человек. Но все, включая меня, едины: без Целованьского стало гораздо легче. Не потому, что он такой нехороший человек, вовсе нет. Напротив, за время нашего совместного выживания я значительно пересмотрел отношение к Александру. Но он всегда открыто противопоставлял себя альянсу, а бесконечные споры и ссоры били по психике каждого.

С уходом центра нервного напряжения в лагере воцарилось спокойствие и атмосфера

«маньяны». На испанском это означает «завтра», а на русском: зачем делать что-то сегодня, если можно перенести на потом. Фактор голода играет уже далеко не столь важную роль, как прежде. Не сказать, что мы его не чувствуем, но это ощущение стабильно, к нему привыкли. Практически всегда в запасе пара плодов хлебного дерева. Дозревая, они становятся вкуснее, поэтому стараемся их не трогать раньше времени. Иногда жарим неспелые плоды все того же хлебного дерева и поливаем их уксусом, оставшимся после барбекю Одинцова и Снежаны. Однажды в темноте я попробовал такое блюдо и был совершенно убежден, что соплеменники раздобыли где-то картошку.

Сегодня Инна с Наташей принесли после прогулки пару лимонов. Точнее, лайм. Оказывается, на нашем острове есть и такое дерево. Плодов на нем очень мало, и они кисленькие. Чтобы использовать найденные фрукты, я решил приготовить вечером пирог — шарлотку. Яблок, как, впрочем, и масла, нет, но есть фольга, лайм и тесто, то есть все тот же переспелый плод хлебного дерева. Фольгу племя набрало на предыдущем конкурсе. Дело в том, что, участвуя в конкурсе, мы лишаемся возможности позаботиться о пропитании, поэтому «боги» обычно выдают нам по банану в качестве компенсации. Как обезьянкам. В последний раз мы получили по кусочку ананаса, завернутого в фольгу. Вот она и пригодилась.

Начинку перезревшего плода Инна счищает на разделочную доску. Пока никто не видит, дает мне попробовать кусочек сырого лакомства. Не секрет, что самые вечно голодные из всех шестнадцати героев — это Инна, Сакин и я. Между нами всегда незримые нити взаимного понимания. Затем мы это дело замешиваем, укладываем в фольгу на сковороду, сверху добавляем порезанный лайм, закрываем фольгой и ставим на угли. Идея настолько понравилась, что это блюдо признано шедевром кулинарного искусства на островах. Отныне приготовление островной шарлотки становится моим коронным номером, идея-то моя. Для меня это тем более важно, что мои отношения с альянсом все больше принимают характер сотрудничества, я не так остро ощущаю свою изолированность.

Мне не нравится только Наташа. Ей также не симпатизируют Сакины. Немного подумав над этим, я решаю использовать общие антипатии для укрепления нашей дружбы. Ближайший разговор посвящен именно этому. Тэн действительно не устраивает Сакина. Ему неприятно, что Инна так сдружилась с Наташей. Одинцов тоже ничего не имеет против Тэн. Но всем понятны его меркантильные соображения. Ее голос столь же весом на совете, как и другие. Пока я в игре, это принципиальной роли не играет, но потом расклад может измениться. По-прежнему ужасно неприятно, что она, по-видимому, уйдет только после меня.

— Ребята, — начинаю диалог с Сакиными, — почему ваша компания не уберет Наташу?

— Братец, понимаешь, — оживленно подхватывает Сакин, — Серега видит в тебе большую угрозу. Ты крепкий малый, который может обойти его на повороте. Тэн может ему пригодиться.

— Неужели он готов и дальше терпеть ее «прогибания»? Смотреть противно.

— Сакочка, ты говорил с Одинцовым? — вступает Аня.

— Попытался. Бесполезно. Здесь, братец, мы бессильны. Тебе, чувак, придется выигрывать и следующий конкурс. Но ты, кажется, сможешь. Ты ж у нас Кощей Бессмертный, — смеется Серега. — Сколько у тебя уже прозвищ? Тростниковый заяц, Кощей Бессмертный...

— Да ладно вам. Выиграть три конкурса подряд?!

— У тебя нет другого выхода.

Так я получил четкое «нет» на свою невысказанную, но вполне прозрачно прозвучавшую просьбу о помощи. На поддержку Сакиных рассчитывать бесполезно. Серега обещал Одинцову не мешать его тактике и слову своему верен, несмотря на наши замечательные отношения.

Утром наблюдаю еще одного ножеметателя — теперь это Сакин, которого, как и Гомес, обучил этому искусству Одинцов. Сам он редко демонстрирует свои способности.

На завтрак — вкуснейшая рисовая каша с кокосовой мякотью и сахаром. Племя бесконечно благодарно мне за пакет с яхты, который, увы, становится все легче. С утра мы с Инкой собираем орехи. Это стало традицией, потому что мы встаем раньше всех. Обычно нам помогает Анька, но она продолжает хандрить. Сакин ухаживает за ней, а значит, ждать от него помощи бесполезно. «Солнце греет и растет трава, но тебе она не нужна, когда твоя девушка больна».

Глава 24

Пять непрочитанных писем. Как стирают штаны в тропиках. Сакин дает мне шанс. Птица-говорун рассказывает свою биографию. Эпидемия?

Успех в сегодняшнем конкурсе позволит победителю получить видеописьмо из дома. Чтобы раззадорить, дают посмотреть небольшую часть записи. Реакция несколько неожиданная. Вместо того чтобы вдохновиться перед предстоящей схваткой, Акулы впадают в тоску. Да, желание победить и увидеть близких велико, но как подумаешь: ведь в результате твоей победы соплеменники не смогут получить желанной весточки из дома. Именно такие чувства обуревают меня, пока я захожу в море перед началом испытания. Об этом же, наверное, думают и другие.

Нужно сделать веревочную лестницу и долезть по ней до перекладины, на которой висит фляжка сока «Джей севен». Это отборочный тур. Во второй этап выходят трое, им надо пройти водную дистанцию с препятствиями и добраться до флагштока. Кто первый поднимет флаг, тот и выиграл.

Свои шансы на победу оцениваю оптимистично, главное — попасть в финал, а уж в плавании вряд ли кому уступлю. Увы, Инна и два Сергея оказались быстрее всех, они и вышли в финал. Такой досады я еще ни разу не испытывал. Имея отличные шансы на победу, я упустил ее хвост и остался с клочком рваных перьев. Анька испытывает еще большее разочарование. Мы идем назад, тихо ругая всех и вся, а больше всего самих себя.

В это время альянс стартует в полном составе. Инна даже не пытается бороться с мужиками, которые совершенно забыли, что они еще и джентльмены. Отпихивая друг друга на повороте, они рвутся к флагу. Инна, улыбаясь вслед двум «торпедам», не спеша принимает морскую ванну. Ей не хочется состязаться с Серегами. Сакину, научившемуся плавать, по сути, только на островах, приходится трудно. Соперник постепенно отрывается от него, нарушая, правда, при этом правила. Вместо того чтобы проплывать под планками, он, усложняя себе задачу, перебирается через них, но все равно финиширует первым. Отставший Сакин надеется, что конкурента дисквалифицируют за это нарушение, и апеллирует к Бодрову. Одинцов входит в ступор — от товарища по альянсу такого явно не ожидал. Благо, что Бодров решает спор в пользу Одинцова, а то не берусь предсказать, чем бы завершилась эта история. Неужели Сереги могли поссориться?

Сергея смотрит видеописьмо. Мы все сидим рядом. Особо важных новостей нет, но все смотрят запись с упоением. Затем Бодров предоставляет ему возможность отправить ответное послание. Чтобы не смущать этого сильного человека, дружно встаем и уходим. Он поначалу сопротивляется: «Вы что — обиделись?», но и сам понимает, что ему лучше остаться одному.

Решил сходить за раковинами, что оставлены мной днем раньше на противоположной стороне острова. Морские звезды, обнаруженные в той же лагуне, засушить, к сожалению, невозможно, слишком влажный климат. Нагруженный раковинами, возвращаюсь в лагерь, потом иду проверять ловушку.

Сегодня в ней три небольшие рыбешки. Сакин, кажется, завидует, что рыбу каждый раз забираю я. Чтобы не рисковать работой, я не зову его на помощь, даже когда она действительно весьма желанна. Серегам ничего не остается, как продолжать осваивать охоту на рыбу с острой. И это у них неплохо получается. В день моего рождения они поймали двух лангустов! Сакин утверждает, что видел небольшого ската, а Одинцов как-то загарпунил смешную рыбу, которая потом его укусила. Да, морская фауна здесь экзотична, но самая неожиданная находка досталась как-то мне.

Накануне объединения мы купались с Игорем недалеко от берега, когда я неожиданно обнаружил в воде... белую мужскую рубашку с длинными рукавами! На официальные приемы мы за последний месяц вроде не приглашались, но в лагере находку опознала Наталья. Рубашку она привязала к веревке и закинула в море, чтобы та сама постиралась. Это наше островное ноу-хау. Волны за день отстирывают любые пятна без всякого мыла и порошка, тем более что в морской воде моющие средства, включая шампунь, малоэффективны: мылится все плохо. Такие

постирушки не раз заканчивались плачевно: наши вещи плавно переходили к подводным обитателям. И вот Сакин однажды обнаружил свои любимые штаны все на той же Наташе, причем последняя уже считала их деталью своего гардеробчика. Интересно, что Сакин потерял штаны, еще будучи на Лагартос. Неожиданное открытие повергло Сакина в смятение, а Наташу — в ужас.

Наташа до объединения нашла эту вещь на Тортугас и, так как хозяин не объявился, оставила себе. Тогда племена перепутали пакеты, уходя с очередного конкурса.

В обед приходит интригующая почта. Сакины отдыхают на берегу, поэтому первым узнаю новости я. Передо мной настоящее меню из хорошего ресторана. Нам предлагают сделать заказ, а кто это съест — узнаем позже. Такого оживления в лагере давненько не наблюдалось. Народ мигом собрался обсудить животрепещущий вопрос. Сакин работал некоторое время поваром в Лондоне, а Наташа до сих пор претендует на звание знатока ресторанной кухни. В итоге продолжительной, но приятной дискуссии приходим к компромиссу: выбираем столько, что любой найдет в заказе блюда, устраивающие именно его.

Сакин характерным жестом подзывает меня для частного разговора. Жест такой: дождавшись внимания желаемого собеседника, человек подносит ко рту ладонь, изображая, как бы клювик, который быстро открывается и закрывается. Это означает, что с тобой хотят поговорить без лишних ушей, а о факте разговора никто не должен знать. Обычно после такого конспиративного приглашения обсуждаются очень важные вещи. Жест прижился в племени давно. Еще на Тортугас мы с Анькой его использовали. Продемонстрировав таким способом свое желание приватной беседы со мной, Сакин первым удаляется на берег.

Повременив самую малость, чтобы не вызвать подозрений, иду следом. Сакин стреляет глазами по сторонам, прячется в зарослях. Мы садимся на плот, и он начинает пространные рассуждения о ситуации с голосованием. Главная идея такова: «Ваня, я тебя очень уважаю. Несмотря на то что первым делом вижу в тебе едва ли не главного соперника в борьбе за миллионы, считаю тебя очень достойным этого приза и этого звания. К сожалению, изменить стратегию Одинцова я не могу, но Тэн мне очень неприятна, поэтому сделаю все, чтобы сначала ушла она. Я это делаю, чтобы не быть последней сволочью, которая уберет всех и вся на своем пути к этим деньгам. Я не буду помогать тебе в дальнейшем, но мне хочется дать тебе шанс. Я искренне желаю тебе победы в следующем конкурсе. Она тебе понадобится!»

Сальдо: шанс, предоставляемый Серегой, заключается в том, что он не будет завтра стремиться к победе в конкурсе, чтобы вероятность моего успеха была как можно выше.

Вечером племя укладывается в хижине. Расклад вновь легко читается по расположению спальных мест. Я продолжаю свое существование на гамаке, в то время как Сакины чуть отодвигаются от оставшейся троицы к ближнему ко мне краю плота. Наталья постоянно кружит вокруг всегда спокойной Инны, даже ночью от нее не отходит. Сейчас она пытается согреть Инну своим телом. Прекрасная накидка получается. При этом накидка продолжает о чем-то громко рассуждать.

Сегодня приключилась забавная история. Мы стояли у костра, когда Наталья вновь блистала знаниями в области выживания. Если не ошибаюсь, речь шла о странной рыбке, которая недавно вероломно напала на Одинцова и укусила его. Инна за что-то похвалила Тэн, последняя заулыбалась, как октябренок, получивший звездочку, и резюмировала: «Птица-говорун очень умна и сообразительна». После этой фразы двумя слушателями у костра стало меньше. Дело в том, что у Натальи, как и у меня, есть несколько прозвищ: Энерджайзер ходячий, Аутсайдер и Птица-говорун. Все прозвища она получила еще на Тортугас. А сегодня возьми да и подтверди справедливость одного из наших определений. Чтобы не обидеть Наташу, мы с Сакиным убежали на берег, где просто катались со смеху.

Анька продолжает болеть. Чем дальше, тем сильнее. Кажется, заразился и Сакин. В том, что болезнь инфекционная, никто уже не сомневается. Другая часть племени пока держится. Я по традиции принес в лагерь две отличнейшие палочки сахарного тростника. За этой сладкой жвачкой никто, кроме меня, больше не ходит. Но, глядя, как я восполняю в организме дефицит сахара, соплеменники обычно просят кусочек на пробу. Я в этом деле уже большой дока. Нужен хороший глаз, чтобы выбрать не кислую палочку, а сладкую. Обычно, чем темнее сиреневый цвет, тем слаще добыча. Если ствол красный, грызть его сложно, но зато там больше

всего сахара, иногда вкус даже приторно сладкий. Поделившись с соплеменниками сахаром в натуральном виде, укладываюсь в свой тряпочный гамак. В соседний, на всякий случай, кладу еще одну палку тростника.

Наташа, на ночь глядя, делится подробностями биографии. Сначала она училась в медицинском университете, затем бросила его и поехала в Москву, чтобы стать дизайнером. Через четыре месяца передумала и решила пойти в актрисы, через месяц захотелось попробовать свои силы в режиссуре. И наконец, перед отъездом на острова успела поработать администратором.

Больше всего меня и Сакина смешит часто повторяющаяся фраза: «И тогда я остановилась, и подумала, и вдруг поняла, и сказала себе: стоп, Наташа! Все понятно, мне надо быть...» Эта фраза была связующим звеном между всеми этапами многогранной карьеры Натальи. Заснуть никому не удавалось до самого окончания изложения биографии.

Мы уже начали дремать, когда раздался странный звук. Как по команде, все мужики подняли головы. Прямо спецназ какой-то, морские котики, грубо говоря. Вскоре где-то рядом звук повторился, потом еще раз. Похоже на стук металлическим предметом по дереву. Мы с Одинцовым хватаем по ножу и медленно выползаем из хижины. Медленно, в напряжении, не переговариваясь, углубляемся в темноту. Страшновато. Через пять минут звуки прекратились. Что это было, мы так и не узнали. Разочарование, испытанное тобой, читатель, я понимаю, но мы тогда с Серегой вздохнули с большим облегчением.

Разделка кокоса теперь занимает у меня и Сереги Одинцова не более десяти секунд. Такого профессионализма не достиг больше никто. У Инны тоже изрядная практика в этом деле, в скорости она уступает нам незначительно. При этом любая попытка оградить ее от этого довольно опасного вида деятельности вызывает недовольство и сопротивление Инны. Она по-настоящему ощущает кайф от самого процесса выживания. Не от борьбы за миллионы, не от азарта, а от того, что проходит такое необычное испытание. То же самое можно, в принципе, сказать о большинстве из тех, кто высадился когда-то на островах, но у Инны это выражено наиболее ярко. С каждым днем общение с ней становится для меня все более приятным и интенсивным.

Очередной конкурс. Он может многое, если не все, решить для меня. Еще никогда угроза отчисления не была ко мне так близка. Я это прекрасно понимаю, но вариант создания коалиции с Сакиными, что может спасти меня и изменить ход всей игры, нереален. Предложи они мне проголосовать против какого-либо человека (не обязательно это должна быть Тэн), я бы сейчас согласился. Но в лагере складывается такая обстановка мира и согласия, что никто не отважится первым предложить создание новой коалиции. Начавший мутить воду может сильно поплатиться за это. Не стану этого делать и я, противно. Я уже продемонстрировал Сакиным свою готовность к диалогу, но они понимают ситуацию так же, как и я, и испытывают такие же чувства. Остается одно — выигрывать следующий конкурс. Но как??!!

Наташа своими бесконечными разговорами еще вчера достала Сакина. Хотя, надо сказать, делать это становится все легче, нервы у Сереги расшатались. Но непонятно, зачем выяснять очевидное, как это делает Наташа. Видимо, решила расставить точки над i...

— Скажи, Сереж, я тебя раздражаю?

— Ну-у-у, — Серега явно не хочет при Аньке выяснять отношения. — Хм-м, Наташ...

— Нет, Серега, я просто хочу сказать: если имеешь что-то против — скажи, но не надо вот так за спиной мне рожи корчить. — Наташа явно жаждет схватки.

— Ребята, не ссорьтесь, ладно? Не время, Наташа, выяснять отношения. Тебе же и так все понятно. Зачем детали? — В роли миротворцев пытаемся выступить мы с Анькой. Но поздно. Еще секунд двадцать назад совершенно миролюбивый Серега загорается с первой спички.

— Какие рожи?! — взрывается он. — Да, ты мне неприятна! Я просто не могу понять человека, который орет по ночам песни Виктора Цоя, чтобы только напомнить о своем присутствии. Причем пафос у тебя во всем. Ты «прогибаешься» сейчас по страшной силе, но строишь из себя борца за правду! — Уход Аньки неожиданно резко останавливает Серегу. Вообще-то его трудно остановить, но сейчас у Ани это получилось.

— Ясно, — обрубают концы Наташа. Таких напористых аргументов она явно не ожидала. С Сакиным вообще трудно спорить. И зачем ей это было нужно?

Глава 25

«Все по-честному?» Одинцов мрачнеет, Сакин дает интервью, а Аня нервничает. У нас появляется стол. Невостребованная жертва.

Пора отправляться на конкурс. Мы ставим сковороду с полуготовой «шарлоткой» на едва тлеющие угольки, чтобы к нашему приходу лакомство было готово.

Пока добрались к месту проведения конкурса, солнце совершенно обезумело, жара невероятная. «Боги» предупреждают: «Это едва ли не самый трудный конкурс. Многое зависит от удачи. Одевайтесь основательно. Постарайтесь закрыть все открытые части тела, особенно ноги и руки». После такой информации о конкурсе, который я обязан выиграть, руки потеют от напряжения.

Всего пять этапов. К каждому добираться по веревке, к ней нас пристегнут карабином. Начиная со второго этапа количество веревок, по которым можно передвигаться, гораздо больше шести, но далеко не все ведут к цели. Если попадаешь в тупик, надо вернуться, чтобы сменить веревку. Отстегиваться от нее можно только на промежуточных финишах, где и собраны в пучок ленточки разного цвета.

Итак, нас пристегнули. Что там в книжках про нить Ариадны писали? Отыскать бы ее. Пытаемся проследить траекторию маршрута, но это практически невозможно. Пути петляют, то забираясь на дерево, то спускаясь до земли, при этом часто пересекаются.

После команды «Старт!» хочется сорваться с места, но начинать приходится с другого. Надо распутать веревки, чтобы избежать столкновения. До второго этапа добиваются все. Каждый хватает по голубой ленточке. Кто прячет ее в карман, кто привязывает к поясу. Потеряешь хоть одну — забудь о победе.

После второго этапа начинается смешное. Веревку, которую выбрал Одинцов, предпочел и я. Вскоре он поворачивается ко мне лицом и изумленно кричит: «Тупик! Разворачивайся!» Назад бежим вместе. У цифры «2» надо сменить веревку, но какую выбрать: их около двенадцати. Лишь с третьей попытки добиваюсь до третьего этапа, побывав до этого еще в одном тупике. Хватаю коричневую ленточку — и вперед! Столкновения с соплеменниками происходят часто и повсеместно. Везде натянуты веревки, о которые легко споткнуться. Ну и конкурс, похлеще полосы испытаний! При этом толпа выбравших ту же веревку, что и ты, уже начинает помогать тебе, чтобы поскорее узнать, правильно ли выбран путь.

Я быстрее всех перемещаюсь по веревкам в лесу, поэтому очень обидно первым попадать в тупик, а потом тащиться последним в небольшой колонне тех, кто выбрал ту же нить. Хуже всего стало, когда передо мной оказалась Тэн, которая двигалась так медленно и осторожно, что даже начал подталкивать ее. Я готов был на руках донести Тэн до развилки, чтобы как можно быстрее пойти по новому маршруту, но, по счастью, делать этого не пришлось.

После четвертого этапа, когда каждый успел не раз упасть, перелезть через десяток деревьев, проползти под поваленными бревнами (для этого требовалось выкопать лаз!), уже трудно определить, кто где находится. Веревки все чаще уходят в болото или в высокую траву — вокруг ничего не видно. Бежишь и думаешь: «А может, ничего этого уже и не надо? Может, кто-то уже держит заветные бусы в испачканных, мокрых от пота руках?» Каждого героя повсюду сопровождает оператор с компактной камерой. Нередко ему приходится выполнять те же кульбиты, что и нам. Ребята явно не знали, на какую работу соглашались.

Иногда операторы отстают, тогда им приходится срезать путь, чтобы догнать подопечного. Представляю, как смешно это выглядит со стороны, но смеяться не хочется. Когда мой оператор в очередной раз «теряется», я наконец достигаю этапа с цифрой «5». Схватив сиреневую ленточку, пристегиваю себя наугад к одной из веревок и устремляюсь дальше. Если ошибся, могу снова оказаться на старте первого этапа...

Мне повезло. Вскоре стало ясно, что к финишу я иду первым. Долгожданная, желанная, обязательная, самая главная из всех одержанных мной здесь ПОБЕДА! Подбегаю к финишной ленточке и понимаю, что здесь когда-то уже был. Ну, точно, на втором этапе, когда попал в тупик.

Такой огромной радости от победы я еще не испытывал. Вскоре подтягиваются остальные. Последней приходит Наташа. Она так и не нашла дороги, и ей разрешили отстегнуть карабин. Наташа явно расстроена, но бодрится. Неожиданно для себя спрашиваю: «Все по-честному?» Она не понимает смысла вопроса даже со второго раза и раздражается. Для меня же главное, что она уйдет с острова раньше меня. Я добился этого назло всем и всему и сделал это по-честному.

В лагере на остывших углях стоит сковорода. Пирог, конечно, подгорел и остыл, но аппетит у всех зверский, сразу приступаем к еде. Наташа сочетает прием пищи с философскими размышлениями. Она все время что-то негромко бормочет, словно молится, обращается к куску пирога, к пеликану, будто никого вокруг нет. Так уже было на Тортугас. Тогда она любила называть себя аутсайдером и разговаривать (в нашем присутствии) с неодушевленными предметами, словно нас и нет рядом.

Одинцов явно не ожидал, что защитный тотем в третий раз подряд окажется в моих руках. Он какой-то потерянный, даже забыл меня поздравить, от чего мне становится еще веселей. Обожаю удивлять людей. Особенно когда удается добиться невозможного, как это и произошло сегодня. Одинцов сзывает альянс на экстренное заседание в лесок. Перед тем как идти, Инка, пока Одинцов не видит, радуется меня репликой: «Кощеюшка ты наш!» Наташа не спеша складывает вещи. Чтобы не раздражать ее рвущейся наружу радостью, ухожу на прогулку.

Прохаживаясь по берегу, обдумываю сложившуюся ситуацию и постепенно понимаю, что предаваться эйфории не стоит. По правилам игры, когда героев остается пятеро, конкурсы должны проходить каждый день. Таким образом, племя ежедневно будет терять (или избавляться от?) одного человека. Следующий конкурс состоится уже послезавтра, а ситуация остается для меня критической. В альянсе, который по-прежнему сплочен, еще четверо, не могу же я бесконечно выигрывать конкурсы, когда-нибудь удача отвернется от меня. И все же в глубине души тлеет надежда, что с приближением «золотого» финиша ход игры может измениться. Должен ведь кто-то из руководящей тройцы первым начать свою игру? Один сундук на троих не делится.

Вечером случайно набредаю на Сакина, который дает интервью журналисту. Согласно правилам игры и этикета, участники не должны слышать речь своего соплеменника. Но так получилось, что я слышу фразу, которую Сакин (увидев меня) даже повторяет дважды: «Да-а-а, все хороши, но даже Кощеюшку придется когда-то схавать». Приятно, что Сакин при моем появлении не стал менять тему разговора, а произнес эти слова, глядя на меня. словно извиняясь.

С утра неплохая погода, но Сакины продолжают хандрить. Я даже начинаю избегать Ани, потому что она все чаще нервничает. Мы впервые едва не ссоримся из-за какого-то пустяка. Всегда раньше вежливую Аньку сейчас трудно узнать. Наши контакты в последнее время почти прекратились. У меня ощущение, что она боится приближения развязки, распада альянса, в котором ее Серега играет не последнюю роль. Дело не в деньгах. Насколько я узнал Аню, человек она очень совестливый и тонкий. Она предчувствует, чем могут обернуться интриги внутри альянса, а потому и нервы сдают.

Пока Сакин отлеживается на берегу, у меня появляется шанс сходить за почтой. Мелочь, но приятно быть даже на время восстановленным в своих правах.

Аудитория, правда, для оглашения новостей маловата. Сидя у костра втроем, обсуждаем очередное сообщение о предстоящем конкурсе, продолжаем готовить. Вскоре появляется Сакин, а за ним и Наталья, воспрянувшая, кажется, духом. Миску желтого теста из плода хлебного дерева она несет, пританцовывая, на голове. Инна в восторге от зрелища, остальные отворачиваются.

После завтрака решаю обратить свою энергию и радость от ухода Наташи в нечто материальное, а именно хочу сделать стол. Не оповестив никого о задумке, приступаю к работе. Племя с удивлением наблюдает за моей бурной деятельностью: игре-де скоро конец — чего суетишься? Установив треногу, начинаю прибавлять к ней ту самую злосчастную крышку, что уцелела после драматической ночной гибели ящика. Одинцов, не выдержав, откладывает энциклопедию, которую только что читал, и выбирается из хижины.

— Ох, Ваня, Ваня. Хотел я отдохнуть....

— Да ты спи, кто мешает? — мне действительно помощники не нужны.

— Да с тобой разве уснешь, — полушутя говорит Одинец.

Вместе доделываем стол. Честно говоря, не хотелось завершать работу на пару с Серегой. Слишком велика опасность перехвата инициативы и авторства. Если он берется за что-либо, то постепенно начинает не грубо, но все же руководить, причем его команды воспринимаются помощниками обычно без особых споров. В данном случае мне не хотелось оказаться в роли помощника. Идея-то моя, реализовать ее смог бы без всякой помощи.

Конструкция получилась крепкая и какая-то домашняя. Не хватает только табуреток. Одинцов ушел, полагая, что работа завершена. Как бы не так. Я начинаю крошить ставший лишним второй плот, чтобы добыть самый прочный стройматериал в наших условиях — бамбук. Из него хочу соорудить лавочку. Лавка получается длинной, как раз для пятерых. Но на всякий случай с других сторон стола стоят сундуки, на них тоже можно сидеть.

Идея со столом Наташе с Инной так понравилась, что они решили присоединиться к творчеству. Инна предложила повесить люстру над столом. В этом качестве выступает маска из тыквы, что я вырезал на Halloween. Наташа красиво сервирует стол, расставляет на нем бамбуковые кружки. В один из кубков она вставила цветы. Получилось великолепно. Хорошо иметь домик в деревне.

Но и на этом я не останавливаюсь. Старые кружки из бамбука дали течь, надо сделать новые. Продолжаю добывать плот, от которого осталось не более трети. Все соплеменники, кроме притихшей Тэн, пошли гулять — погода стоит великолепная. Наташа просит сделать ей кубок на память. С удовольствием быстро выстругиваю чашку, лишь бы отстала. Но это, похоже, только вступление.

— Вань, я хочу сказать, что ты очень хороший человек. Я извиняюсь за свое поведение на Тортугас и не обижаюсь на тебя из-за Бориса.

— Я тоже жалею о своем голосе против Бори.

— Да, да, послушай. Мне жаль, что мы с тобой не успели подружиться за это время. Может, нам просто кто-то помешал. Но главное, что ты должен знать, такие, как я, очень нужны. Я очень полезный человек, Ваня. Вчера вечером я долго размышляла об игре, о том, кто достоин звания «Последний герой». И поняла: я должна помочь тебе. Понимаешь, это ты должен быть им. Пойми, такие, как я, для этого и существуют! Если бы не было таких вот Наташ Тэн, да, трудно пришлось бы таким, как ты. Я живу для того, чтобы прикрывать своим телом хороших людей.

Пафос прет из ушей, но я стараюсь не смеяться, поражаясь лишь очередному «прогибу» Наташи. Это ж надо. Жертва ты наша... Невостребованная.

— Ваня, если не проголосуешь сегодня против меня, обещаю, что помогу тебе! — добавляет Наташа почти шепотом, логичным и ожидаемым образом завершая свой страстный монолог.

— Спасибо, я подумаю.

Интересно, с кем она еще вела переговоры? Ради кого еще она намерена принести себя в жертву? Рассказывать об этом разговоре бессмысленно и даже опасно. Зная Наташу, вполне могу предположить, что она может так извратить суть дела, что все обернется против меня. Но рассказать так хочется! Наконец жертвам Наташи придет конец. Сначала самопожертвование во имя Нади, потом — во имя Сергея Терещенко... Затем Одинцов, потом еще раз Надя. Я не хочу оказаться в списке обманутых.

Совет решает судьбу Наташи. Тэн больше нет на острове.

Глава 26

Повидло в ведре и шоколад в яме. Грязные трюки Одинцова. Костер и пятеро на берегу.

Вернулись в лагерь пятеркой. Я изо всех сил пытаюсь не выдавать свою радость, чтобы не вызвать раздражения у грустной Инны. У Одинцова в последнее время постоянно удрученный вид. Его, видимо, гнетет, что тотем прописался у меня.

Ужин делаем на скорую руку и быстро укладываемся спать. Лежа в спальниках и гамаках, болтаем, как пионеры в лагере после отбоя. Обычно племя засыпает без продолжительных разговорчиков, сегодня — исключение. Больше всех говорим мы с Сакиным. Серега немало путешествовал по Европе, написал книгу о своем пребывании в Англии. Пришлось ему на туманном Альбионе не сладко, даже местные законы с приятелем нарушали. У меня тоже есть скромный криминальный опыт. Обменявшись историями на эту тему, заметили с некоторым опозданием, что соплеменники уже давно слушают нас с весьма увядшим интересом.

На следующий день Инна чуть ли не на ушко мне говорит: «Некрасиво хвастать такими фактами биографии. Их нужно тщательно скрывать, уж коли они были». В ее словах забота, а не укор. Мне становится немного стыдно, хотя речь вчера шла о довольно безобидных шалостях. Причем, чтобы не ударить в грязь лицом перед Сакиным, я даже несколько приврал, чтобы покруче выглядеть. Интересно, Серега рассказывал только правду и еще раз правду или тоже...

С утра нас ждет сюрприз. «Боги» решили сами развлечься и нас повеселить: нам предлагают не вставать с места, «пока сюрприз не войдет в лагерь». Заинтригованные необычным началом дня, остаемся в спальниках, острым.

— Сейчас Дед Мороз придет.

— Да нет! Здесь за хозяина Санта-Клаус.

— А может, сам Бодров? Придет и скажет, что денег на съемку и на билеты домой не хватает....

Вскоре замечаем чужака. Иначе как вторжением происходящее не назовешь. Мы настолько привыкли владеть этим домом, лагерем, берегом, что появление незнакомца странно действует на нас. Темнокожий человек подходит к хижине, в руках у него.... Поднос с едой! Елки-палки! Что это может значить? «Боги» должны понимать, как сильно рискует этот парень, проходя мимо Акул с едой в руках. Но пришелец ведет себя странно. Обогнув хижину, он приближается к Сереге Одинцову и внятно произносит: «Завтрак, мистер Одинцов!»

Вручив принесенное, официант быстро удаляется. Интерес к нему утрачен. Все внимание — на поднос. На нем настоящий хлеб, стакан сока, масло и джем! Радости нет предела. Как мало нужно человеку для счастья! Но почему именно Одинцову выпала такая честь? Мы тоже хотели бы услышать в свой адрес «мистер» или «мисс», с приложением в виде завтрака. На подносе записка: «Последнему в последнем испытании». Поразмышляв, вспоминаем, что последней в конкурсе с веревками была Тэн. Но так как ее уже с нами нет, завтрак вручили предпоследнему — Одинцову. Нет, определенно в наших «богах» есть что-то человеческое. Естественно, завтрак делится на пять частей. Жить стало лучше, жить стало веселей.

Утренняя почта выглядит очень странно. Это ведро с темным содержимым плотной консистенции. Расслабившись после приятного сюрприза «богов», мы предполагаем поначалу, что это шоколад или сливовое повидло. Более тщательное исследование убеждает, что перед нами обыкновенная грязь. Разочарованию нет предела. Разозлившийся Сакин, чертыхаясь, относит ведро подальше от лагеря и выбрасывает его. Что означал странный привет свыше, мы узнаем лишь во время очередного конкурса.

Каков приз — пока секрет, но догадываемся, что вчерашнее меню как-то с ним связано. Конкурс противный, «боги» постарались. Перед нами яма с грязью, по краям которой стоят ведра с нашими именами. Нужно наполнить их содержимым этого болота, не используя при этом руки. У кого больше грязи, тот победил. Даже не хочется думать об этом, но, похоже, для достижения победы придется нырять головой вниз. Ведь именно волосы могут стать лучшим «накопителем». В наиболее выгодном положении Инна и Аня, прически которых куда богаче наших, но не думаю, что девушки способны на такую жертву.

Ринулись в болото. Первоначально я намеревался счищать грязь только с тела, но азарт заставляет все же нырнуть. Темная жижа залепляет глаза, уши, растекается по голове. Инна с Аней — вот сюрприз — тоже ныряют! Да еще как, почти с разбега! Оригинальная тактика у Одинцова: он растопыривает пальцы, словно защищающийся краб клешни. Сгустки грязи задерживаются между пальцами, но за нарушение правил он получает от Бодрова предупреждение. После третьего заплыва в эту клоаку, когда мы уже успели от души посмеяться над собой, замечаю, что Сакин по ошибке счищает свою драгоценную жижу в мое

ведро. Провокация? За это нас могут снять обоих. Но реагировать не спешу. Ага, грязь стекла, теперь можно: «Сергея! Это же мое ведро!» Сергей ужасно пугается и убегает. Смешно. Первый конкурс, где можно посмеяться над собой и соплеменниками. Акулы, барахтающиеся в луже, это сильное зрелище.

Вскоре Бодров снимает Одинцова с соревнования все за ту же хитрость с растопыренными пальцами. Могучий вождь альянса обижается, как ребенок: «Я ничего не делал! Она сама прилипает! Я вот так пальцы расставляю, а она прилипает прямо кусками! Могу показать». Сергей рвется назад в лужу, ему есть что терять — грязи набрал больше всех, но Бодров неумолим: фаворит выбывает из гонки за неведомым призом. После взвешивания ведер победителем признается супермодель Инна. Она самая грязная и все равно самая красивая. Моя тара легче всех, но конкурс был таким смешным, что я не расстраиваюсь из-за проигрыша.

Тем временем грязь начинает застывать. Глаза щиплет, кожу стягивает. До моря метров пятьдесят. Грязные Акулы, одна из которых даже на бегу продолжает возмущаться местными нравами, несутся на берег. В коралловых расщелинах водятся морские ежи, но до них ли нам сейчас. Отплываем от берега подальше. Там, где только что приводили себя в порядок, уже мутное болото. Грязный шлейф долго сопровождает в море каждую Акулу.

Как и следовало ожидать, призом стало кратко-срочное возвращение в цивилизацию, в ресторан. Инне надо принарядиться, поэтому спешим домой. Одинцов постепенно отходит после своей неудачи, но окончательно забывает о якобы допущенной по отношению к нему несправедливости только после вопроса обидевшейся Инны: «Так, Одинцов, я не поняла, ты не рад, что я победила?»

Видимо, ей неприятно, что Одинцов мрачнеет после чужих побед.

Полоская одежду в море, замечаю Инну, уходящую из лагеря с гитарой. Интересно. Минут через пять отправляюсь на ее поиски. По звуку гитары сделать это нетрудно. Инна сидит в заброшенной индейской хижине, перебирает струны и негромко поет. Не хочется мешать, но мне так давно хотелось поговорить с ней наедине. Трудно начать разговор. Раньше мы никогда не общались вне лагеря. Инна рассказывает немного о себе, потом говорит, что считает меня очень честным, хорошим человеком, советует бороться до конца.

Наши отношения и раньше были хорошими, но теперь мы стали заметно ближе. Как же повезло и одновременно не повезло, что все оставшиеся на острове так мне симпатичны. Быть в такой ситуации вместе с неприятными людьми, конечно, плохо, но их и вычеркивать не так больно. Что лучше — большой вопрос.

Провожаем Инку в ресторан и, разумеется, просим ее не забывать о голодающих Акулах. Хотя слабо верится, что честная Инка сможет стащить что-нибудь для нас. Перекусив, разбредаемся по излюбленным местам: Сакины на берег, Одинцов читает в домике энциклопедию, я грызу тростник у костра.

Поздно вечером появляется Инка. Чтобы лодка с драгоценным грузом не проскочила мимо нас, зажигаем на берегу огромный костер и бегаем вокруг него, размахивая факелами. Лодка выныривает из темноты. На ее борту наевшаяся Акула Инка. Даже при свете факелов видны ее глаза, в которых отражается большая часть составленного нами когда-то меню. В руках у Инны пять шоколадок и пять маленьких бутылок пива. Как мы обрадовались! Сакин бежит за спальниками, расстилаем их у костра, усаживаемся, начинаем расспрашивать Инну.

Так хорошо нам впятером еще не было. Царит атмосфера дружного пионерского отряда. Опираясь спиной друг на друга, мы устраиваемся на спальниках удобнее. Инна рассказывает про ресторан. Скоро все закончится, а мы так и не знаем, как живут нормальные люди на других островах. Еще Инна рассказывает об увиденном ею пробном варианте первой телесерии о наших приключениях. Так здорово вспоминать нашу высадку! Мы наслаждаемся рассказом Инны, увидевшей нас другими глазами. Как же мы все изменились! Как изменилось ко мне отношение Одинцова и Сакина, которые хотели слопать меня!

Мне кажется, сейчас они воспринимают меня не просто как опасного соперника, но и как равного им. Инка говорит, что, как бы дальше ни сложилась игра, мы не должны терять друг друга в цивилизации. Мы должны остаться друзьями, каких в обычной жизни не бывает. Ведь мы через такое прошли и продержались на островах дольше всех. Мы — последняя пятерка

Тибуронес. Пятерка, в которой нет врагов, а есть люди, готовые на время забыть об игре, советах, голосах и альянсах.

Монолог Инны, от которого наворачиваются слезы, а по телу растекается тепло от снятого напряжения, перебивает долго молчавший до этого Одинцов. Обычно он поддакивает словам Инны. Давно не секрет, что Инка — мозг альянса. Она не хочет быть лидером, но помогает Одинцову быть им, часто советует. Иногда эта пара очень похожа на мудрую маму с большим, сильным, быстро впитывающим новые знания ребенком.

Одинцов говорит, что считает нас всех хорошими людьми и ему противно голосовать против любого из нас. Он говорит об уважении ко мне. Ему кажется, что в этой гонке за сундуком он временно потерял рассудок, который ему теперь пытается вернуть Инна. Это настоящий крик души. Инка обнимает Одинцова за голову, а тот продолжает рассуждать: «Правда, ребята. Я вас всех люблю. Я так рад, что мы впятером здесь остались. Извините меня, если я вас когда-то обидел. Правда». После сказанного воцаряется долгое молчание — Серега озвучил наши мысли.

Стволы бамбука взрываются в догорающем костре. Пора спать.

Глава 27

Тягостная ночь, безрадостное утро. Я теряю часть шевелюры, но Акул это не спасает. Возвращение на плот. «Сомневающиеся могут остаться». Нужна ли краска на необитаемом острове?

Ночью внезапно просыпаюсь от ужасного, непривычного для этих мест холода. К тому что ночью одежда на нас мокрая, мы привыкли, но сейчас она еще и холодная. Проблемы с внезапно поменявшимся климатом испытываю не только я, но расположившиеся на плоту не чувствуют страшного ветра, который продувает все насквозь. Лежу и дрожу, как цуцик. Что это за животное такое, не знаю, но если уж мне так холодно и тоскливо, то представляю, что он пережил. Заснуть не получается не только потому, что ливень безумствует, но и из-за странного ощущения, что морские волны разбиваются совсем рядом со мной. А вдруг береговую полосу полностью размыло и сейчас под моим гамаком вода?

Рядом ворочаются Сакины. Бедный Серега. Он пытается прикрыть Аньку своим телом, хотя сам наверняка уже посинел от холода. Эта погода совершенно некстати для наших захворавших. «Надо просто пережить эту ночь, — объясняю я сам себе. — Это испытание, которое надо пройти, чтобы победить». Я стискиваю отскакивающие друг от друга из-за холода зубы. После едва слышных переговоров на плоту, из которых понятно только, что Серега волнуется, а Инна о чем-то жалобно просит его, огромная фигура Одинцова поднимается. Он хочет заделать дыру, из которой страшно льет дождь. В ход идут спальники, желтые плащи, все, что угодно, только чтобы отвести в сторону холодный дождь, а Инна успокоилась.

Такого паршивого утра припомнить не могу. Никто и не думает вылезать из мокрых спальников. Хотя у нас их шестнадцать штук, ни одного сухого не осталось. Дождь идет уже часов восемь кряду, везде лужи и озера. Все лежат, уткнувшись в спальники, дрожат от холода.

— Ну что, вставать будем? — ни к кому не обращаясь, спрашивает Одинцов.

— Я, кажется, болею, — уклоняется Инна.

— Анька тоже пусть лежит, — вступает Сакин.

— Пусть дамы остаются в доме, а мы попробуем развести огонь. Может, поесть приготовим, — включаюсь я в светскую беседу.

— Пошли. — Одинцов наконец решил.

— Надо еще крышу опустить с этой стороны, — предлагаю я как лицо, наиболее пострадавшее от несовершенной крыши.

— Тогда ты займись крышей, а мы с Одинцом — костром. — Сакин тоже встает.

В поисках сухих дров проходят первые полчаса. Тем временем Сереги продолжают ломать плот. Бамбук — незаменимая вещь в этих условиях. В любой дождь он внутри остается сухим, а значит, горючеспособным. Тем временем Сереги устанавливают: зажигалка от сырости приказала долго жить. Невеселое известие перевариваю наверху, продолжая совершенствовать

крышу. Дождь заливает глаза. Время от времени глотаю пресную воду, льющуюся с неба, и продолжаю подрубать крепление крыши. Огромная конструкция трещит от напряжения, держится только на одной веревке. Испещрив пальму порезами, наконец справляюсь с распоркой, и она оседает по пальме до ее изгиба. То, что надо: теперь я защищен от ветра с моря.

Ребята продолжают попытки добыть огонь. Это уже не раз испытанное ощущение, когда безумно хочется тепла или света, но ты не в силах получить желаемого, никогда не забуду. Вот когда понимаешь, что означает слово «НЕВОЗМОЖНО»; когда чувствуешь свое бессилие и злость, а порой и отчаяние. Абсолютно все промокло и отсырело, а для того чтобы разжечь костер, нам позарез нужно что-нибудь относительно сухое, годное на растопку. Обшарив все вокруг, два Сергея приходят к оригинальному решению: они хотят одеколоном смочить клочок волос и использовать его в качестве легковозгораемого твута.

Девушки от идеи обезумевших от холода парней приходят в шок. «Мы свои волосы не отдадим», — испуганно заявляют они в один голос. Ребята и не настаивают, они уже смотрят на меня. Я даже не сразу понял, чем вызван их интерес к моей персоне. Прощание с частью шевелюры мне далось значительно легче, чем нашим девушкам, сраженным находчивостью и жестокостью Сергеев. Смочив одеколоном прядь, мы сгрудились вокруг стола под навесом. Бамбуковый футляр со спичками я позавчера отдал Одинцову. Как и все Акулы мужского пола, я точно знаю, что осталось две спички. Если повезет, хватит на все оставшееся время.

Серега лезет в карман за футляром, все молчат в ожидании чуда. Каждое движение Сереги под пристальным наблюдением. Он не торопится. Спешка здесь ни к чему. Он достает бамбуковый тубус, переворачивает его, оттуда сначала выливается вода и лишь затем выпадают две размокшие охотничьи спички. Гробовая тишина сопровождает это действие. В маленькой лужице на руке Одинцова лежит наша надежда на тепло.

Его, понятное дело, никто не ругает. Не потому, что он лидер, а потому, что ссориться в нашем положении — последнее дело. Мы просто разом отворачиваемся от того места, где только что сгрудились. «М-да...» — крикает каждый потихоньку. Лучше подумать о том, как решить проблему. В душе проклиная себя за то, что отдал ему спички. Раньше они всегда были под моим контролем. Я заворачивал их в две банданы, надевал на них презерватив, паковал в полиэтиленовый пакет и прятал в рюкзак. Халатность Одинца непростительна тем более, что я лишился части волос. Девчонки выглядят просто ужасно. Обе бледные, видимо, температурят. У Аньки к тому же раздулась губа. Сакин тоже болеет, но не признается, чтобы не показать слабости.

— Ночью, похоже, застудил почки, — жалуюсь я.

— Ты почему на плот к нам не перебрался? — Анька подает наконец признаки жизни.

— Я думал, что там места нет.

— Ты что?! Здесь ввосьмером раньше помещались. Лезь к нам.

Без лишних уговоров перебираюсь на более теплый плот. Там также мокро, но не задувает ветер. Видимо, пришел долгожданный сезон штормов. Долгожданный он потому, что мы уже давно предвидели похолодание и ветры с непрекращающимися дождями. Лежим все вместе. Шведская семья, да и только.

Сегодня по расписанию конкурс. Мы надеялись, что он не состоится из-за непогоды, но «боги» непреклонны. Чуть ли не пинками нас выгоняют к лодке. Все мокрые, грязные, больные и злые на все вокруг, но только не на соплеменников. Мы сейчас дружны, как никогда. Интересно, что за конкурс можно провести в таких условиях? В почте говорилось что-то о равновесии...

Ответ не заставляет себя долго ждать. Нам предстоит под дождем стоять в море на пяти жердочках, сдвинутых вместе. Периодически Бодров будет вынимать из них одну за другой. Последний устоявший получит тотем.

Этот конкурс значит для меня так же много, как и предыдущие, и в то же время уже привычного драматизма ситуации я не ощущаю. Конечно, я хочу победить в нем, чтобы продолжить свое независимое шествие к победе. Но если этого не произойдет, я не буду потрясен поражением так сильно, как это могло бы случиться раньше. Да и поражением это вряд ли теперь назовешь. Слишком трудно, а скорее, невозможно пробиться сквозь ряды этого

могучего альянса, даже если я выиграю сегодня, завтра... Рано или поздно я проиграю, и судьба моя будет решена.

В морской воде гораздо теплее, чем на суше. Мы это почувствовали, когда вплавь добирались до жердочек. Дождь не прекращается. Как операторы будут снимать нас — непонятно. И не жалко им оборудования. Вскарabкиваемся на доски, стоим. Держаться друг за друга нельзя, значит, нельзя и погреться теплом соседа. Устроившись на досках, как продрогшие воробушки, боремся со сном (ночка еще та была!) и дрожью в теле, которая может стать для кого-то роковой. Самое заветное желание: сбежать на берег, чтобы спрятаться там от дождя и ветра, — но еще больше хочется просто победить. И дело даже не в тотеме.

Пытаемся вести беседу, но, когда начинают постукивать зубы, замолкаем. Одинцов, как всегда, шутит. У него хорошее чувство юмора, может, поэтому люди так тянутся к нему. Но сейчас не лучшее время для шуток. Смеющемуся легче потерять равновесие, а острослова могут обвинить в провокации. Рассмешил же я как-то нечаянно Аню под водой, и чем это закончилось... Без нужды стараемся не двигаться. Проблема еще и в том, что на воде труднее ориентироваться в пространстве. Но пока никто особых трудностей не испытывает, только очень холодно. Все шмыгают носом, сдувают с него капли дождя. Обстановка становится несколько натянутой, но Одинцов неожиданно разряжает ситуацию. «А может, ну его на фиг? Давайте все на берег? Попрыгаем разом в воду, и пусть определяют, кто последний. Не-е-т, я знаю, кто-то обязательно останется! — смеется Серега. — Помните, — продолжает он, — как в фильме „Иван Васильевич меняет профессию“?! Оп! Все прыгают, а один остается».

Ожившая сцена из фильма заставляет нас хохотать, но мы вежливо отказываемся от заманчивого предложения: «Сереж, давай ты первым?!» После вчерашнего разговора у костра тема альянсов и расклада голосов не является запретной: «Может, тот, кто уверен, что его не съедят, слезет, а сомневающиеся останутся?» — выдвигает Одинцов новое предложение. Самое приятное, все адекватно реагируют на его шуточки. Мы уже доказали себе и другим, что мы не волки и не враги друг другу. Уйти теперь — не значит проиграть. Главное — уйти не уронив достоинства, а значит, победить свою слабость и доказать оставшимся Акулам свою дружбу.

Примерно через полчаса к нам с берега направляется Бодров. Он беспардонно обрубает веревку, державшую доску под ногами, и вынимает ее, но на нашем равновесии это практически не сказывается. Сакин даже ухитряется крутиться на месте, так как это единственный способ согреться. Другие стоят неподвижно. Сказать точно, что случилось в следующую секунду, не берусь. Кажется, Сакин резко повернул голову, чтобы смахнуть с лица капли дождя. Слышен шлепок — и он в воде. Перед падением Сергей инстинктивно хотел зацепиться за Аньку, стоявшую рядом, но вовремя понял, что это не лучшее решение. Падение выглядело смешно, но никто не смеется. Нам жаль Серегу, который удивлен случившимся больше всех. Он плавает вблизи, смотрит на Аньку большими глазами, подбадривает. Бодров прерывает эту семейную сцену и отправляет его на берег.

Через час четыре претендента стоят уже на двух жердочках. Напряжение нарастает, судороги знакомы теперь всем. Холод согнул меня в три погибели, трудно удерживать равновесие, я едва не падаю. Бодров медленно подходит и чрезвычайно осторожно вынимает предпоследнюю жердь. Первым через секунду падает Одинцов, вторым — я. Все происходит так быстро, что я не успеваю осознать произошедшее. Хочется только одного — тепла. Впервые желание победить отошло на второй план, а на первом оказались страдания физические.

Девчонки стоят. Чтобы не мешать им, быстро удаляемся. Можно пойти под навес, чтобы погреться, но мужики сидят на берегу. Такое зрелище! Две красавицы стоят в море лицом к лицу, пытаясь удержать равновесие. Их красивые тела напряжены, от восхищения захватывает дух. Они простояли еще минут десять! Потом упала Аня. Инка продолжает балансировать на единственной жердочке. Кажется, что она не слышит нас: «Конкурс закончился, Инна! Слезай, пойдём греться! Быстрее!» Наконец Инка падает в море. Сереги бегут навстречу девчонкам, чтобы вытащить их поскорее из воды. Вернувшись, они подходят ко мне, и мы пятером крепко обнимаемся. Наплевать на съемки, мы не слышим Бодрова, мы хотим тепла. Единственный способ: крепче обняться. От голода, усталости и напряжения всех покачивает. Крепко сцепившись, пятерка, виляя из стороны в сторону, уходит с берега.

Еще когда ждали завершения конкурса, Сакин решительно потребовал от «богов» чего-нибудь горячего хотя бы для девушек. Подействовало. Нам приготовили горячий чай, но сахар зажали. Стоим под навесом, наслаждаемся каждым глотком ароматного напитка. За нами пристально наблюдают ошалевшие от нашей терпеливости и выносливости люди. Среди них много аргентинцев, которые следят за правильностью проведения игры и съемок. В их глазах читается неподдельное восхищение. Говорят, что, когда я в одиночку вытащил сундук из воды, выиграв у Лагартос, они прозвали меня ихтиандром. Большой тогда был переполох.

Но сегодня подвиг мне не удался. Настроение — под стать ситуации, но посыпать пеплом голову — желания нет. Испытание было уж больно необычным, сбивающим с толку. Но самое главное: страдания от голода и холода настолько сильны, что не дают разбушеваться переживаниям душевным.

Наши голодные глаза неустанно оглядывают все вокруг. Там, где есть цивилизация, должна быть и еда. Это умозаключение давнее и многократно подтвержденное практикой. Тактика прежняя: для добычи провианта требуется слаженно работающая пара. Мы с Одинцом начинаем прохаживаться вокруг оборудования для съемок. Здесь же валяются разные ящики. Из одного из них Бодров достает пачку печенья. Слух моментально подсказывает, что в этом ящике еще много шуршащих упаковок. Дождавшись, пока Бодров отвернется, я вылавливаю пару пачек, и мы с Серегой бежим назад. Представляю, как некрасиво это выглядит со стороны. Но мы — Тибуронес. И нам невероятно хочется есть, а некоторым еще и курить. Одинцов опустошает чью-то пепельницу, а я прячу две банки, надеясь, что там кофе. На этом воровская удача от нас отворачивается. Владимир Легошин, заметив криминальные ухищрения, укоризненно произносит: «Э-э-э, отцы, что ж вы творите?»

Нам стыдно. Но не только оттого, что нас едва не схватили за руку. Стыдно еще и перед соплеменниками, что не в полной мере реализовали шанс добыть немного больше еды.

По приезде вскрываю банки. Разочарование беспредельно — внутри краска. Прячем окаянные железяки, пока операторы не появились.

Глава 28

Шторм. Тринадцатый подвиг Геракла. Мы теряем ловушку. Сваты не пришли, но свадьба состоялась.

На море шторм. Весь день, не переставая, идет дождь. Наша последняя надежда разжечь огонь — маленькая бутылочка с керосином на дне (подобрана в ходе факельного шествия) и зажигалка, дающая искру. Тщательно подготовившись, Одинцов — он теперь отвечает за огонь — выливает керосин и пытается извлечь искру. Как ни странно, у него получается! Мы быстро подтаскиваем дрова и разводим неплохой костер. Первым делом ставим на него котелок, чтобы нагреть воду. Параллельно Сакин пытается высушить одежду, размахивая ею над пламенем. В рубашках и майках то и дело прожигаются новые дыры, но нам не на парад идти. В воду бросаем рис, бананы, плоды хлебного дерева — все, что есть. Получается довольно страшного вида каша.

Надо бы сплавать и проверить ловушку. Я пообещал это сделать, когда при возвращении на остров делили обязанности. Сейчас жалею о сказанном, но что поделаешь. Сакин готовит, Одинцов отвечает за костер. Хватаю ласты, маску и под крики Ани — «Куда ты, дурак, собрался в такую темень?!» — убегаю из лагеря. По дороге встречаю невеселых операторов, им в такую погоду работа тоже не сахар. Они провожают меня удивленным взглядом, но сказать ничего не успевают. С берега пытаюсь определить местонахождение буя, под которым лежит стальная сетка. Темнота и волны под два метра не позволяют мне обнаружить на воде красный спасжилет. Куда плыть — непонятно. Радуясь в душе, что есть достойное оправдание, возвращаюсь в лагерь.

Племя забирается под навес, но очевидно, что импровизированной кашей никто не наелся. После дальнего похода в джунгли осталась еще связка бананов. Интересно, можно с ними что-то сделать? Вставать никому не хочется, но надо. Тем более, что ливень уже не так свирепствует. Но едва начинаю укладывать бананы плотным рядком на угли, вновь начинается

ужасный ливень. Мы прячемся под навес и зажигаем свечи.

Через два часа непрерывного холодного душа, на протяжении которых все громче слышатся голодные стоны, решаюсь выбраться из гамака. Племя этого не замечает, все погружены в собственные страдания. В темноте нахожу то, что раньше было костром. Грязная жижа вперемешку с углями и бананами еще дымится. Достаяю банан, пробую его вместе с кожурой. Вполне съедобно! Бананы дошли до полной кондиции. А мы думали, что все пропало. На огромный поднос, оставшийся после барбекю Одинцова и Снежаны, выкладываю обуглившиеся «сосиски». Их ровно девять, одну я съел. Где-то у нас была соль? Пошарив в сундуках, нахожу ее и высыпаю на поднос.

Со словами «Не, я не понял, вы чего спать завалились?!» вношу поднос в наш домик, едва освещенный свечой. Восторгу Акул нет предела. Уплетая бананы, они называют мой сюрприз тринадцатым подвигом Геракла. Ну-ну. Смотреть на соплеменников, обжигающих языки печеными бананами, смешно невероятно. Лица и руки перемазаны сажей, голодные глаза горят так, что можно без свечки обойтись.

Всю ночь бушует настоящий шторм. Дождь льет непрерывно, ветер злой и холодный, огромные, судя по звуку, волны безостановочно накатывают на берег.

В хижине слышен кашель заболевших. Здоровых осталось двое — Одинцов и я.

Утром остаемся лежать в мокрых постелях. Костер все равно не развести, пищу не приготовить. Погода ужасная. По территории лагеря скоро можно будет плавать на лодке. Съемочной группе, наверно, тоже приходится тяжело. Обычно в это время с цивилизации приходит катер, чтобы сменить журналиста и операторов, но по такой погоде ни один мачо не согласится выйти в море. Уже вчера были серьезные проблемы с транспортировкой, а сегодня — тем более. Море беснуется, пытаюсь достать нас. О поездке на совет вряд ли может идти речь. Такое впечатление, что нас здесь бросили и забыли.

Лишь по прошествии часа появляется надежда, что игра (игра?!) будет продолжена, а о нас еще помнят. Журналист Саша Замыслов успевает опередить Сакина, намеревавшегося потребовать палатку для заболевших девушек. Он передает нам несколько сухих одеял и маек, а также термос, в котором слабенький кофе. Кофе без сахара, но ГОРЯЧИЙ! Мы узнаем также от Саши, что заседания совета сегодня не будет.

Ближе к обеду отсырели одеяла, бывшие сухими всего пару часов назад. Влагой пропитано буквально все. Любая ткань не может здесь долго оставаться сухой, даже если на нее не попадает дождь, который, кстати, льет, не переставая, уже почти двое суток. Переговариваемся редко. Инна тихонько играет на гитаре, она заметно сникла. Единственное преимущество такой погоды — отсутствие мошек. Эти твари настолько плотно вошли в нашу жизнь, что сейчас все сходятся на том, что нам чего-то не хватает, что-то не так.

Берег совсем размыло. В течение всего времени нашего пребывания здесь береговая полоса меняла свою форму. Сейчас волны иногда докатываются до лагеря, добавляя в лужи все новые порции воды. Флаг «Тибуронес» смыло, его прибило волной к зарослям. Остаться в хижине больше нет смысла, тем более что дождь сбавил обороты. Первым делом поднимаем флаг. Пытаюсь собрать выстиранную недавно одежду, разнесенную ветром по всему лагерю, понимаю, что многие вещи уже безвозвратно потеряны, а стирку можно начинать заново. Парашют еще выполняет отчасти функции крыши, но неохотно — явно настроен улететь куда подальше. Стропы настолько напряжены ветром, что некоторые из них уже оборвались со страшным свистом. Ну, ничего, авось еще денька три продержится. Нам больше и не надо. Все сильнее греет мысль, что спустя несколько дней все закончится. Да, позже, вероятно, нам будет многого не хватать из этой нынешней жизни, но сейчас мы настолько измотаны недоеданием и холодом...

Страшно подумать: мы прожили здесь уже тридцать шесть дней! Невероятный срок, хотя у всех ощущение, что дни пролетели сказочно быстро. Думаю, никто не мог предположить, что продержится на острове так долго, и у всех ощущение совершенного подвига.

Только на острове я понял, как страшен обман. Оказавшись тут, невозможно долго прятать лицо под маской. Все как на ладони. Хотя, казалось бы, ничего страшного из-за того, что один обманул другого, не произошло. Все живы-здоровы, возвращаются в цивилизацию... Все учили в детстве стишок про «что такое хорошо и что такое плохо», но здесь границы между

этими понятиями прочерчены намного резче.

Трудно сейчас определить стратегию своей игры и поведения в племени. После костра на берегу эти вопросы существенно потеряли актуальность. И все же от мыслей о предстоящем совете не избавиться. Что он принесет мне? Хотя я впервые за последнее время оказался без защитного тотема, паника или подавленность отсутствуют. Я уже доказал Игорю и Саше Целованьскому, что могу достойно существовать не только в стае, не только участвуя в сговоре. Главное, правильно рассчитать собственные силы, и не только физические, чтобы определить границы независимости от соплеменников, от которых можно ждать не только помощи и поддержки, но и обмана, интриг.

Члены альянса Одинцова находятся, на мой взгляд, на переломном этапе. Им есть смысл определиться именно теперь, когда нас осталось пятеро. Расклад может быть следующим: Аня и Сережа Сакин против Инны с Одинцовым. Трудно представить их противоборствующими, но все же надо продумать и такой вариант. Я — посередине, и мой голос может стать решающим. Свою готовность к сотрудничеству я однажды Сакиным продемонстрировал. Больше этого делать не хочу — стыдно. Остается ждать, когда одна из половинок альянса «сделает невесте предложение». Сказать по правде, мне все же приятней был бы союз с Сакиными, несмотря на великолепные отношения с Инной. А вообще, нужно сказать, что мои рассуждения гораздо больше смахивают на философствования, нежели на обдумывание тактики. Попросту говоря, расслабился: будь что будет.

Вечером небо остается пунцовым, тучи плотно висят над головой, но дождя все нет. Пользуясь этим, мы с Одинцовым отправляемся за ловушкой. Сейчас для этой несложной, в общем-то, процедуры требуется как минимум два человека. Море слишком беспокойно, чтобы плавать там одному, тем более с тяжелым грузом. Странно, но буйка снова не видно, хотя еще достаточно светло. Волны словно предвкушают наше вхождение в воду. Страшновато, когда они, как звери, кидаются на тебя. Мы заплываем туда, где должна быть ловушка. Вода настолько мутная, что, даже останься ловушка на месте, мы не смогли бы ее увидеть. Только теперь понимаем, что волны вполне могли унести ее вместе с доморощенными якорем и бумом в открытое море.

Для нас это настолько скверный вариант, что мы готовы на все, только бы найти нашу кормилицу. Одинцов плывет вдоль берега и пытается рассмотреть хоть что-то в мутной воде. Волны должны когда-то прибить сетку к берегу, решаю я. Учитывая направление течения в этом месте, иду берегом в расчете найти ее на другом конце острова. Мы еще долго продолжали поиски, боясь признаться, что наша кормилица утеряна безвозвратно. И все же сделать это пришлось. Отныне рыба из нашего меню исключена.

По возвращении пришлось заняться ремонтом хижины. Под завалившийся на одну сторону плот подставили не нужный нам сундук, а с крышей дело обстоит хуже. За ночь на нее упало с дюжину тяжелых кокосов и несколько пальмовых веток, что отнюдь не улучшило ее водонепроницаемости. Зато есть надежда, что крыша не улетит. Хотя после потери ловушки трудно быть уверенным в благоразумии стихии.

Итак, мы потеряли день, но не потеряли ни одного из нас. Впрочем, это заботит теперь Акул куда меньше прежнего. В Тибуронес по-прежнему царит атмосфера дружелюбия. Погода подпортила, конечно, настроение, но это ничто в сравнении с дрызгами, начинавшимися в лагере при каждом приближении совета.

Вечером удастся зажечь костер. Первым делом устраиваем тотальную просушку вещей. За два последних дня прятаться в хижине так надоело, что вечером все долго сидят у костра. Там теплее и суше.

Очередной поход за сахарным тростником дался мне нелегко. После многодневных ливней болото существенно расширило свои границы и затопило в том числе и заросли тростника. Искать их ночью, конечно, авантюра. Сделав шаг, оказываюсь по щиколотку в воде, и чем дальше, тем глубже. Перспектива увязнуть в болоте из-за палочки тростника не прельщает, но желание сладкого перевешивает. Тем более что одежда все равно уже по колено вымокла, зря сушил штаны и кроссовки. На всякий случай нарубил целую вязанку тростника. В темноте ведь не видно, какой стебель хороший, а какой — нет. Появление чумазого тростникового зайца вызвало в лагере бурю шуток и смех. Тоже неплохо.

Утро выдалось пасмурным, но дождя почти нет. Лодочник с трудом доставляет нас до острова, где должен пройти совет. Бедолага, разве мог он предположить, что русские и не подумают затягивать съемки «Последнего героя» из-за какого-то там шторма в три балла?

Не дождавшись «сватов» ни от одной из половинок альянса, резонно предполагаю, что партийцы отложили выяснение внутренних отношений, а для начала все же съедят меня. Умозаключение неприятное, но не более того. Драматизма ситуации, напряжения, хорошо знакомых по предыдущим советам, не испытываю. Мы все теперь другие. И все же, и все же... И все же не исключаю, что половинки могут в последний момент начать противоборство на следующем совете. Вероятнее всего, Одинцов и Гомес будут исключать Сакина, а Сакин и Модестова ополчатся на Одинцова (хотя это может быть и Инна). Тогда победившей паре будет проще добраться до финиша. Итак, Одинцов или Сакин? Против кого из них голосовать? К окончательному решению так и не пришел, отложив его на последний момент. Возможно, их поведение, первые минуты совета дадут дополнительную информацию, тогда и сделаю выбор.

Раньше каждый визит на совет был для нас моментом торжественным и ответственным, о нем много думали, волновались. Сегодня радуемся, что здесь светло, тепло и почти не капает. Все как-то обыденно и, что самое главное, не действует угнетающе.

Видимо, чтобы скрасить нашу однообразную мокрую жизнь, Бодров приготовил сюрприз. Возле него стоит какой-то стол. Это привлекает наше внимание, но никаких идей не порождает. Раз он там стоит, значит, так и надо. Каждый совет Бодров начинает с небольшого обмена информацией. Сейчас он загадочно улыбается и спрашивает у Сакиных:

— Ребята, насколько я знаю, вы звонили в Москву Аниной маме, чтобы спросить у нее благословения на свадьбу?

— Было дело, — с неохотой отвечает усталый Сакин.

— Ясно. Но как вы знаете, чтобы сыграть свадьбу, требуется российский консул или нужно быть гражданином Республики Панама.

— Да, мы в курсе, — кивают Сакины, еще не понимая, к чему клонит Бодров. Мы с изумлением наблюдаем за происходящим. От «богов» можно ожидать чего угодно.

— У вас есть такая возможность — сыграть свадьбу на острове.

— ???

— Вы все еще готовы пойти на это?

— Да! — чуть не кричит Сакин.

— Но вы знаете, что это повлечет за собой исключение одного из вас. По правилам игры муж и жена не могут участвовать в игре одновременно.

— Да. Мы знаем. Это ничего. — Сакин очень волнуется. Анька, кажется, вообще потеряла дар речи.

— Ну, тогда встаньте, сейчас войдет консул!

Ребята в шоке. Не представляю, как бы я себя чувствовал на их месте.

Анька, вставая, покачнулась, но Сакин вовремя подхватывает ее под руку. Есть от чего закачаться.

В свидетели Сакины выбирают Одинцова и Инну. Мне немного обидно, что не участвую в таком важном событии. Все происходит как в сказке. Ребята надевают друг другу на руку кольца, сделанные из кокоса. Еще один вариант их применения! Все условности соблюдены: Сакины — муж и жена! Нам наливают по бокалу шампанского, от которого мы моментально хмелеем. Все настолько растроганы, что даже связного поздравления произнести не могут. Так, лепечут что-то. Сакины светятся счастьем, но в глазах все же читается ошеломленность от стремительности происходящего. Всем нужно время, чтобы прийти в себя, но консул и переводчик удаляются, не допив свои бокалы, а Бодров как ни в чем ни бывало продолжает совет. Выбирать теперь можно только между Анькой и Серегой.

По решению соплеменников с острова уходит Сергей. На прощание он говорит, что без жены ему в цивилизации будет очень скучно. Ясное дело, не хочется сразу после свадьбы оставлять жену в племени Акул. Даже если эти Акулы такие мирные. Анька шутит: «Сакин в своем репертуаре. Женился и бросил. Сам сразу после свадьбы умотал в цивилизацию, а жену оставил». Она выглядит совершенно счастливым человеком, который к тому же невероятно быстро выздоровел. Чудеса, да и только. Простуда прошла едва ли не в самый холодный день.

Глава 29

Великое противостояние на столбах. — Мой лучший друг Таня Семкив. — Землетрясение или цунами? — Одинцов в кустах.

Сразу после совета небо дарит немного солнца и «боги» собираются провести очередной конкурс, чтобы наверстать упущенное, компенсировать потерянный день.

Перед нами четыре столба, на которых надо простоять дольше соплеменников. Держаться можно только за одну из ножек большого тотема, бывшего некогда яблоком раздора между Черепахами и Ящерицами. В общем-то, ничего сложного. Кто дольше выстоит, не получив при этом солнечного удара, — тот победитель. Дружно радуемся, что солнце то и дело прячется за тучи.

Продержались с полчаса, когда к нам приблизился Бодров с подносом апельсинов. Он ставит цитрусовые неподалеку, но, чтобы достать их, надо слезть со столба, а значит, проиграть.

Каждые полчаса у операторов, что нас снимают, заканчиваются кассеты, поэтому отсчет времени вести удобно. Еще через полчаса Бодров приносит четыре стакана апельсинового сока. В это время люди по другую сторону камеры решают подкрепиться. У них тоже по апельсину. Дальше сидят журналисты, фотограф, режиссер, еще какие-то люди. Они, похоже, хотят спать. Смотреть на четверку, забравшуюся полтора час назад на бревна, всем надоело. Люди начинают демонстративно позевывать и укладываться спать. Режиссер Миша Кожухов, находясь от нас довольно далеко, жестами «произносит» целую речь: хватит дурью маяться, пойдемте есть, спать, отдыхать! Жизнь так прекрасна, когда находишься в естественном положении.

Нам смешно и грустно. Мы не сердимся на Мишу, он же не со зла. Просто всем надоело наше ослиное упрямство. Дабы продемонстрировать готовность стоять здесь еще долго, примериваюсь к стакану с соком, что стоит в метре от столба. Выверив расстояние, сажусь на одну ногу и, не отпуская руки от тотема, пальцами другой ноги хватаю стакан и поднимаю его до пояса. Все это происходит на глазах у изумленных Акул и Бодрова. Не спеша, с серьезной миной выпиваю свой сок, предложив сначала его сотоварищам. Одинцов следует примеру и повторяет мой трюк. Девушки на такую дерзкую выходку не решаются. Вдохновленные успехом, мы с Серегой прикидываем, как достать апельсины, но они слишком далеко.

Вскоре в рядах съемочной группы возникает суета. Кажется, не хватает кассет или батареек. Но нам-то что. Мы уже прекрасно приноровились к новому образу жизни. Анька шутит: «Надо было нас на одну ногу поставить!» Шутка оказалась роковой: Бодров внимает ее совету и заставляет нас стать на время цаплями. Но и это не самое сложное испытание, хотя Аню вежливо просим не делать больше необдуманных предложений.

Чувствуем на себе обескураженные взгляды членов съемочной группы. Глядят на нас, как Ньютон на недозревшее яблоко, а нам весело. Бодров продолжает изощряться: предлагает нам опустить правую руку. Это серьезно усложняет наше положение, но мы и к новой ситуации приспособились. Никто сдаваться не намерен. Еще через полчаса операторы отключают часть камер, а журналисты смотрят на нас уже как на ненормальных. Бодров изыскивает новые возможности для ускорения хода испытания. Он повязывает на глаза банданы, мы должны по-прежнему стоять на одной ноге и ни за что не держаться.

Вслепую удерживать равновесие намного труднее. Нога дрожит от напряжения, любой порыв ветра заставляет танцевать и извиваться. Прямо как лобстер в кипятке. Не лучше, видимо, обстоит дело у моих друзей. Но я их не вижу. Глаза слезятся от напряжения. Особенно трудно устоять, когда подходит Бодров. Я вижу его брюки всякий раз, когда он подбирается ко мне вплотную, чтобы рассмотреть, не касаюсь ли я левой ногой края столба. А это иногда происходит, потому что ее трудно сейчас контролировать. Я действительно касаюсь на секунду столба большим пальцем. Бодров пристально следит за мной, но тут падает Инна. Скорее чувствую, чем вижу, как он метнулся к ней, чтобы успеть поймать. Когда падаешь с завязанными глазами, можно не на шутку ушибиться. Инка остается неподалеку от нас,

наблюдает за тремя изваяниями, время от времени извивающимися.

Вскоре слышу возглас Аньки. Она разговаривает чаще других, но я стараюсь не отвечать, чтобы не потерять концентрации. Может, она упала? Не знаю, ничего не видно. Может, я вообще остался один, «перестояв» своих соплеменников? Как хочется в это верить, потому что чувствую: правая нога начинает иногда подкашиваться, что заставляет прыгать или переносить вес тела с носка на пятку. Одинцов тоже предпочитает страдать молча. Бодров продолжает совершенствовать методы пытки: он поочередно расспрашивает нас о жизни, кем были в цивилизации... Мы и тут устояли, в прямом и переносном смысле этого слова. Проходит еще не менее получаса. Порой чувствую себя настолько скверно, что сам поражаюсь, как не упал только что. Уже минут десять, которые показались мне часом, Бодров стоит около меня. Его по-прежнему интересует, не нарушаю ли я правила. И когда я в очередной раз касаюсь бревна, меня снимают с конкурса. Становлюсь на обе ноги, но правая, на долю которой выпало это жуткое испытание, служить отказывается. Я ее не чувствую. Сажусь рядом с Инной. Глаза продолжают слезиться. Может, от банданы, а может, оттого, что меня, как я считаю, несправедливо сняли. Инка пытается меня ободрить и успокоить, а я стараюсь не смотреть ей в глаза.

Гляжу на Одинцова с Анькой и понемногу успокаиваюсь. Они действительно переносят испытание лучше меня. Одинцов не двигается вообще, просто застыл. Анька иногда шевелится, задевая при этом широко расставленными для лучшего равновесия руками такие же «антенны» Сереги. Бодров классифицирует это как нарушение, хотя трудно сказать, кто именно нарушил правила. Анька выбывает из стоячей гонки за тотемом, победу присуждают Сереге. Он соскакивает с бревна и начинает прыгать на «отдыхавшей» ноге. Кажется, еще чуть-чуть — и он бы тоже упал. Защитный тотем впервые достается Одинцову.

О совете никто не упоминает. Наше упорство смешало «богам» все карты, и времени на его проведение не осталось. Надо доставить нас домой, на наш остров, но с этим возникла серьезная проблема. Лодки не могут причалить к берегу — шторм. Приходится отправлять нас на вертолете, который обычно используется для съемок. В нем всего три свободных места. Первыми летим мы с Серегой, потому что хотим к приезду девчонок разжечь костер. Ощущения от полета фантастические. Поразительное ощущение свободы и море адреналина, потому что пилот-австриец обожает летать на высоте не более трех метров от поверхности земли. Он любовно огибает все причуды рельефа. От того, что земля так близко, кажется, что летим с невероятной скоростью.

Давно у нас не было такого хорошего костерка. Серега наслаждается маленькой сигаретой, что они соорудили еще с Сакиным. Я некурящий и эту радость понимаю смутно. Сегодня случай особый: в сигарете настоящий табак! Два Сереги долго собирали его по крошке из подобранных бычков. Затем был процесс просушки, затянувшийся из-за природных катаклизмов, и вот наконец изделие готово к употреблению. Одинцов после череды разом обрушившихся событий выглядит несколько растерянным. Это и свадьба, и уход верного соратника Сакина, и победа на конкурсе. Чтобы не курить одному, Серега предлагает мне принять участие в этом волнующем процессе. Я бы с удовольствием отказался, но сейчас, мне кажется, лучше поддержать Одинцова. Садимся в хате, как это всегда раньше делали два друга. Так близка к завершению наша одиссея, что становится грустно. То ли оттого, что никак не наступит финал, то ли оттого, что скоро это все же произойдет. Между нами царит взаимопонимание. Мы курим одну сигарету на двоих. Серега балдеет от каждой затяжки.

День выдался напряженным и очень длинным, хочется спать, но я все же ухожу на берег, на который то и дело налетают страшные волны. Сильнее, чем спать, хочется поговорить с журналисткой Таней Семкив, прилетевшей вместе с нами после последнего конкурса. Таня — человек невероятно солнечный, всегда излучающий оптимизм и хорошее настроение. Никогда не забуду своей радости, когда на третий день пребывания на острове впервые увидел ее в нашем лагере. Весь промокший, уставший от неизвестности и раздраженный бытовыми неурядицами, я выползал из нашей хлипкой постройки. Как только увидел Таню, засиял от радости. Мы знакомы еще с Ногинска, где проходил один из этапов отбора участников проекта. Согласно контракту, каждый из нас может общаться на острове только с журналистами. Надо ли объяснять, как я был счастлив, что в их числе оказалась Таня. Естественно, мы стали

друзьями.

Мы смотрим на ночное море, Таня рассказывает о жизни на соседних островах. Однажды, когда очень устал, я спросил у нее: «Что сделать, чтобы отдохнуть от соплеменников, отвлечься от происходящего в лагере, расслабиться?» Подумав, Таня произнесла очень простые, но важные для меня слова: «Попробуй погулять по острову, попробуй вспомнить, что это Карибское море... Наслаждайся прекрасной природой, тем, что окружает тебя». Ее совет выручал меня не раз.

Волны пытаются достать нас. Самым проворным это иногда удается, но мы все равно не поднимаемся с места. Вдруг наш разговор прерывается. Мы и сами не поняли почему. Просто что-то не так. У меня почему-то возникла мысль, что надо поправить стул, на котором сижу. Вторая мысль заставила вскочить, будто меня ужалили: «Какой стул? Я на стуле не сидел уже почти полтора месяца! Значит, качается земля?!» Танька тоже не может вымолвить ни слова, хотя, как и я, уже на ногах.

— Что это?! — выпаливает она наконец.

— Землетрясение! — стремительно всплывает у меня страшное слово, засевшее в голове со времен, когда жили в Таджикистане. Там такие серьезные толчки не редкость.

— Что же делать?!

— Бежим! — я хватаю ее за локоть, и мы мчимся берегом в сторону лагеря. Секундой позже в голову приходит, что есть вещи похуже землетрясения. Ведь мы на берегу моря, а вдруг это цунами?!

— Это подводное землетрясение! — ору я изо всех сил, смутно представляя себе, что это такое. Мы разворачиваемся и бежим теперь не к лагерю, а прочь от волн, которые могут в любой момент смыть нас в море.

В кустах, куда мы рванули, как олени от охотника, неожиданно натываемся на Одинцова. Вот это встреча! К этому времени Танька уже включила фонарик, которым мы освещаем такое же перепуганное лицо Сереги. Но в его глазах не страх перед землетрясением, а оторопь от того, что мы врзались в него.

— Чего стоишь?! Бежим! — кричу я.

— А чего? — неуверенно бормочет Одинцов.

— Землетрясение!!! — я толкаю его в спину, чтобы он быстрее прорубал путь в зарослях.

Вскоре паника утихла, мы переглядываемся с Танькой, когда этого не видит Одинцов. Понятно, что он делал ночью в кустах вдаль от лагеря — пытался подслушать наш разговор.

В лагере тоже беспокойно. Землетрясение! Землетрясение! Акулы громко оповещают друг друга о новости, которая уже перестала быть таковой. Анька перед началом движения земной коры собиралась спать. Когда плот закачался, решила, что это Одинцов вернулся. Но, оглянувшись, поняла, что домик качается сам по себе. Она тут же выскочила к Инне, которая сидела в это время у костра. Забавно, что Инна испытала то же, что и я: хотелось поправить стул. Потом решила, что кто-то подкрался сзади и толкнул сундук, на котором она сидит. И только обнаружив, что сзади никого нет, поняла, что происходит, и вскочила.

Таня достает мобильник, чтобы сообщить «богам», что у нас все в порядке, но ей никто не отвечает. Что, если эпицентр оказался именно там, где наши друзья? Спать теперь не хочется совсем.

По своему неприятному опыту знаю, что землетрясение, как правило, одним толчком не ограничивается. С опаской прислушиваюсь к морю. Кажется, оно шумит так же, как и до землетрясения. Эффект от него был, кстати, существенно усилен шумом падающих кокосов. Первое время мы достаточно долго испытывали некоторый шок, когда в ночной тишине вдруг раздавался впечатляющий глухой звук падения неизвестно чего. Потом, конечно, разобрались, что это орехи, но легче не стало. Каждое падение, особенно если оно происходит в метре от тебя, заставляет лишний раз помолиться, отходя ко сну. Сейчас орехов вокруг значительно прибавилось. Наверное, процесс их падения напоминал по звуку топот табуна злобных гиппопотамов. Бедные девушки!

Но самые смешные воспоминания о случившемся — у Сереги. Он, видимо, так увлеченно и самозабвенно подкрадывался к нам, что даже не почувствовал ничего. Теперь сокрушается: «Был такой шанс испытать землетрясение, а я его упустил! Вот так всегда: или жилет без

свистка достанется, или акула глухая!» Это одно из его любимых выражений, и сравнение действительно часто соответствует действительности. Ему больше всех везет на нелепые ситуации. Вопрос, что он забыл в кустах далеко от лагеря, мы так и не задали, не стали заострять внимание.

Через минуту Таня сообщает, что цивилизация не пострадала: остров на месте, никого не смыло. Уже после ее ухода долго сидим за столом. Вновь в лагере атмосфера дачных посиделок. Больше всего, разумеется, вспоминаем о свадебной церемонии. Два свидетеля, жена и друг семьи собрались за столом обсудить уход мужа. Как на картинке. Из слов и поведения Ани легко понять, что она хотела бы поскорее воссоединиться с супругом. Сейчас трудно вычеркивать кого бы то ни было, все свои. Поэтому добровольное намерение Ани уйти оценивается всеми как высшее проявление дружбы и благородства. Она словно признает — каждый из остающихся достоин стать Последним героем.

Ночью очень холодно. Анька настаивает, чтобы я перебрался на плот. Так будет теплее и мне, и ей. Продолжая шутить, что Анька в день свадьбы осталась без мужа и ложится спать с посторонними людьми, мы засыпаем. Вместе действительно гораздо теплее.

Глава 30

Прощание старых Черепах. ТАК выживать нам бы не хотелось! Объяснение в сарае. «Свет мой, зеркальце, скажи...» Мы остаемся вдвоем с Одинцовым.

Анька просит меня собрать ее вещи и передать с режиссером на цивилизованный остров, где временно прописались выбывшие ранее из игры.

С радостью выполняю волю уходящего. А ведь уже сегодня вслед за Анькой могу уйти и я. Нам по-прежнему предстоит нагонять упущенное, а значит, сегодня состоится совет, конкурс и еще один совет! Поэтому и встали пораньше, чтобы успеть приготовить завтрак и спокойно поесть. Если верить нашему туземному опыту, сейчас около 5.30. Рассвет едва пробивается сквозь плотную гряду облаков и туч. Лодка, которая обычно приплывает в шесть, еще не пришла.

Прибывший за нами режиссер Миша Баркан с загадочным выражением лица предлагает Акулам пройтись по пляжу. Каша еще варится, можно и пройтись. Недалеко от флага «Джей севен» замечаем какие-то камни, что нас страшно удивляет. Камни на острове кораллового происхождения большая редкость. Через секунду понимаем: «камни» — это мешки с рисом, который был обещан нам по контракту. В самом начале образования племени Акул многие ворчали, что «боги» прекратили выдавать рис. Жаловаться было неловко: стыдно просить еду, коли приехали выживать. И вот тебе на! Истерический смех сменяется вопросом: «Куда нам столько?» Здравый смысл подсказывает, что столько нам действительно ни к чему, но в итоге забираем все равно гораздо больше, чем нам нужно. Зачем — никто из нас не знает, а психотерапевта рядом нет.

Душа торжествует, когда прямо из мешка — без мерки! — высыпаем в котел трехдневную норму на восемь человек. Это будет наш завтрак, самый богатый завтрак за многие дни. Одинцов невероятно возбужден: «Сегодня буду есть кашу, пока не отвалюсь от котелка с огромным пузом!» К сожалению, времени у нас немного, поэтому полусырой рис вскоре ставим на стол. В четыре ложки черпаем кашу, которая сегодня без тропических добавок: без кокоса, без банана, без цветков и водорослей, без солененьких брюшек раков-отшельников или хитина маленьких крабов. Что-то ломается внутри от этого праздника живота. Выживать ТАК нам бы не хотелось. Жаль, что сегодня предпоследний день самой большой авантюры в жизни каждого из нас. При мысли об этом на душе становится тягостно.

Перед советом Анька, прощаясь, говорит мне много приятных слов. Мы прошли вместе с ней почти весь путь, начиная с высадки на остров, когда всю ночь держали полиэтиленовую пленку над головой. Все это время мы в большей или меньшей степени были друзьями. Напоследок она по традиции спрашивает: «За кого голосовать-то будешь?» Сколько раз перед тем, как идти на совет, мы обменивались мыслями, старались сделать обоснованный и честный

выбор. Сколько раз такие беседы помогали нам сохранять благоразумие, разбираться в хитросплетениях закулисной борьбы, удерживали от необдуманных поступков. Сегодня мне придется нарушить наш принцип — не голосовать друг против друга. У Одинцова защитный тотем, против себя голосовать запрещено. Если я и Анька проголосуем против Инны, возникнет спорная ситуация, так как Инка с Серегой голосуют против Ани по ее же просьбе. Значит, и мне придется голосовать против нее...

Анька уходит при раскладе голосов три против одного. На самом деле эти голоса, конечно, не «против», а «за». Один за всех и все за одного.

Снова идет дождь, три Акулы прячутся в сарае, где хранится реквизит для проведения игры. Чего там только нет! Карты, по которым мы искали клад; черная и белая метки, которые оставляют уходящие с острова; листочки с фамилиями и именами (голоса, отданные на совете против соплеменников); факелы — символы нашей жизни на острове. Утром горели уже только три из них, когда мы выходили после заседания совета. Сколько воспоминаний накатывает на нас! Я копаюсь в куче бумажек с именами людей, которые еще не так давно были вместе со мной на острове. Иногда ухмыльнешься, прочитав чье-то имя, иногда с уважением подумаешь о человеке. А порой задумаешься о правильности принятого решения. Особенный случай — уход Бориса. Я жалею, что проголосовал против него, и, возможно, косвенно повлиял на Аньку своим решением. Мое имя на бумажках не встречается ни разу. Лестно, что за всю игру никто против меня не проголосовал.

На одной из полок стоит бутылка шампанского, которую распивали на свадьбе. Там еще что-то осталось. Журналисты забирают Серегу на интервью, мы остаемся с Инной, и я предлагаю ей выпить. Она отказывается и мне не советует: «Вань, тебе лучше сохранить ясный ум. Насколько нам дали понять, сейчас будет интеллектуальный конкурс, который тебе надо обязательно выиграть. Понимаешь, я очень болею за тебя. Мне очень хочется, чтобы ты сегодня победил, но я не могу открыто поддерживать тебя. Да, ты достоин стать Последним героем, может, даже достойнее Одинцова, но он меня однажды спас, и теперь я не могу голосовать против него. Я ему обещала. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе выиграть. Если буду знать правильный ответ, постараюсь подсказать тебе, но сама отвечать не буду».

От услышанного прекращаю суетиться, теперь не до шампанского. Я и раньше чувствовал, что Инна симпатизирует мне, но ее намерение сделать все возможное для моей сегодняшней победы — неожиданно и приятно для меня. Вот это действительно друг. Инка говорит также, что и сама хотела бы выиграть, но считает меня более достойным победы. Впервые слышу от одного из самых значимых лидеров альянса признание, что я достоин быть Последним героем. Причем слышу не только комплимент, но и обещание в поддержке, которая не нарушит ее обязательства перед Одинцовым.

Пока есть время, обсуждаем с Инной предстоящий конкурс и как она собирается подсказывать, историю о том, как Сереги спасли Инну от съедения, все, что пережили за время нашего пребывания на острове. Инка продолжает: «Вань, ты знаешь, на самом деле Одинцов мог и не увидеть в тебе сильного соперника. Но после возвращения с Тортугас, где я была у вас в гостях, я передала ему, что хотя Игорь у вас главный, но бояться ему надо тебя. Прости, пожалуйста. Я старалась помочь ему во всем, пока мы не познакомились с тобой ближе на Тибуронес. Пока ты не стал нашим Кощеюшкой. И последнее. Я не требую, чтобы ты оставил меня в финале себе в соперники. Будет лучше, если выберешь Сергея. А вообще, поступай как хочешь, хорошо?»

Подходит Серега. Он подозрительно смотрит на Инну, которая спрашивает у него о чем-то отвлеченном. «Серега, смотри, шампанское со свадьбы! — говорю я, чтобы разрядить обстановку. — Давай глотнем!» Мы выпиваем по чуть-чуть, не забывая о пожелании Инны сохранить перед конкурсом ясную голову. Во мне все клокочет. Если побеждаю в этом конкурсе, выхожу в финал. Победителя Игры определяют голосованием. Еще неизвестно, кто именно и когда будет голосовать, но шансы у меня в любом случае неплохие.

Миша Баркан неожиданно вновь предлагает нам пройтись вдоль линии берега, чтобы найти нечто. Мы с готовностью покидаем наше временное пристанище и снова оказываемся под дождем. Неподалеку стоит какой-то предмет, покрытый холстом, снимаем его и... видим себя в полный рост в огромном зеркале. За полтора прошедших месяца это случается впервые.

На яхте, куда меня пригласил Целованьский, я, правда, успел наглядеться на свое лицо в небольшом зеркальце в ванной комнате, но это совсем другое. Сейчас хорошо видно, как изменились наши лица, тела. Сказать, что именно изменилось в наших глазах, не можем, но дружно сходимся на том, что мы — другие.

По первым же вопросам конкурса понимаю, что мой выигрыш действительно вполне реален. Главное, первым высказать правильную версию ответа. Инна и в самом деле не особенно усердствует, а Одинцова я опережаю часто.

Несмотря на невероятное волнение, оттого что до финала остался один шаг, я уверенно побеждаю. Теперь надо сделать выбор между Инной и Сергеем.

Бороться против Инны мне будет труднее не только потому, что у нее больше друзей из числа выбывших героев. Я сам испытал на себе силу ее обаяния. И доведись мне выбирать Последнего героя между ней и Серегой, отдал бы предпочтение ей. Я не понимаю, почему она не видит себя в числе финалистов, но сказанные недавно ею слова облегчают принятие решения. Кроме того, в глубине души мне кажется, что победа над девушкой вряд ли может стать для меня предметом гордости. И не важно, что в данном случае речь идет не о забеге или заплыве, а о голосовании.

В соперники по финалу выбираю Серегу Одинцова.

Инка прощается с нами. Одинцов выглядит несколько удрученным из-за проигрыша конкурса и растерянным от принятого мной решения. Вряд ли он думал, что мы когда-то останемся с ним один на один.

Возвращаемся в лагерь подавленные. Таким пустым он не был никогда. Даже не знаем, как быть дальше. Мы не молчим, но и разговором это не назовешь. Одинцов, как и я, обдумывает произошедшее. Так непривычно каждый день терять друзей из последней пятерки Тибуронес. Никто больше не назовет меня Кощеюшкой. Одинцов, кстати, меня так не называет.

Надо развести костер. Это всегда было первоочередной задачей. Хотя зачем он нам сейчас? Мы прекрасно сможем провести последнюю ночь без огня. Но костер для нас — не только тепло и свет. Он был очагом нашего лагеря, символом нашего выживания. Не зажечь его, имея такую возможность, словно отказаться от всего, что мы здесь пережили и поняли.

На столе котелок с недоеденной подсохшей кашей и четыремь ложками. Нам же нужны только две. То, что не надо добывать пищу, думать о том, что приготовить, тоже действует на нас не лучшим образом. Сегодня все выглядит странным, сбивающим с толку. Начиная с непонятого подарка «богов» в виде риса и заканчивая этими вдруг ставшими ненужными двумя ложками. Я добавляю в котелок воды и ставлю вареву на огонь.

Сидим у костра. Уже стемнело. Ни я, ни Серега не могли предположить, что мы когда-нибудь останемся на острове вдвоем. Это совершенно новое для меня ощущение. Все так спокойно и размеренно. Даже слишком спокойно. Хочется снова добывать огонь и еду, мучиться от бессонницы в поиске ответов, наслаждаться красотой подводного мира и тропиков. Хочется продолжить процесс осознания ценностей, которые в цивилизации становятся расплывчатыми, видятся словно сквозь мутное поцарапанное стекло очков.

Чтобы разрядить обстановку, объясняю Сереге, почему выбрал его, а не Инну. Мне нечего скрывать. Последние дней пять у нас принято говорить друг другу все, что думаешь или собираешься сделать. Как не хватало этого на Тортугас и Тибуронес в начале его существования.

Я уважаю Одинцова как хорошего, сильного, умного противника, хотя друзьями нас не назовешь. Чем больше времени мы проводили вместе, тем чаще я видел, как он поддерживает людей, как естественно ведет себя в самых разных ситуациях. Он никогда не брал на себя функции утешителя или психотерапевта на общественных началах. Здесь подобрались люди достаточно сильные морально и честолюбивые, чтобы не нуждаться в этом. Но когда мы загибались от холода на жердочках и по капельке собирали силы, чтобы удержаться на них, Серега продолжал шутить. У него это получалось запросто, естественно, и не только во время того памятного испытания. Сакин однажды так сказал о нем: «Мое мнение о Сереге сформировалось в первую ночь на острове. У нас не было ни огня, ни дома, ни пищи, и мы чувствовали себя мокрыми крысами. А Серега взял гитару в руки и начал орать песню про поручика».

Но ключевым стал для меня тот вечер у костра, когда Инна вернулась из ресторана, и состоялся такой важный для всех разговор. Непривычно было услышать из уст Сергея корявые, но теплые и нежные слова. Он признался тогда, что многое за последние дни переосмыслил, понял очень важные для себя вещи, и не поверить ему было нельзя. Такое невозможно сыграть.

Интересно, выполнит Серега свое обещание Инке, «добить» по приезду в Курск испанский язык, который он начал учить здесь под ее руководством. Инка не уставала цикать и лупить Одинцова по могучей спине, когда тот вместо «класть» неизменно говорил «ложить». Когда Инка совсем выбилась из сил, все племя продолжило борьбу за правильную речь Одинцова. Серега не обижался на суровость и занудливость «учителей», а никто из нас никогда не хихикал над его речевыми ошибками.

Наше заочное знакомство состоялось гораздо раньше объединения племен.

Узнав от Терещенко, что Одинцов специально проиграл конкурс, чтобы избавиться от опасного конкурента, я был просто шокирован. Черных красок добавил в его портрет и конкурс, где мы соперничали в качестве копьеметателей. Мне показалось, во-первых, что Серега заступил ногой за черту, от которой надо было метать копье, а во-вторых, что он радуется не только выигрышу, но и тому, что победил именно меня. То, что это естественная реакция проигравшего, я понял позже, когда начал выигрывать конкурс за конкурсом. Могу представить, как оценивал Одинцов мое поведение после очередного триумфа. Наверняка тоже подозревал меня во всех грехах и считал, что я радуюсь победе над ним.

И все же постепенно наши отношения менялись. И во многом благодаря мудрой Инне. Не хитрой или умной, а именно мудрой. Она помогла ему увидеть во мне не только опасного соперника, но и человека, достойного победы. По самым разным, малоприметным деталям, обрывкам разговоров, наблюдая за ним, я почувствовал его напряжение перед конкурсом с веревками, когда нас было шестеро. Не сумею я выиграть защитный тотем, он оказался бы перед очевидным выбором — голосовать против меня или Тэн.

Такая же дилемма стояла перед другими членами клана, но его мнение было решающим, это знали все. К тому времени мы провели вместе уже достаточно много времени, я перестал быть для него абстрактным соперником. Как игрок, он должен меня убрать. Как человек, понимал, что много потеряет от такого решения в глазах своих однопартийцев, и прежде всего в собственных глазах. Я не знаю, какое бы Серега принял решение, не выиграю я забег в «лабиринте» и не избавь его таким образом от необходимости выбора. Но я догадывался, чувствовал его терзания, и для меня это много значит.

Одинцов, немного поев, откладывает ложку, говорит, что больше не хочет. Я начинаю думать, что мое общество ему не очень приятно, но тут он неожиданно произносит: «Знаешь, Вань, я на твоём месте поступил бы так же и выбрал бы в соперники тебя...»

Костер горит очень ярко. Благо, что дров теперь хватает. Серега собирается сжечь все ненужное, а я предлагаю оставить после нас лагерь в идеальной чистоте. Он не понимает смысла задумки. Я и сам поначалу не могу сформулировать зачем. «Понимаешь, — говорю я, — хочется оставить после себя чистоту и атмосферу нашего лагеря, весь наш быт. Щепотку соли, ложки, миски, спальники сложим в сундук, чтобы они не промокли. Короче, оставим все, что необходимо, таким же, как мы, если они попадут на остров!»

Такое объяснение устраивает Одинцова. Задуманный мной оазис в тропиках напоминает ему таежные заимки. Там всегда можно найти небольшой запас еды, спичек, соли.

Немного посидев у огня, собираемся спать. Серега зажигает свечи, чтобы перед сном почитать любимившуюся ему здесь Большую советскую энциклопедию. Я еще долго сижу у костра: ем тростник, жарю кокосы, пытаюсь осмыслить происходящее. Вдруг Серега спрашивает:

- Ты сегодня спать-то, вообще, будешь?
- Не знаю. Если получится. Пока не могу. А ты?
- Я, наверное, тоже не смогу заснуть. Чего-то мысли разбегаются.

Серега выбирается из хижины, долго рассказывает о своем военном прошлом. Одинцов прошел две чеченские кампании, но хвастать этим не любит. Он вообще не любит вспоминать о войне: «Если рассказываю, то только другу, а не в компании». Несмотря на ужас ситуаций, в которых он побывал, рассказывает Серега о них, как всегда, с юмором и только если ему что-то

напомнит об армейской службе. А еще он разъясняет мне психологию преступника и вообще человека с оружием. Заметно, что в психологии мой собеседник разбирается неплохо.

Как-то он взялся научить меня метать ножи и лопаты. Учеником я оказался средним, а у него это лихо получается. Потом мы продолжили занятия по военному делу. Когда имитировали нападение человека с ножом, он так увлекся приемами самообороны, что едва не пропорол мне живот. Серега испугался больше, чем я. Сразу же выкинув нож, словно тот жег ему руки, он с перепуганными глазами бросился рассматривать мой живот: «Ой, блин! Извини, Вань. Не больно, нет?» Мне тоже было не по себе, но не настолько, чтобы понять жуткий страх Одинцова за мою жизнь.

Уже полночь, а мы обсуждаем, как бы каждый из нас потратил три миллиона. Тема щекотливая, не случайно мы всегда ее обходили, старались даже не думать об этих огромных деньжищах. Теперь, когда от нас ничего не зависит, можно и пофантазировать. Серега намерен заняться собственным бизнесом: перегонять машины из Европы. Мне бы хотелось начать жить самостоятельно, прежде всего купить квартиру. Единственно, в чем наши намерения совпадают, — ресторан для последней пятерки. Кто бы ни выиграл, он поведет последнюю пятерку Тибуронес в хороший ресторан.

Уже за полночь наконец ложимся спать. Серега ворочается, словно его что-то гнетет. Лезть к нему в душу не хочу. Он не любит телячьей нежности и игры в доброго врача и больного. Делаю вид, что сплю, а вскоре и вид делать не надо.

Для меня это одна из самых спокойных и лучших ночей на острове. По всему телу растекается чувство гордости за проделанный путь. Что было в моих силах, я сделал, на результаты голосования не повлиять, ничто от меня больше не зависит, остается только ждать.

Я добрался до самой вершины горы. Приятно вспоминать о пяти из восьми возможных выигранных тотемах, осознавать, что не изменил своим принципам и доказал прежде всего себе правильность выбранной тактики. Ведь отказ от вступления в альянс — тоже тактика. Засыпать вдвойне приятно оттого, что лежу в сухом спальнике, на целом ворохе одеял моих соплеменников, которые, как мне хочется надеяться, останутся со мной в одном племени и после игры, в России. Если не все, то большинство.

Глава 31

Последний день на Тибуронес. — Нападение на Одинцова. — Мы пугаем янки. — А впереди Бодров на лихом коне!

Утром невыспавшийся Одинцов, он часто вставал ночью, чтобы поддержать костер, отказывается от завтрака. Поступок для Акулы настолько необычный, что я подозреваю, не заболел ли он. С психикой вроде все в порядке, значит, та же болезнь, что и поразила наших соплеменников несколько дней назад.

Хочу успеть завершить задуманное. Для начала — привести остров в порядок. Под плотом в хижине накопилось немало грязи, в том числе и по нашей вине. Приехали, называется, отдохнуть на природе. Бросаем хлам в костер, который с удовольствием поедает его. На столе наводим идеальный порядок: три кружки, столько же мисок и ложек. Оставшуюся утварь кладем в один из сундуков. В другой укладываем несколько спальников, фляги с пресной водой, остаток соли и последнюю спичку. За прошедший день она подсохла, ее вполне можно использовать. Под плот прячем дрова, чтобы они всегда были сухими. Пока Серега собирает свои вещи, составляю послание Робинзону: «Путник, здесь ты найдешь сухой ночлег, пресную воду, пищу, огонь. Распорядись этим с умом! Оставь кусок оазиса другому Робинзону! Племя Тибуронес».

Только не спрашивайте, зачем я это сделал. Я не смогу этого объяснить, но точно знаю, что так было надо.

Не верится, но факт: сегодня наш последний день на Тибуронес. Пришел мой черед укладывать рюкзак. Вещей столько, что его трудно поднять. Хочется унести все: от кокосов, которые еще не скоро смогу есть, до самодельного гамака Игоря. Одних ракушек килограмм двадцать. Как же я полечу с таким грузом домой? Одинцов, чтобы путешествовать налегке,

оставляет на острове всю одежду. Грязная и рваная — зачем она нужна. Уходит с острова в последней приличной майке, шортах и изодранных шлепках. «Грязный индейский мальчик!» — шутит над собой Одинцов.

Все готово к прощанию. Серега волнуется — начал метать ножи в дерево. Он это делает с равным успехом и левой и правой рукой. Иногда по тому же маршруту отправляются и лопата с топором. Странно, как эта пальма еще стоит. Я присоединяюсь к нему, Одинцов дает уроки боевого мастерства в последний раз.

Ближе к полудню заглядывает дорогой гость Сергей Бодров. Он впервые зашел в лагерь, осмотрел изнутри хижину. Одинцов дарит ему одну из наших кокосовых мисок. Гость выглядит несколько смущенным. Он вообще с некоторой опаской относится к дуэту Одинцов — Любименко. Из-за наших постоянных шуточек ему трудно оставаться в образе сухого и холодного ведущего такого экстремального проекта, как «Последний герой». Честно говоря, я вообще не представляю, как можно быть беспристрастным, наблюдая за поведением непредсказуемых порой островитян.

«Ждать осталось недолго!» — неизменно мрачно произносил Бодров перед объявлением результатов каждого голосования. Мы оценили красоту фразы, и она прочно вошла в наш обиход. Например:

— Скоро там будет готова каша? — нервно спрашивает Наташа Тэн.

— Ждать осталось недолго, — заунывно отвечаем мы с Серегой.

Универсальная фраза, кстати.

Бодров сообщает, что пришло последнее письмо. За почтой идем вдвоем.

Послание гласит, что у нас пятнадцать минут на прощание с островом. Забрав почту, идем, насупившись, пока Бодров не призывает нас посмотреть в его сторону. Мы поглощены прощанием с островной жизнью, но понимаем, что оператору надо снять наши последние минуты на Тибуронес. Стоим спиной к беснующемуся морю, смотрим на Бодрова, потом поворачиваемся к лагерю и медленно топаем по берегу, омываемому здоровущими волнами. Момент романтический и грустный, даже торжественный, но все портит огромная волна, нападающая на Одинцова! Споткнувшись по дороге о корягу, она мощно обдаёт его соленой водой с головы до ног. Захлебнувшийся от неожиданности Одинцов пытается в последний момент ухватиться за меня, чтобы не выпасть из кадра. Но меня-то в этом кадре уже нет. Долей секунды раньше я заметил накатывающую проблему и успел отпрыгнуть от Сереги метра на два.

Итак, волна схлынула, Серега судорожно пытается поскорее подняться. В руках у него шлепки, изо рта торчат водоросли, которые прибой охотно выбрасывает на берег в большом количестве. Пытаюсь сдержать смех, но тщетно. Какая там романтическая грусть при прощании? Серега шокирован вероломным нападением. Выплывывая водоросли, он хочет выразить свое возмущение, но его невнятная речь заставляет нас хохотать, как безумных. Опять Бодрову не удалось остаться в маске беспристрастного ведущего, к тому же его костюм тоже изрядно пострадал все от той же волны.

Лишь минутой позже, когда хохот стих, услышали мат Сереги. Как и я, он мечтал побыть сегодня сухим, но, видно, не судьба. Он проклинает море и свою нерасторопность. Хотели красиво попрощаться с островом, а море первым сказало «до свиданья».

Одинцов использует отпущенное на прощание время, чтобы сходить к болоту. Ему оно почему-то понравилось больше всего. Может, напоминает чем-то родные места? Я тоже там не раз бывал. Здесь своеобразная атмосфера, все мертво и молчаливо. Будто кто-то наблюдает за тобой. Нет ни птиц, ни зеленых деревьев, но по-своему очень красиво.

Я отправляюсь к кокосовой аллее, где провел в одиночестве больше всего времени. Сюда я приходил, когда было грустно, когда хотел остаться один и отдохнуть от племени, здесь пил подаренное мне в день рожденья пиво. По привычке взял с собой мачете. Я знаю место в глубине острова, где можно найти пророщенные кокосы. Из их мякоти мы добывали масло, чтобы жарить плоды хлебного дерева. Грустно. И не только мне. Судя по лицу оператора Леша Ганушкина, неотступно следующего за мной, он тоже прощается с островом.

В лагере догорает костер. Одинцова пока нет. Его прощание с болотом затянулось. Да-а, только Серега мог в последний день пойти на болото, чтобы на прощание перемазаться в грязи,

а то и застрять в трясине. Наконец он появляется. При активной помощи дождя гасим костер, берем баулы с остатками нашего гардероба, бамбуком, кокосами, раковинами и, покачиваясь от тяжести, идем к лодке.

Плыть короткой дорогой к острову, где состоится последний совет, нельзя из-за шторма. Поэтому нас высаживают на одном из островов архипелага, являющегося туристическим центром. В плавучем баре прячемся от дождя и смотрим на прилизанных янки, вальяжно балующихся шоколадками и чипсами. Они и представить себе не могут, что мы испытываем, глядя на них. Ловлю себя на мысли, что безобидные туристы могут нас неправильно понять. Или уже поняли. Бедняги, не выдержав разбойничьего взгляда Акул, вышедших на охоту, как-то быстро засобирались в номера. Одинцов и я направляемся к бармену. Все это время за нами пристально наблюдает журналист Миша Кожухов. И, как вскоре выясняется, не зря. Одинцов отвлекает бармена своим курским вариантом испанского языка, а моя рука, действуя от разума практически автономно, тянется к фруктам. Зычный голос Миши приводит нас в чувство. До чего докатились...

Сергея доверительно заглядывает добрыми глазами в лицо каждому оператору и душераздирающим шепотом произносит: «Блин, дай закурить, а? Уже ж все... Щас совет, и все. Ну, дай покурить. Я знаю, у тебя есть». Каменные сердца у этих людей с камерами. Слезные просьбы Сергея они оставляют без внимания.

Аппаратуру несут темнокожие аборигены, нам предстоит пройти километров пять. Дождь зверствует. Проходим через индейскую деревеньку. Колорит неопиcуемый. Вместо коз пасутся обезьянки, привязанные за ноги веревкой. Повсюду валяются бананы, кокосы, орудия труда из разряда палка-копалка, бегают чьи-то дети...

Ближе к месту назначения Бодрову выделяют личный транспорт — какую-то захудалую лошаденку. Сергей усаживается на нее и возглавляет странный караван. Наше отношение к нему существенно изменилось за последнее время. Раньше мы, хоть и подшучивали над ним, воспринимали его прежде всего как представителя «богов». Он был для нас едва ли не единственным источником информации. Бодров ни разу не спросил у нас о какой-нибудь ерунде, что дало нам повод всегда искать подтекст в его словах. Со временем стало понятно также, что он прекрасно ориентируется во всех хитросплетениях, в островных интригах и наших непростых взаимоотношениях.

Вопросы, которые он задавал на советах, всегда были точно адресованы. Отвечать на них было трудно, но это помогало нам лучше понять себя и соплеменников. Честно говоря, мне трудно представить в этой роли другого зубра шоу-бизнеса. Наши поступки далеко не всегда соответствовали нормам поведения нормальных людей в нормальной ситуации. Порой мы находили силы посмеяться над собой, порой стыдились своих поступков. Ему, наверно, трудно было иногда удержаться от смеха или осуждения кого-либо из нас, но у него это получалось. Это ведь большая разница — смеешься над собой ты или кто-то другой.

Но сейчас мы чувствуем себя в общении с ним гораздо проще. Не забыть бы потом взять у него автограф для однокурсницы Ксюши.

По горам, по холмам (почти как в Киргизии), перебираясь через набирающие силу ручьи, двигаемся к месту проведения последнего совета. На совет заходим вдвоем. Странное ощущение угрозы витает в воздухе. Будто здесь опасно появляться вдвоем, тем более одному. Но чтобы не стоять рядом, как отбившиеся от отряда пионеры, расходимся по разным углам круглой арены, которая сегодня станет для нас рингом. Близок момент последней битвы.

Глава 32

Ждать осталось недолго. Последний сюрприз «богов». Сергей.

Я сушу кроссовки над огнем, Одинцов продолжает приставать к операторам насчет сигаретки. Леша Солдатов неуверенно сопротивляется, но ему помогает появление режиссера Андрея Челябинова. Как бы по секрету, тот сообщает: «Определять Последнего героя будут победители прошлых Survivor'ов. Так что, будьте готовы, и удачи вам!»

С минуту стоим на месте, чтобы переварить сказанное. Survivor — в переводе с английского дословно означает «выживатель», это зарубежный аналог Последнего героя.

— Это что, победители прошлых передач будут голосовать? — убитым голосом переспрашивает Серега.

— Получается так.

— Как правильно произносить Survivor? — неожиданно уточняет Сергей. Зачем это ему, думаю я, но объясняю. Выслушав, Серега вновь удивляет меня. — Ты-то чего волнуешься?

— А почему я должен быть спокойным? Ты думаешь, я могу уже радоваться победе?

— Думаю, да. Ты объективно лучше. Если будут победители Survivor определять, ты победишь. Я уже даже не волнуюсь. Чего уж тут. Ты достоин, Вань. Нет, правда. Я не жалею, что мы с тобой остались до самого конца.

— Серега, спасибо, но я не могу не волноваться, даже если понимаю, что шансов у меня может быть больше. Перед экзаменом, если не волнуешься, обычно плохо сдаешь.

— Ясно. Вань, только у меня к тебе одна просьба будет, если... Когда ты выиграешь, в общем. Но ты не подумай, там ничего такого. Обещаешь помочь?

— Серега, посмотрим, ладно. Не дели шкуру неубитого медведя.

С этими словами мы садимся. Приходит Сергей Бодров, и после вступительной речи, в течение которой мы неотрывно смотрим на него, вдруг замечаем краем глаза какое-то движение слева. Оттуда, где, как мы полагали, никогда не было прохода, появляются люди. На них красивая сухая одежда, они отлично выглядят. Интересно посмотреть на победителей предыдущих игр, тем более что вышли они так тихо, словно привидения. Вот и Серега смотрит в их сторону. Гостей семеро — ровно столько же факелов горит вокруг болотца в центре совета.

И вдруг мы с Серегой чуть не подскакиваем. Никакие это не победители предыдущих игр, а наши Акулы! Их не узнать. Выбритые, ухоженные, причесанные, красиво одетые. Даже Инка с Анькой, только вчера ушедшие с острова, выглядят просто сногшибательно. Только вот у Аньки что-то странное на подбородке. Похоже на пластырь. Порезалась, что ли? Ребята заметили наше потрясение, и им смешно от произведенного эффекта. Они тоже с интересом рассматривают нас. «Ну, вы, просто...» — мямлим мы с Одинцовым.

Бодров предлагает вошедшим задать нам по вопросу, чтобы после этого проголосовать.

— Какую ночь ты помнишь лучше всего?

— Цель оправдывает средства?

Вопросы разнообразны — от конкретики до риторики, но в них чувствуется доброе отношение к нам. В ответах поначалу звучит желание представить все в радужном свете, словно наша задача сейчас — понравиться. Заметив это, мы с Одинцовым отвечаем дальше достаточно самокритично. Мне труднее всего было ответить на вопрос Наташи Тэн о Борисе, против которого когда-то проголосовал. Тогда я был уверен в своем решении, считал, что сам к нему пришел. Позже пришли сомнения. Это и пытался объяснить.

Первым идет писать имя победителя Игорь. На предплечье Одинцова амулет, который ему подарил именно Игорь, уходя с совета с потушенным факелом. Вначале Игорь подходит к нам, жмет руки и отправляется к столу, где ему предстоит сделать выбор. Я смотрю на Одинцова: он невероятно напряжен. На лбу крупные морщины, взгляд беспокойно блуждает. Представляю, как я выгляжу. Вряд ли спокойнее Сереги. Пытаюсь держаться естественно, но не получается. Поэтому опускаю голову, чтобы скрыть волнение.

Потом идут поочередно Снежана, Саша, Наташа, Аня, Сергей, Инна. Все они по-разному смотрят на нас, некоторые пожимают руку, шепотом подбадривая и желая удачи. Снежанка на пути к столу остановилась и довольно долго смотрела нам в глаза. Наташа, как всегда улыбаясь, сказала в заключение что-то бодрое и невразумительное. Сакин недвусмысленно дает понять, что голос отдаст за Одинцова, в чем никто и не сомневался.

Альянс вкуче с пополнением в полном составе передо мной, а ведь в нем большинство из присутствующих здесь. Если они остались верны Одинцову, мне победы не видать. Тем более, что часть своих тотемных подвигов я совершил уже после их ухода, когда альянс их же слопал. От этой мысли становится трудно ровно дышать. Лучше пока не думать об этом. Лучше подумаю, как себя вести при том или ином исходе голосования. Третьего не дано — голоса не могут разделиться поровну. Дождь продолжает шуметь. Сквозь дырявую крышу льются настоящие реки, мы с Одинцовым почти непрерывно находимся под этим холодным душем, но не двигаемся с места.

Последней возвращается от столика Инка. Ждать осталось недолго, как гласит любимое выражение Бодрова. Теперь действительно недолго. Бодров начинает доставать из урны бумажки с именами. С большой долей вероятности можно предположить, что голоса разделятся почти поровну. «Почти» — потому что «ничья» сейчас невозможна. Так и есть: три голоса за меня, три — за Одинцова. Осталось выяснить, за кого проголосовала седьмая Акула. Одинцов не выдерживает напряжения и прячет голову между колен. В это время Бодров достает бумажку. Корявым почерком на ней написано «Сергей».

Я не сразу смог прочитать написанное. Всматриваюсь и раз за разом в течение одной секунды читаю одно и то же. Так и есть: СЕРГЕЙ. Со стороны семерки соплеменников слышны крики радости. А что же сам победитель? Я хлопаю его по плечу: «Поднимай голову, Последний герой». Прочитав последний листочек, что держит Бодров, Сергей с криком вскакивает и бросается в болотце в центре совета. Брызги обдают сидящих вокруг. Я пытаюсь улыбнуться, чтобы показать радость от победы хорошего человека, но как-то не получается. Одинцов выскакивает из воды, хватая сундук, стоящий рядом со мной, и поднимает его вверх на вытянутых руках. Все подбегают к нам. Хочу встать, чтобы незаметно уйти, но Одинцов уже рвется ко мне, пробираясь сквозь ряды поздравляющих. Он жмет мне руку, что-то говорит, в глазах невероятная радость. Выдавливаю из себя поздравления, часто моргая, чтобы не заплакать, и отхожу в сторону.

Глава 33

«Ты свое еще возьмешь». «Ты остался самым честным из нас». «Сегодня никто из вас не проиграл».

«Знаешь, как тяжело будет Сереге».

Пока у Сереги берут интервью возле сундука с деньгами, я вместе с другими Акулами направляюсь к столику для голосования. Неподалеку коридор, по которому раньше уходили отчисленные с потухшими глазами и потушенным факелом. В конце темного прохода сверху пробивается свет. Из дырки в крыше, на которую я долго смотрю, хлещет страшный дождь. Я подставляю лицо под его холодные струи.

Минут через десять выхожу к ожидающим Одинцова соплеменникам. Так и непонятно: кто был за меня, а кто — против. Сейчас даже думать об этом не хочется. Первым меня пытается успокоить Игорь, но я вежливо даю ему понять, что не хочу выслушивать фразы типа: «Все, что ни делается, — к лучшему». Игорь не настаивает и отходит в сторону, он знает меня лучше большинства Акул. Рядом возникает Наташа Тэн. Она подходит вплотную, склоняет голову и, методично тарабанив по мне кулачком, говорит: «Ваня, прости меня, пожалуйста. Это я виновата. Это мой голос, понимаешь? Все из-за меня. Ох, что же я наделала... Понимаешь, я подумала и решила, что ты прекрасный светлый человек, который свое еще возьмет. Ты добьешься в этой жизни, чего захочешь. Это в твоём характере. А вот Одинцов... Ему нужны деньги сейчас. У него жена, ребенок. И поэтому я так решила. Прости меня, Ваня».

В это время идет запись интервью, поэтому надо как можно тише говорить. А лучше вообще молчать. Что я и пытаюсь сделать, крепко сцепив при этом руки за спиной, чтобы «не случилось непоправимого», как выразился однажды Одинцов.

Значит, Наташа впервые выполнила свое обещание. Она говорила мне перед своим последним советом, что, если помогу ей тогда остаться в игре, она приведет меня к победе. Я на сделку не пошел. А Одинцов, выходит, поступил иначе. Зная, что его голос все равно не станет решающим, он не удивил меня тогда, проголосовав против верного соратника Сакина. Ясно, почему он так поступил. Он сделал то, о чем просила Тэн. И теперь она с лихвой вернула должок.

Снежана стоит рядом и слышит каждое слово Тэн. Она чувствует взрывоопасность ситуации. Продолжение сцены не может принести ничего хорошего ни моей говорливой собеседнице, ни репутации проекта «Последний герой». Снежана отводит Тэн от меня. Я медленно выдыхаю.

Игорь похлопывает меня по плечу, шутит:

— Ваня. Не переживай ты так. Хочешь, мы сейчас всех снова соберем и устроим суд над ними?

— Игорь, я же не говорю, что кто-то плох только из-за того, что не проголосовал за меня.

— Я шучу, Вань. Ладно тебе. Ты крепкий мужик. Ты был, может, достойнее Одинцова и, как и хотел, остался самым честным из нас. Ты молодец, Ванька!

Я сокрушенно киваю. От услышанного решение последнего совета не стало для меня более справедливым. Наоборот. Получается, Одинцов победил именно потому, что создал когда-то крепкий альянс, голоса которого и помогли ему сегодня? Значит — это верная тактика в жизни?

— Кстати, а ты, Снежана, за кого голосовала? — подзывает Игорь Снежану.

— За тебя, Ванька. Ты, правда, не расстраивайся так. Все равно все знают, что ты лучший, что ты у нас герой. Сегодня никто из вас двоих не проиграл.

Бодров, молчавший на протяжении всей беседы, достаёт сигарету и обращается ко мне: «Пойдем покурим, что ли». Мы уходим в сторону. Прикурив, он говорит: «Вань, знаешь, мы тоже все люди. И тоже болеем за кого-то из вас. Ты очень хорошо себя повел в этой жестокой игре. Но и ты человек. И ты мог сломаться. Я лично болел за Одинцова, только ты не обижайся». Дождавшись моего кивка, он продолжает: «Ничего страшного не произошло. Знаешь, как тяжело будет Сереге, когда он получит три миллиона. Он будет терять друзей, его будут пытаться обмануть. На тебе же это не отразится. Ты легче пройдешь медные трубы после острова. Огонь и воду ты уже прошел. Ты действительно настоящий герой. Не расстраивайся из-за денег».

— Я расстраиваюсь не из-за денег. Я их не чувствую, не представляю этой суммы. Она заоблачна и слишком далеко от меня. Я не из-за этого. Понимаешь, я шел к этому совету тридцать девять дней, боролся, сопротивлялся, гнул свою линию, пытался остаться самим собой, чтобы победить. Не выиграть деньги, а победить. Мне трудно сейчас философски отнестись к этому. Может, через день буду чувствовать себя хорошо, но сейчас не могу. Особенно на фоне того, что я сделал, чтобы победить. Вот и все.

В любом случае слова Бодрова мне помогли. Он не сказал ничего особенного, но в его устах даже обычные слова звучат по-другому. Ведь он знает все, что происходило на островах. И знает лучше меня, так как видел и слышал всех. Ему можно доверять.

После беседы с Бодровым пришел мой черед сказать перед камерой заключительное слово. Я стараюсь не заплакать, и мне это удается. Я говорю о том, что мне трудно описать свои чувства, но я не считаю себя проигравшим. Я представляю, какой груз ляжет на плечи Сереги, когда он получит приз. Мне не хочется, чтобы люди видели в нем сундук с деньгами, потому что в Сереге есть что видеть. Он достоин этого приза и, что намного важнее — звания «Последний герой». Мои размышления перед камерой никто не пытается прервать или направить в нужное русло.

— Все, — заканчиваю упавшим голосом, так и не позволив слезам покинуть пределы моих глаз.

— Стоп! — командует Андрей Челядинов. — Спасибо, Вань. Держись!

Хочется поскорее выбраться отсюда. Ребята уже давно перебрались в сухой домик для съемочной группы. Игра закончена, каждый из нас может потребовать всего, что захочет, даже связи с домом, но мне сейчас не до этого. Сакин, провожая меня глазами, находит, чем поддержать: «Вань, я тебе пиво принес. Хочешь, сбегать за ним?»

— Спасибо, Серега, я попозже.

Я действительно благодарен Сереге. Чего тут сопли разводить. И так все понятно.

Глава 34

Барьеры рухнули. «Боги» угощают. Последние испытания Последнего героя. Вечер покаяния.

На берегу никого, кроме меня. Волны накатывают на камни, словно расстроенная чем-то девушка бьется о крепкую грудь спокойного мужчины. Сажусь на камень, который, как мне

кажется, волны не достанут. Сзади слышны возгласы ребят, обсуждающих последний совет. «А я вижу тебя, Сакин, и мне так смешно стало! — вспоминает Одинцов. — Вы так все изменились, бли-и-ин! А где Ваня? Аня, ты Ваню не видела?»

Сижу тихо, чтобы меня не нашли, но неожиданно за спиной появляется фотожурналист Оля Чумаченко. Оля — прекрасная женщина и классный фотограф. Мы очень хорошо общались еще на отборе в Москве. А на острове, где нельзя было разговаривать друг с другом, рисовали ногой слова на песке, пока никто не видел. Мне кажется, она понимает меня сейчас. Оля дважды щелкает камерой. «Все, Вань, я отойду сейчас. Потерпи, пожалуйста. Иногда ненавижу эту работу». Оля уходит.

Наконец решил обдумать расклад голосов. Итак, Снежана, что стало полной неожиданностью, голосовала за меня. Игорь и Саша Целованьский — тоже. Остальные, значит, за Одинцова? И Анька тоже? Да-а... Инка, Сакин — это понятно. Если они обещали Одинцову поддержку, не нарушат данного слова. К Наташе нет вопросов по другим причинам, но Анька... Не хочу думать сейчас об этом, а тем более спрашивать ее почему.

Дождавшись-таки, когда море обдало меня сильной волной, иду пить пиво. Стало немного легче, даже не приходится сдерживать слезы.

— Где мое пиво? — нарочито грубо спрашиваю у пробегающего мимо Сакина.

— О! Это мне нравится. Щас, Вань. Все будет! — Серега ускоряется в домик. — Вот, держи, братец!

Пока уродую банку, добывая пиво, Сакин, обняв меня за плечи, говорит:

— Слушай, я думаю, ты все понимаешь. И мне не надо кричать, что ты достаточно крут, чтобы не искать веревки с мылом?

— Да, конечно, — слегка улыбнувшись, отвечаю я. Тремя глотками опустошаю банку. Ладонь сжимает жестянку и забрасывает ее далеко в джунгли. Досада и злость еще не ушли.

Перебраться на цивилизованный остров пока невозможно. Лодки не могут пристать к берегу из-за шторма. Меня находит Одинцов, который продолжает говорить слова уважения, будто извиняясь за победу. А Анька, оказывается, разбила подбородок. Она поскользнулась на пирсе, когда ее встречал Сакин на острове Коронеро. У нее было сотрясение мозга, и заметно, что ей сейчас невесело. Вот такая ухмылка судьбы на прощание.

Барьеры рухнули. Режиссеры, операторы, спасатели, врачи — все общаются друг с другом и участниками, веселятся оттого, что испытание для всех закончилось, хотя вскоре, думаю, будут жалеть об этом. Все хотят запечатлеться на память, но общее фото без меня никто делать не хочет. Кричали мне всей толпой — человек тридцать, наверное.

Наконец лодочник умудряется причалить, и мы быстро заполняем довольно хлипкое суденышко. Герои, как и раньше, кричат друг другу: «Аккуратнее с пальцами! Осторожней, волна — все держимся!» Каждый заботится не только о себе, но и присматривает за остальными. Очередная волна накрывает лодку, и вот мы уже сидим по колено в воде. Море хулиганит. Волны метров под пять плавно поднимают и опускают нас, как на гигантских качелях. Мы с Игорем вычерпываем воду и вместе с народом всю дорогу, минут тридцать, во всю мощь глоток распеваем: «А я в Россию — домой хочу, я так давно не видел маму». Я вообще-то не любитель пафоса и сантиментов, но орать вместе со всеми эту песню понравилось.

На острове Коронеро, в той части, где живут ранее отчисленные, а теперь и мы, все красиво и ухожено. Красивый пирс с огоньками, спокойное море, уютные домики, бар с телевизором. Мы будто заново родились и теперь познаем азы цивилизованной жизни. Нас с Серегой помещают в апартаменты. Они самые большие и удобные — что-то вроде класса «люкс». Никто не беспокоится, что мы можем повздорить из-за выяснения, кто из нас лучше, или еще бог знает чего. Это действительно так: мы с Серегой сейчас дружны, как никогда. Он не победитель, а я не проигравший. Весь вечер нас называют исключительно «последние герои». Это приятно.

После визита к психологу спускаемся в бар. Ребята там уже давно освоились, а для нас роскошное местное меню в новинку, поэтому полагаемся на их вкус. Целованьский, доедая черепаший суп, приговаривает: «Ребята, лобстеры здесь очень вкусные, но я бы посоветовал вам взять креветок. Или лучше гамбургер какой. Из сладкого здесь только ромовая баба. Ни

шоколадок тебе, ни конфет. Так что, ну его на фиг». Мы следим за Сашиной ложкой не отрываясь. Понятно, что наш заказ тоже принесут, но пока он мог бы и поделиться.

Худшие опасения оправдываются. Пока повара трудились над нашим заказом, подошло время запланированного посещения близлежащего острова, на котором живет съемочная группа. Последнюю пятерку Тибуронес пригласили в бар Сергей Бодров и Сергей Кушнерев. Кушнерев — продюсер проекта. Он — самый важный человек в съемочной группе, главный «бог». Сакины, сославшись на болезнь Аньки, никуда не поехали. Мы же с Серегой, так и не переодевшись в приличную одежду, не приняв душ, не налюбовавшись на себя в зеркало, отправляемся в гости. Вопрос «что будете пить?» загоняет нас в тупик. Сами не можем понять, чего хочется больше. Просим пива, хотя нам с Серегой, конечно, хочется не пить, а есть. Вскоре в желудках начинаются настоящие судороги от запахов кухни, которые, кажется, повсюду.

Может, это очередное испытание? Ну, уж нет — дудки. Но как вежливо упомянуть о нашем голоде? Беседа не клеится, хотя поговорить есть о чем. Эти люди наблюдали за нами полтора месяца. Они знают нас, возможно, лучше, чем мы себя. Наконец Кушнерев интересуется: «А что из еды вы заказали у себя в баре в первую очередь?» Мы с Одинцовым тихо мычим что-то невнятное, но, к счастью, рядом Инна.

«А их еще не кормили», — сообщает она. Бодров смотрит на Кушнерева, мы отводим глаза в сторону. Получается, жалуемся, клянчим еду. Могли бы и потерпеть, на острове, случалось, сутками не ели. «Быстро идем в другой бар, — говорит раздосадованный недоразумением Кушнерев. — Там хорошая кухня». Два раза нас просить не надо.

Вскоре приносят тарелки с какими-то деликатесами. Мы с Серегой набрасываемся на еду, но после двух-трех ложек горячей, вкусной пищи чувствуем сытость. Нас предупреждали соплеменники: «Главное, не переборщить в первый раз. Желудок может не справиться с объемами, и вы проведете не лучшую ночь». Совладать с собой все же не удастся. Нам приносят вторую порцию. Теперь мы держим вилки более уверенно и лишь после очищения едва ли всей стоявшей на столе посуды оказываемся в состоянии вести полноценную беседу. Нам всем есть что вспомнить. Тем для обсуждения столько, что перескакиваем с одной на другую.

К полуночи возвращаемся в кемпинг. Кушать хочется опять, но в баре уже не готовят. Инна закупает горячительные напитки, и мы идем в наши апартаменты. Но и это еще не все. Когда узнал, что Игорь с Сашей припасли для нас курицу, разбудил их, хотя было уже довольно поздно. Курице тоже нашлось место в бездонных желудках.

В спальне достаю из рюкзака, остававшегося все это время в цивилизации, свой любимый органайзер. В нем заложены листочки с моими стихами. Листаю страницы, и ощущение такое, будто читаю чужие записи. Многие вещи откровенно не нравятся, я бы написал по-другому. Чтобы не разочароваться окончательно, останавливаюсь на стихотворении, что подарил моей девушке, признаваясь в любви. Вдруг пронзает мысль: в подкладке органайзера должна быть ее небольшая фотография. Так и есть. Да-а-а, я не видел это лицо уже полтора месяца!

Надо бы принять душ. Забавно, крутишь ручку крана, и льется горячая вода.

Ощущаешь себя настоящим дикарем. Постель мягкая и сухая. При первом же прикосновении к ней начинаю засыпать. Сон забирает меня из реальности, не спрашивая разрешения.

Утром просыпаюсь ровно в шесть. Именно в это время к острову приплывала моторная лодка, которая невольно будила нас своим шумом. Завтра самолет, поэтому хочу успеть как можно больше. Главное, посмотреть, как здесь обычные люди живут. Энергия бьет ключом, чувствую свежесть в отдохнувшем теле. Все последние недели утро начиналось с того, что я брал мачете и шел рубить кокосы. Теперь я без привычного спутника по прогулкам, но веревочка на поясе должна остаться со мной — это теперь талисман.

В баре уже сидят Сакины. У меня великолепное настроение, будто вчера победил, а не проиграл. Мы долго завтракаем, обсуждаем планы на сегодняшний день. Сакин нашел неподалеку Интернет-кафе. Одинцов все отлеживается в номере. Сакины, Игорь и я идем в Интернет-кафе. Оно сегодня не работает — воскресенье, — но для нас открыли. Мы уговорили американскую тетеньку сделать это добровольно. Ей понравилось, что мы с Сакиным хорошо

говорим по-английски, а при упоминании слова *Surviver* она окончательно нас полюбила. Послали пару сообщений в цивилизацию, заглянули на сайт ОРТ, посвященный нашему проекту, и изрядно посмеялись над собственными портретами.

По дороге говорим преимущественно об Одинцове, переживаем, как бы его не сломал этот сундук с миллионами. Трудно обладать такими деньгами. Можно действительно больше потерять, чем приобрести. Вскоре встречаем Одинцова и, конечно, сразу меняем тему. Одинцов выглядит смущенным. Он отводит Сакина в сторону и что-то тихо объясняет ему. Сакин удивлен: «Да ты что, Серега?! Ты это перестань, братец! Даже не думай об этом, понял?!» Одинцов кротко извиняется, и они возвращаются. Оказывается, Одинцов заподозрил Сакина в том, что из-за вчерашнего выигрыша тот изменил к нему отношение. Вот, не дождался его для прогулки. Теперь вместе обсуждаем животрепещущую тему. Выглядит так, будто родители объясняют сделавшему глупость маленькому мальчику, как надо правильно себя вести. Мы от всего сердца желаем Сереге добра и обещаем, что мы, бывшие Акулы, знающие, как достались ему эти деньги, никогда не будем видеть в нем сундук с миллионами. Наши рассуждения — бальзам на душу Одинцова. Он успокаивается, но мы понимаем, что это только начало последнего испытания Последнего героя.

Мы с Инной отправились гулять по острову. Она делает много фотографий, вспоминаем Тибуронес. Но мы сейчас на острове Коронеро, и бедность его жителей ужасает. Дети плохо одеты, везде грязь и запустение. Об экологии и санитарии можно забыть. Похоже, здесь вообще нет ни мусорных контейнеров, ни туалетов в цивилизованном понимании этого слова. И то, и другое заменяет море. Еще больше поражает, что за все время прогулки мы не увидели ни одного человека за работой. Люди сидят на каком-то подобии лавочек или выглядывают из окон невзрачных домиков, подолгу разглядывают нас. Может, это все из-за стиля жизни «маньяна»?

Обед прерывается предложением Володи Донины съездить на остров Тибуронес. Ему надо что-то забрать оттуда. Инка просит меня заодно поискать забытое ею платье. Я рад, что снова увижу наш лагерь, но уже другими глазами. Глазами, которые не будут шарить в поисках съестного и топлива.

Нас встречает холодная безжизненность. Никого. Необитаемый остров. Захожу в лагерь, и что-то сжимается внутри. Здесь Игорь посадил дерево, мы все вместе построили дом, Целованьский узнал, что скоро станет отцом. Поднимаю кокосовую миску, валяющуюся под столом. Я заберу ее с собой.

Лагерь мертв.

Сегодня решили отпраздновать окончание игры, а заодно поздравить Сакиных. Конечно, каждый из нас сохранит в душе прожитые здесь дни, но их впечатления к тому же будут скреплены узами брака. Ближе к ночи народ разбивается на небольшие группы, почти как на Тибуронес перед советом. За столом остаются Целованьский, Игорь и я. Теперь, когда игра закончена, им хочется расставить точки над *i*. Но что-то ломается во мне в этот вечер. Я еще не готов обсуждать с ними, да и с кем бы то ни было, нашу островную жизнь. То же самое можно, вероятно, сказать и о моих собеседниках, хотя они вышли из игры раньше меня. Порезы души у Акул, Черепах и Ящериц еще не зажили.

Но дело не только в этом. Мое мнение о людях, с которыми судьба свела на острове, постепенно менялось, к окончанию испытаний оно сложилось почти о каждом, за исключением Нади. Именно о ней зашла сегодня речь. Главное — это вопросы, остающиеся до сих пор без ответа: манипулировала она все же мной и Анькой или нет. Воспользовалась ли она моей откровенностью в своих целях?

В расстроенных чувствах и сотрясающей меня злости на самого себя (оттого, что ввязался в этот тяжелый разговор) поднимаюсь к Одинцову. Он, похоже, стал очередной жертвой той болезни, которую наши соплеменники перенесли на острове в легкой форме. Это флеботомная лихорадка, вызываемая укусами mosquitos. Длится она дня три, и мне, очевидно, ее тоже не избежать, но пока чувствую себя хорошо.

Мы садимся с Серегой за плетеный столик, наслаждаемся пивом и покоем и обсуждаем нетеребящие душу вещи. В основном каемся. Режем матку-правду и смеемся над тем, как многого мы еще, оказывается, не знаем друг о друге. Я рассказываю ему, как Наташа перед

своим последним советом предлагала сделку, как Инка разрывалась между ним и мной. Серега вспоминает, как менялось его отношение ко мне... Мы говорим обо всем, сравниваем наши мнения, смеемся над различиями и сходствами. Спать ложимся под утро, а в шесть уже стоим внизу с рюкзаками. Теперь — в аэропорт, где полтора месяца назад приземлился наш маленький самолет. Кажется, это было вчера.

Самолет делает вираж, и мы уже над морем, где так много островов, похожих на наши. И все же через полчаса Акулы замечают остров совета, а затем и Лагартос с Тортугасом. Какие там правила безопасности: все бросились на одну сторону и с мокрыми глазами припали к иллюминаторам. Прощание состоялось.

Последний перелет Амстердам — Москва. Мы сидим втроем: Инна, Одинцов и я. Серега уже выздоровел, но настроение у него паршивое. Подлетаем к Москве. Вцепившись руками в кресло, он отворачивается от нас и долго смотрит в иллюминатор. Инка пытается повернуть его голову, но тщетно. Неужели Одинцов плачет? Так и есть. Мы берем его за руки и сжимаем их как можно крепче. Он поворачивается к нам и тихо говорит: «Спасибо, ребята». Больше мы не вымолвили ни слова до самого конца полета. Только держались друг за друга, сжимая руки изо всех сил.

Эпилог

Мне жаль, что далеко не все Черепахи, Ящерицы, Акулы дожили до Костра на берегу, когда нас осталось пятеро. Да, нам повезло, что альянс не завершил свое существование так, как ожидалось. Кто-то скажет, все спасла свадьба. Но ведь перед тем советом и его фантастической развязкой никто из альянса не воспользовался шансом использовать меня в качестве решающего, третьего голоса, чтобы убрать на пути к сундуку с деньгами другую пару. Они заключили договор друг с другом, и не их вина, что именно я оказался лишним. Да, было трудно и обидно оттого, что в их меню я не один день значился блюдом номер один. Но при всех моих достоинствах и тотемных подвигах я долгое время был для них не более чем удачливым конкурентом, стремящимся лишить их шанса на победу. Правила игры придумали не они, но они изменили правила своей игры со мной. Оценить этот поступок сможет только тот, кто побывал в нашей шкуре.

Как добиться успеха в игре, которая называется жизнь? Надеяться на собственные силы и удачу или искать союзников? Если доверяешь тем, кто оказался рядом, протяни руку. Конечно, промедление может оказаться роковым. Пока раздумываешь и выбираешь, могут опередить конкуренты. Но лучше выбыть из гонки на ранней стадии, чем оказаться преданным в двух шагах от цели, разочароваться в тех, кого считал друзьями. Не можешь быть уверенным в союзниках? Положись на себя и не жалуйся потом на горькую долю. Это твой выбор. А увидев, как ты с достоинством шагаешь один, может, кто-то захочет присоединиться или, по крайней мере, воздаст должное твоему решению.

Я давно уже дома, в Волгограде, но не забыл ничего из моей второй жизни на острове. Защитный тотем со мной. Надеюсь, он меня и здесь защитит от напастей. Жизнь вошла в колено. Я безумно рад, что друзья и близкие воспринимают меня так же, как и до эпопеи на Бокас-дель-Торо. И я, и они знаем: оттого, что человека два раза в неделю показывали по телевизору, он не рождается заново.

Правда, некоторые из них упрекают меня в наивности, проявленной на острове. Но как сказал в «Трех товарищах» один из героев Ремарка, «в трудные времена наивность — самое драгоценное из всего, волшебная мантия, скрывающая от тебя беды...»

И все же есть вещи, которые гнетут и огорчают меня. Рассказывая о тридцати девяти днях на острове, я не могу передать самое главное — атмосферу, суть выживания, а без этого все теряется. Ведь это совсем не важно, какой вкус у червячков и был ли секс на островах. И даже не то, как и почему именно мы попали туда. На нашем месте вполне могли оказаться другие. Важно совсем другое: КАКИМИ мы оттуда ушли и ПОЧЕМУ.

Не один день мучил себя вопросом: почему Аня Модестова, Анька, мой самый близкий друг на острове, назвала Последним героем не меня, а Одинцова? Мы встречались не раз,

созваниваемся, но я так и не спросил ее об этом. Потому что понял: у каждого собственное представление о Последнем герое. Вот и все.

Через четыре дня после прилета в Москву «скорая» привезла меня с температурой 41,5 в одну из городских инфекциенок. Лихорадка догнала меня последним из Тибуронес. Здесь-то я уж точно оказался последним, а по температуре просто вне конкуренции.

Но сильнее страданий физических оказались муки душевные. За меня решали, какие таблетки пить, какими уколами дырывать многострадальную Акулу, бывшую в детстве Черепахой. Не получив моего согласия, заперли в маленькой комнатке, где только решеток на окнах не хватало. Меня не спрашивали, в состоянии я рубить кокосы на завтрак или нет, а просто сказали, что раньше чем дня через три отсюда не выпустят. Если, конечно, анализы будут хорошими.

Чудовищная несправедливость заключалась в том, что заболел я не на острове, где всевозможные болячки были неотъемлемой и естественной частью выживания, а здесь, в холодной Москве, где врачей больше, чем пациентов.

А еще мне было немного грустно расставаться с болезнью. Ведь это не какой-то пошлый грипп или ветрянка, а лихорадка флеботомная. Привезена с Карибского моря, а не подхвачена в городском троллейбусе.

Последнее, что связывало меня с Бокас-дель-Торо, слишком быстро отступало под натиском современной медицины...